

НИК ПЕРУМОВ
ВЕРА КАМША

МЛАВА КРАСНАЯ

Роман о России, Любви и Войне

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Александр ШАЛГАНОВ.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:

Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:

Дмитрий БАЙКАЛОВ.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Екатерина АРОЯН.

СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ:

Инесса ЛУГАЧЁВА.

ВЕРСТКА:

Татьяна МУРИНА.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:

Эдуард ГЕВОРКЯН, Александр ГРОМОВ, Олег ДИВОВ, Марина и Сергей ДЯЧЕНКО, Евгений ЛУКИН, Сергей ЛУКЪЯНЕНКО, Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:

Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:

www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:

if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:

МОСКВА, 119435, Б.Саввинский пер., д. 9, ИД «Любимая книга»,

журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:

8(499)248-08-90 (доб. 201).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:

ИД «Любимая книга»,
тел. 642-97-55.

ИЗДАТЕЛЬ:

Издательский дом «Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:

«Наша пресса», «Центропечать», «Сити Пресс Сервис», «Сейлс»,
«Метропресс» (С.-Петербург), «ДМ пресс», ХК «Сегодня пресс»,
«Роспечать», «Желдорпресс», «АРПИ-Сибирь» (Новосибирск).

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ООО «Красногорская типография»
143400, Московская область, г. Красногорск, Коммунальный кв., д. 2.
Зак. 3528.

Тираж 14 000 экз.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция вступает в переписку только на страницах журнала.

Редакция не несет ответственности за содержание рекламных
объявлений.

©«ЕСЛИ», 2012

ФАНТАСТИКА № 1 (227)
ISSN 1680-645X

ЕСЛИ

49 Кристин Кэтрин РАШ

СОВЕТ УБИЙЦЫ

«Тебе нужно было просто вышвырнуть его за борт через шлюз...»

173 Александр ЯБЛОКОВ

КАНАТНЫЕ ДОРОГИ: ДЕНЬ ПОСЛЕДНИЙ

Этой необычной профессии приходит конец даже в альтернативном мире.

3 Джек МАКДЕВИТТ

ПРОЕКТ «КАССАНДРА»

Давайте же определимся: были на Луне инопланетяне или нет?

19 Эдуарде Дельгадо САИНО

НАДЕЖДА НА СПАСЕНИЕ

Умирая последней, его надежда вновь воскресает и опять уходит в смертельное небытие.

33 Норман СПИГРАД

МУЗЫКА СФЕРЫ

Оказывается, есть мелодии, которые мы не слышим. Ну, а если постараться?

123 Джерри ОЛШЕН

ШАРЛАТАН

Сойтись в поединке приглашены ученый-медик и гомеопат. Истина обнаруживается там, где ее никто не искал...

141 Стивен БЁРНС

ЖДИ!

Даже когда отношения радикально меняются, отголоски старых могут быть весьма живучими.

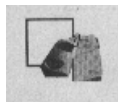
215 Майк РЕЗНИК

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Подлинной привязанности не помеха любое обличье.

235 Вандана СИНГХ
СУТРА МЛЕЧНОГО ПУТИ

Можно ли влюбиться в человека через .полторы тысячи лет после его смерти?

105 Тимофей ОЗЕРОВ

ЛЕОНАРДОПАНК

Давнишняя история в новейшей инкарнации.

107 Александр РОЙФЕ

НЕЧТО И НИЧЕГО

Эволюция фильма как результат эволюции общества.

113 Аркадий ШУШПАНОВ

ФЭНДОМ КИНО

Фэны, гики и прочие - новые герои кинематографа?

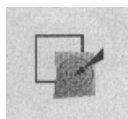
120 Дмитрий БАЙКАЛОВ

НЕ ТРОГАЙТЕ КУБИНСКИХ ЗОМБИ!

Обзор фантастических премьер грядущего полугодия.

110 ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ

Что важнее - идея или ее воплощение на экране?

250 Глеб ЕЛИСЕЕВ

ГИГАНТСКАЯ КНИГА О ГИГАНТАХ

Эту НФ-эпопею автор знаменитого реалистического творения «Берлин. Александерплац» считал своим главным творческим свершением.

253 РЕЦЕНЗИИ

Наши рецензенты неутомимы в чтении. Чего и вам желают.

265 КУРСОР

Президентская награда нашла героя.

259 Вл. ГАКОВ

СЛЕЗНАЯ МОЛИТВА УОЛТЕРА МИЛЛЕРА

Не так уж много прозаиков, кто закрепился в литературной истории, написав, по сути, всего один роман.

267 ПЕРСОНАЛИИ

Правила очень просты: задача писателей - создавать миры, наша - обустраиваться в них и ждать новых.

ДЖЕК МАКДЕВИТТ

ПРОЕКТ «КАССАНДРА»

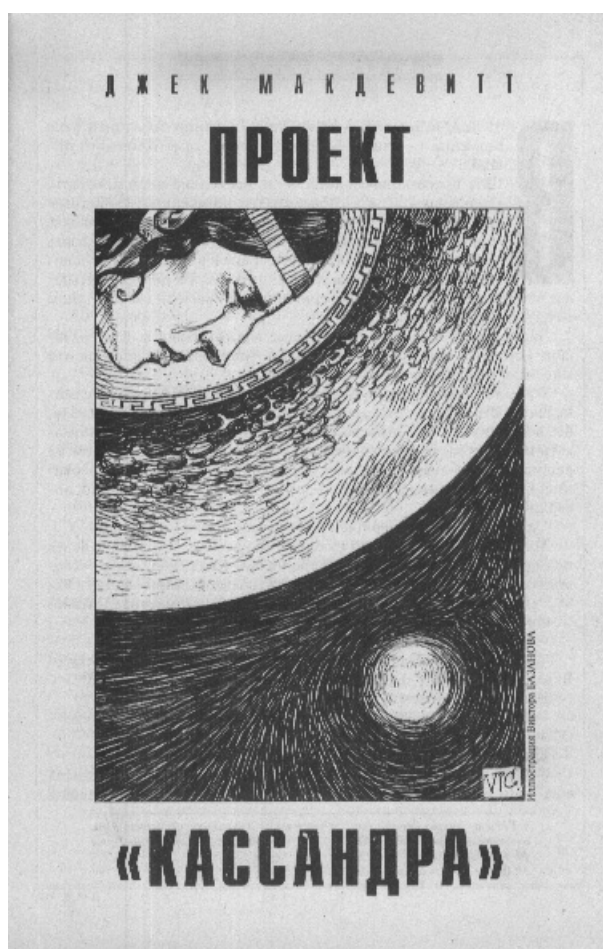

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

Вот ведь нелепость - важнейшей научной сенсацией века разразился «Нэшнл Бедрок», таблоид самого низкого пошиба.

Шла пресс-конференция - за несколько дней до старта «Минервы», - и я отбалтывался по всяким безобидным вопросам типа: правда ли, что

если все пройдет гладко, то это ускорит миссию на Марс? А что собирается сказать Марсия Бэккетт, когда сойдет с трапа и станет первым человеком, ступившим на лунную почву, с тех пор как пятьдесят четыре года назад Юджин Сернан*¹ зажег красный свет? В таком вот духе, понимаете...

Часом позже в Белом доме к прессе должны были выйти президент Горман и его русский коллега Дмитрий Александров, так что мне было в общем-то не до этих глупостей.

То было славное время. Мы, конечно, знали, чем чревата самонадеянность, но уже две орбитальные миссии прошли без сучка, без задоринки. Обе запросто могли осуществить посадку и помахать нам оттуда, и даже ходил слух, будто Сид Мушко чуть ли не решился действовать по своему усмотрению и ставил на голосование, не проигнорировать ли им протокол и не спуститься ли на поверхность.

Сид и пятеро его товарищей все отрицали. Как же иначе.

Только я отметил, что это Ричард Никсон зажег красный, а вовсе не Сернан, как замахал рукой Уоррен Коул. Коул работал на «Ассошиэйтед Пресс». Он сидел впереди, на своем обычном месте, и тянул вверх левую руку, а сам сосредоточенно высматривал что-то у себя на коленях, чего мне было не разглядеть.

- Уоррен? - отозвался я. - Что у тебя?

- Джерри... - Он поднял глаза, даже не пытаясь скрыть усмешку. - Видел, что напечатал «Бедрок»? На коленях у него оказался Q-rod**².

Несколько человек тут же полезли в свои устройства.

- Нет, не видел, Джерри. - Я надеялся, что он потешается. - Обычно так рано я до «Бедрока» не добираюсь.

Кто-то фыркнул. Потом по залу прокатилась волна смеха.

- Что? - Первой моей мыслью было, что вот-вот разразится еще один скандал с астронавтом, вроде того, в прошлом месяце, с Барнаби Сальватором и половиной стриптизерш с побережья. - Что они пишут?

- Русские опубликовали еще несколько лунных снимков, сделанных в шестидесятые. - Он хихикнул. - А тут перепечатали один, с обратной стороны Луны. Если ему верить, там есть какой-то купол.

- Купол?

- Ага. - Он со щелчком раскрыл ноутбук. - У НАСА есть какие-нибудь комментарии?

- Ты ведь шутишь, да? - спросил я.

Он развернул Q-rod, поднял повыше и прищурился на изображение.

- Угу, действительно смахивает на купол. Насмеявшись вволю,

---

¹ * Юджин Эндрю Сернан (род. в 1934 г.) - американский астронавт, в настоящее время последний человек, стоявший на поверхности Луны 14 декабря 1972 г. (Здесь и далее прим. перев.)

² ** Новая модель смартфона фирмы «Шарп».

журналисты обратили взоры на меня.

- Ну, - отмахнулся я, - наверное, нас опередил Бак Роджерс*³.

- Выглядит убедительно, Джерри. - Он все еще смеялся. Мне не надо было объяснять ему, что фото поддельное: это все мы и так знали... Видать, со скандалами на этой неделе у «Бедрока» было туговато.

Вот только, если это подделка, то сделали ее русские. Москва опубликовала свои снимки всего лишь несколькими часами раньше и прислала их нам без каких-либо пояснений. Очевидно, ни они, ни мы не заметили ничего необычного. Но только не ребята из «Бедрока». Перед пресс-конференцией я эти фото не просматривал... Просто потому, что если тебе попалось однажды на глаза несколько квадратных километров лунной поверхности, то ничего нового уже не увидишь. А купол, если это был купол, присутствовал на каждой фотографии серии. Датированной апрелем 1967 года.

«Бедрок» вынес снимок на первую полосу, где обычно выставляют изображения кинозвезд, уличенных в измене или подловленных на попойке. Там была стена кратера, большущая стрелка посреди темного пятна указывала на купол, а заголовок кричал: «ИНОПЛАНЕТЯНЕ НА ЛУНЕ. На русских снимках обратной стороны Луны обнаружена база. Фотографии сделаны до «Аполлона».

Я вздохнул и откинулся в кресле. Только этого нам не хватало.

Выглядело и вправду как искусственное сооружение. Штуковина располагалась на краю кратера, напоминая формой верхушку пули. Либо это было отражение, некая иллюзия, либо фальшивка. Но русским незачем было выставлять себя на посмешище. И, черт побери, купол действительно выглядел настоящим.

Я все еще разглядывал фотографию, когда раздался звонок. Это была Мэри.

- Джерри, я уже в курсе.

- Что происходит, Мэри?

- Бог его знает. Свяжись с Москвой. Это ведь непременно всплывет у президента, и нам нужно подготовить ответ.

Василий Козлов отвечал у русских за связи с общественностью и прибыл в Вашингтон в составе президентской делегации. Когда я позвонил ему, он жутко паниковал:

- Я видел, Джерри. Понятия не имею, что это. Всего-то пару минут назад принесли. Снимок у меня как раз перед глазами. Действительно ведь выглядит как купол, а?

---

³ * *Начиная с 20-х годов прошлого века герой научно-фантастических рассказов, комиксов, телесериалов - лейтенант американских ВВС. после пятивекового сна оказавшийся в будущем.*

- Да, - согласился я. - Это твои подрисовали изображения со спутника?
- Кто же еще. Ладно, мне звонят. Дам тебе знать, как только выясню что-нибудь.

Я позвонил Дженни Эсковар из Национального архива США.

- Дженни, уже видела «Нэшнл Бедрок»?

- Нет. И что на этот раз?

- Совсем не то, что ты думаешь. Сейчас перешлю. У тебя кто-нибудь может выяснить, что это за место?

- Какое место? А, подожди... Получила.

- Узнай, где это, и выясни, можно ли получить снимки этого же района с наших спутников.

Я услышал, как у нее перехватило дыхание. А потом она рассмеялась.

- Дженни, это серьезно.

- Но зачем? Ты же не веришь, что там и вправду стоит какой-то домина?

- Кто-нибудь да спросит президента об этом. Минут через двадцать состоится пресс-конференция. И мы хотим, чтобы он смог сказать, что это, мол, чушь, вот снимок того же района и, как видите, ничегошеньки там нет. Чтобы он смог сказать, что «Бедрок» опубликовал оптическую иллюзию. Хотя ему и придется сделать это дипломатично, не поставив русских в неловкое положение.

- Ладно. Удачи тебе.

Сенсация «Бедрока» уже привлекла внимание новостных передач. Анджела Харт, ведущая утреннего выпуска «Уорлд Джорнал», взяла интервью у какого-то физика из Массачусетского технологического института. Тот вполне разумно усомнился:

- Наверное, это просто шутка. Или игра света.

Однако Анджела подивилась, зачем русские вообще опубликовали этот снимок:

- Они ведь должны были осознавать, что вокруг него поднимется шумиха.

Вдобавок - она, правда, этого не озвучила - снимок должен был обеспокоить русского президента и двух космонавтов, входящих в экипаж «Минервы».

Перезвонил Василий, он был в отчаянии.

- Они не знали о куполе, - заявил он. - Никто его не заметил. Но это оригинальный снимок. Мы просто взяли и выложили кучу старых материалов, ранее не публиковавшихся. Пока мне не удастся отыскать никого, кто знает об этой штуке. Но я стараюсь.

- Василий, кто-то ведь должен был увидеть его еще тогда. В 1967 году.

- Наверное.

- Наверное? Ты считаешь, что засняли нечто подобное, а никто и внимания не обратил?

- Нет, Джерри, я не предполагаю ничего такого. Я только... Да я и сам не знаю, что предполагаю. перезвоню, когда узнаю что-нибудь.

Буквально через несколько минут позвонила Дженни.

- Это восточная стена кратера Кассегрена*⁴.

- И?

- Я переслала тебе снимки НАСА этого района.

Я включил монитор и просмотрел фотографии. Та же самая стена кратера, тот же самый испещренный выбоинами лунный ландшафт. Но без купола. Ничего необычного.

Снимки датированы июлем 1968 года. Больше чем на год позже русских.

Я позвонил Мэри и объявил:

- Просто напортачили русские. Но подробностей никаких.

- Президент не может так сказать.

- Ему надо лишь сказать, что у НАСА нет подтверждения наличия на обратной стороне Луны купола или чего-то подобного. Может, ему стоит обернуть всю эту историю в шутку. Ну, типа там марсианский передатчик.

Но Мэри это смешным не показалось.

На президентской пресс-конференции Горман и Александров просто от души посмеялись. Александров все свалил на Хрущева, после чего смех стал еще громче. Затем они обратились к важности проекта «Минерва» - долгожданного возвращения на Луну, являющегося вехой начала новой эры всего человечества.

Таблоиды смаковали сенсацию еще два-три дня. «Вашингтон Пост» опубликовал редакционный комментарий, где на примере купола показал, какими легковверными все мы оказываемся, когда что-то такое появляется в прессе. А потом Кори Эббот, только что получивший «Золотой глобус» за роль Эйнштейна в фильме «Альберт и я», врезался на машине в уличный фонарь и оставил калифорнийский городок Деккер без света. И история с куполом благополучно забылась.

В утро старта Роскосмос распространил заявление, что купол на пресловутом снимке появился в результате дефекта проявки. «Минерва» стартовала строго по графику, на глазах у всего мира долетела до Луны и сделала вокруг нее несколько витков. Посадочный модуль мягко прилунился в море Маскелайна*⁵. Всех удивила Марсия

---

⁴ * Лоран Кассегрен (1629-1693) - французский католический священник и оптик.

⁵ * Невил Маскелайн (1732-1811) - английский астроном. На самом

Бэккетт, уступив право первого выхода через шлюз космонавту Юрию Петрову. Тот спустился и дал знак остальным членам экипажа последовать за ним. Когда все собрались на реголите**⁶, Петров сделал заявление, в свете последовавших событий ставшее бессмертным: «Мы здесь, на Луне, потому что за минувшее столетие избежали войны, которая уничтожила бы нас всех. И мы пришли вместе. И теперь стоим, объединенные как никогда прежде ради всего человечества».

Тогда это меня не особо впечатлило - обычная популистская чепуха. Что лишь показывает, чего стоят мои мнения.

Я смотрел на свой офисный монитор. И пока происходило действие, вглядывался в бесплодную пустошь моря Маскелайна за спинами космических путешественников, размышляя, в каком направлении находится кратер Кассегрена.

Я никак не мог понять, зачем русские подделали фотографию. Василий говорил, что все, кого он ни расспрашивал, были крайне удивлены. Снимки извлекли из архивов и распространили без всякой проверки. И, насколько удалось выяснить, подделать их никто не мог.

- Я просто не понимаю, Джерри, - сокрушался он.

Мэри велела мне не забивать голову:

- У нас есть дела и поважнее.

В НАСА уже не оставалось никого, кто работал бы там в шестидесятые. Правда, я знал одного человека с мыса Кеннеди*⁷ - Амоса Келли, который служил в Агентстве во времена полета на Луну «Аполлона-11» и был когда-то приятелем моего деда. Он появился в Агентстве в 1965 году, тогда еще техником, а со временем стал одним из руководителей полетов. Жил он все в том же районе и состоял в «Друзьях НАСА» - добровольной организации, иногда действительно помогавшей, но большей частью лишь устраивающей вечеринки. Я позвонил ему.

Старику уже перевалило за восемьдесят, но голос его звучал бодро:

- Конечно, Джерри, я помню тебя.

Я был совсем маленьким, когда он заглядывал к нам, чтобы забрать дедушку на вечернюю партию в покер.

- Чем могу помочь?

- Это может прозвучать глупо, Амос...

- Для меня ничто не звучит глупо. Я привык работать на правительство.

деле его именем на Луне назван кратер, а не море.

⁶ ** *Реголит - лунный грунт, разнородный обломочно-пылевой слой, достигающий толщины нескольких десятков метров.*

⁷ * *Так с 1963 по 1973 год назывался мыс Канаверал.*

- Вы читали в таблоидах ту историю о куполе?
- Как же я мог пропустить ее!
- А вы слышали нечто подобное раньше?
- Ты имеешь в виду, не думали ли мы, что на Луну высадились марсиане? - Он рассмеялся, повернулся к кому-то, чтобы сказать, что звонят ему, и засмеялся снова: - Ты это серьезно, Джерри?
- Наверное, нет.
- Вот и ладно. Кстати, ты отлично справляешься в Агентстве. Твой дедушка гордился бы тобой.
- Спасибо.

Потом он сказал, что очень скучает по старым денечкам, по моему деду, и предался ностальгии, вспоминая, какая замечательная у них была команда.

- Лучшие годы моей жизни. Я поверить не мог, что они просто возьмут и свернут программу. - Наконец, он спросил, как фотографии прокомментировали русские.

Я рассказал.

- Ну, может, они так и не изменились с тех пор.

Минут через двадцать он перезвонил.

- Я перечитал историю в «Бедрокке». Там сказано, что объект расположен на гребне кратера Кассегрена.

- Да, точно.

- Одно время поговаривали о проекте «Кассегрен». В шестидесятых. Я не знаю, в чем он заключался. Может, то был всего лишь слух. Никто толком про него ничего не знал. Помню, он считался таким секретным, что даже само его существование было закрытой темой.

- Проект «Кассегрен»?

- Да.

- И вы понятия не имеете о его цели?

- Нет, абсолютно. Сожалею, но ничем не могу помочь.

- А если бы знали, сказали?

- Это было давно, Джерри. Наверняка секретность уже снята.

- Амос, ваш пост в Агентстве был довольно высок...

- Но не настолько.

- Что-нибудь еще помните?

- Ничего. Совершенно. Насколько я знаю, из проекта ничего не вышло, и, скорее всего, его свернули.

Поиски по Кассегрену дали лишь сведения о кратере. Так что я предпринял прогулку по комплексу Агентства и поболтал со старейшими сотрудниками. Ну что, Ральф, здорово, что мы возвращаемся на Луну, а? Стоит всех разочарований. Кстати, вы слышали когда-нибудь о проекте «Кассегрен»?

Они лишь смеялись. Кассегрен. Чокнутые русские.

В день, когда «Минерва» сошла с лунной орбиты и взяла курс на

Землю, Мэри пригласила меня к себе в кабинет.

- Джерри, надо, чтобы экипаж после возвращения выступил перед прессой. Какие будут идеи?

- Понял. Конференция пройдет на Эдвардсе?⁸

- Ответ отрицательный. Проведем ее здесь.

Мы обговорили кое-какие детали, расписание, список выступающих, темы, которые надо раскрыть. Когда я собрался было уходить, она остановила меня.

- И еще одно. Касательно Кассегрена... - Я весь подобрался и обратился в слух. Мэри Гридли была неведома лирика. Ей шел уже шестой десяток, и годы борьбы с бюрократической бессмыслицей не способствовали развитию у нее терпимости. Она была мала ростом, но вполне могла нагнать страху хоть на самого папу римского. - Я хочу, чтобы ты оставил эту тему.

Она взяла было ручку, потом положила ее и пристально посмотрела на меня:

- Джерри, я знаю, что ты выпрашиваешь у всех об этом идиотском куполе. Послушай, ты хорошо справляешься со своими обязанностями. Наверняка ты будешь работать с нами долго и счастливо. Но этого не случится, если люди перестанут воспринимать тебя всерьез. Ты меня понял?

После торжеств я отправился в турне.

- Мы должны пользоваться моментом, - сказала Мэри. - Самое время поднимать волну положительных отзывов в прессе, лучшего и не придумаешь.

Вот я и путешествовал, раздавая интервью, выступая на собраниях и круглых столах - в общем, делал все возможное, чтобы повысить сознательность общественности. НАСА хотело построить на Луне базу. Это был логичный следующий шаг. Который следовало сделать еще десятилетия назад - и сделали бы, не растратив политики все ресурсы на бессмысленные войны и интервенции. На сооружение базы требовались значительные средства, а нам пока не удалось привлечь на свою сторону избирателей. Вот это-то некоторым образом и стало моей обязанностью.

В Сиэтле я присутствовал на званом обеде Торговой палаты вместе с Арнольдом Баннером - астронавтом, дальше орбитальной станции вообще-то не летавшим. Но все же он был астронавтом, из самой что ни на есть эпохи «Аполлона». За едой я спросил его, не слышал ли он о проекте «Кассегрен». В ответ он наградил меня укоризненным взглядом и пробурчал что-то о таблоидах.

---

⁸ * Эдвардс - авиационная база ВВС США в Калифорнии, использовалась для приземления шаттлов.

Астронавтов мы возили, куда только могли. В Лос-Анджелесе на благотворительной акции флота гвоздем программы должны были стать Марсия Бэккетт и Юрий Петров, не окажись там Фрэнк Аллена.

Ему уже перевалило за девяносто, и вид у него был измученный. Его вены так вздулись, что я забеспокоился, не нужна ли ему кислородная маска.

Он был четвертым из астронавтов эпохи «Аполлона», с которыми я разговаривал за эти две недели. Когда я спросил его о проекте «Кассегрен», глаза его расширились, а губы плотно сжались. Потом он взял себя в руки.

- «Кассандра», - произнес он, смотря мимо меня куда-то вдаль. - Это засекречено.

- Не «Кассандра», Фрэнк. «Кассегрен».

- Ах, да. Конечно.

- У меня есть допуск.

- Какой категории?

- «Секретно».

- Этого недостаточно.

- Хотя бы намекните. Что вам известно?

- Джерри, я и так сказал слишком много. Засекречено даже его существование. Было засекречено. Да неважно.

«Кассандра».

Вернувшись на мыс Канаверал, я предпринял поиски по «Кассандре» и обнаружил, что за все эти годы в Агентстве работало множество женщин с этим именем. А еще уйма Кассандр так или иначе сотрудничала с нами: вели программы, знакомившие детей с космической наукой, помогали физикам НАСА в обработке данных с орбитальных телескопов, редактировали издания, разъяснявшие деятельность НАСА широкой общественности. Они были везде. Просто невозможно, введя любой запрос по НАСА, не наткнуться на какую-нибудь Кассандру.

И все же на самом дне этой кучи - так глубоко, что я едва ее не упустил, - таилась одна-единственная запись: «Проект «Кассандра», хранилище 27176В, Рэдстоун».

Говорите, такой секретный, что даже его существование держалось в тайне?

Рэдстоун - это Рэдстоуновский арсенал в Хантсвилле, где НАСА хранит ракетные двигатели, частично укомплектованные спутники, приборные панели испытательных стендов и множество прочих артефактов еще со времен «Аполлона». Я позвонил им.

Чей-то баритон уведомил меня, что я связался с хранилищем НАСА.

- Говорит сержант Сейбер.

Я не смог сдержать улыбки, но понимал, что все шуточки насчет своей

фамилии он уже выслушал⁹. Я назвался и приступил к делу:

- Сержант, у вас зарегистрировано кое-что под названием «проект «Кассандра». - Я назвал номер. - Могу я получить доступ к содержимому?

- Одну минуту, господин Коулпеппер.

Ожидая, я разглядывал развешанные по стенам фотографии Нила Армстронга, Лоренса Бергманна и Марсии Бэккетт. Рядом с Бергманном стоял я - кстати, именно он уговорил президента вернуться на Луну. И еще я стоял рядом с Бэккетт - при ее разговоре со школьниками из Алабамы во время турне Центра космических полетов имени Маршалла. Обаяния Марсии было не занимать. Я всегда подозревал, что она получила назначение на «Минерву» отчасти потому, что руководство знало: люди ее любят.

- Когда вы планируете приехать, господин Коулпеппер?

- Пока даже не знаю. Может, на следующей неделе.

- Предупредите нас заранее, и все пройдет без задержек.

- Так проект не секретный?

- Нет, сэр. Я как раз просматриваю его историю. Изначально он был засекречен, но по закону об ограниченном доступе к фондам секретность была снята. Уже больше двадцати лет назад.

Мне пришлось пройти еще один тур чествований и пресс-конференций, прежде чем удалось вырваться. Шумиха наконец-то утихла. Астронавты вернулись к своей рутинной работе, важные персоны - к своим обычным занятиям, чем бы они там ни занимались, и жизнь на мысе Канаверал вошла в привычное русло. Я попросил отпуск.

- Ты заслужил его, - дала добро Мэри.

На следующий день, вооружившись экземпляром закона об ограниченном доступе, я отправился в Лос-Анджелес.

- Поверить не могу, - сказал Фрэнк.

Он жил со своей внучкой и примерно восьмью членами ее семьи в Пасадене. Внучка проводила нас в свой кабинет - она была кем-то вроде инспектора по налогообложению, - угостила лимонадом и оставила одних.

- Во что вы не можете поверить? Что с проекта сняли секретность?

- Что эта история вообще всплыла. - Фрэнк сел за стол. Я опустился на кожаный диванчик.

- Что за история, Фрэнк? Там действительно был купол?

- Да.

- Значит, НАСА подделало собственные снимки Кассегрена? Чтобы замести следы?

---

⁹ * *Saber* (англ.) - сабля, шашка, кавалерист.

- Об этом мне ничего неизвестно.
- Что же тогда вам известно?
- Нас послали посмотреть. В конце 1968 года. - Он умолк. - Мы опустились чуть ли не на верхушку этой чертовой штуки.
- Еще до «Аполлона-11»?
- Да.

Я сидел совершенно ошарашенный. Но быстро пришел в себя - я не из тех, кого легко пронять.

- Полет был объявлен тестовым, Джерри. Исключительно орбитальным. Все остальное - купол, посадка, все было совершенно секретным. Этого просто не происходило.

- Вы на самом деле добрались до купола?

Он колебался. Ясное дело, всю свою жизнь ему пришлось держать язык за зубами.

- Да, - наконец выговорил он. - Мы прилунились на расстоянии чуть более полукилометра от него. Макс был молодцом.

Макс Доннелли. Пилот лунного модуля.

- И что дальше?

- Помню, я подумал, что русские нас сделали. Забрались на Луну, а мы даже не узнали об этом. Там не было ни антенн, ничего такого. Один лишь большой серебристый купол. Примерно с двухэтажный дом. Без окон. Никаких серпов-молотов. Ничего. Только дверь. Светило солнце. Миссию спланировали так, чтобы нам не пришлось подбираться к нему в темноте. - Он подвинулся в кресле и тут же издал глухой стон.

- Фрэнк, что с вами? - забеспокоился я.

- Колени. Теперь они не те, что прежде. - Он потер правое. Потом снова переместился, на этот раз осторожно. - Мы не знали, чего ожидать. Макс сказал, что эта штука, наверное, очень старая, потому что вокруг не видно следов. Мы подошли к двери. На ней была ручка. Я думал, заперто, но все равно попробовал открыть. Сначала дверь даже не шелохнулась, но потом что-то поддалось, и она распахнулась.

- И что было внутри?

- Стол. На нем скатерть. А под ней что-то плоское. И больше ничего.

- Совсем ничего?

- Совсем. - Он покачал головой. - Макс поднял скатерть. Там оказалась прямоугольная пластина. Из какого-то металла. - Тут он умолк и уставился на меня. - На ней была надпись.

- Надпись? Что там говорилось?

- Не знаю. Так и не выяснил. Было похоже на греческий. Мы увезли пластину с собой и отдали ее. А потом нас вызвали и допросили. Напомнили, что все это совершенно секретно. Что бы там ни было

написано, это, должно быть, напугало Линдона Джонсона*¹⁰ и его парней до смерти. Потому что они так ничего и не сказали, и насколько я понимаю - русские тоже.

- И больше вы ничего об этом не слышали?

- Ну, только то, что следующая миссия «Аполлона» вернулась туда и уничтожила купол. Сровняла с землей.

- Откуда вы узнали?

- Я знал экипаж. Мы ведь общались друг с другом. Они не сказали бы этого вслух. Просто покачали головой. Беспокоиться больше не о чем.

На улице кричали дети, гоняя мяч.

- Значит, греческий?

- Было похоже.

- Послание от Платона.

Он лишь пожал плечами. Кто знает?

- Что ж, Фрэнк, мне кажется, это объясняет, почему операцию назвали проект «Кассандра».

- Она вроде не была гречанкой?

- Есть другая версия?

- А может, этим, из Овального кабинета, «Кассегрен» было слишком трудно выговаривать.

Я рассказал Мэри, что узнал. Она не обрадовалась.

- Я же велела тебе оставить это, Джерри.

- У меня бы все равно не получилось.

- Хотя бы не сейчас. - Она не скрывала отчаяния. - Ты ведь понимаешь, что это будет означать для Агентства? Если НАСА все время лгало и это станет известно, то нам никто больше не поверит.

- Мэри, это было очень давно. И потом, не Агентство ведь врало. Администрация.

- Да уж, - ответила она, - намного легче.

На складском комплексе НАСА в Рэдстоуновском арсенале в Хантсвилле хранятся ракеты, лунный посадочный модуль, автоматизированные телескопы, спутники, космическая станция и множество прочих устройств, поддерживавших на протяжении почти семидесяти лет если и не особую мощь, то все-таки жизнеспособность американской космической программы. Что-то припрятано в раскинувшихся пакгаузах, остальное выставлено на открытых площадках.

Я припарковался в тени «Сатурна-V» - ракеты, выносившей «Аполлоны» в космос. Меня всегда впечатляла бесконечная отвага тех, кто готов сидеть в верхушке одной из этих штуквин, пока другие

---

¹⁰ * *Линдон Бэйнс Джонсон (1908-1973) - 36-й президент США (1963-1969).*

поджигают запал. Если бы это зависело от меня, мы бы, скорее всего, даже в Китти-Хок*¹¹ не оторвались от земли.

Я заглянул в Управление складов, получил указания и пропуск и через пятнадцать минут вошел в один из пакгаузов. Затем служитель проводил меня мимо клетушек и кладовок, забитых всевозможными коробками и ящиками. Где-то посреди всего этого мы остановились, и он сличил мой пропуск с номером на двери бокса. Через перегородку из проволочной сетки было видно нагромождение картонных коробок, помеченных ярлыками. Некоторые из них были открыты, виднелась какая-то электроника.

Служитель отпер дверь, и мы вошли. Он включил верхний свет и быстро осмотрелся, задержавшись в итоге на одном из ящиков на полке. Сердце мое учащенно забилося, пока он изучал ярлык.

- Вот, господин Коулпеппер, - указал служитель. - «Кассандра».

- И это все?

Он сверился со своим списком.

- Это все, что у нас числится по проекту «Кассандра», сэр.

- Хорошо. Спасибо.

- Пожалуйста.

Замка на ящике не было. Служитель откинул крючок, поднял крышку и отступил, чтобы освободить мне место. Интересы к содержимому он не проявил. Не знаю, почему меня это удивило, ведь для него это была всего лишь обычная работа.

Внутри покоился прямоугольный предмет, завернутый в полиэтилен. Мне не было видно, что там, но, конечно же, я знал. Мое сердце к тому времени уже выбивало дробь. Длина пластины составляла около полуметра, ширина была, может, вдвое меньше. Она была тяжелой. Я вытащил ее и положил на стол. Не хотелось бы ее уронить. А потом я развернул полиэтилен.

Металл был черный, отполированный и отражал слабый свет лампочки над головой. И письма на нем, несомненно, были греческие. Восемь строчек.

Мысль о приветствии от Платона вдруг показалась мне не такой уж дикой. Я сделал снимок. И еще несколько. Наконец, с неохотой завернул пластину и положил обратно в ящик.

- Ну, и что же там написано? - спросил Фрэнк.

- Здесь перевод, - я достал из кармана листок и положил перед ним, однако он покачал головой.

- Глаза мои уже не столь хороши, Джерри. Просто скажи, кто это написал. И что.

---

¹¹ * Китти-Хок - курортный городок в Северной Каролине, где братья Райт совершили первые полеты на планере (1901-2003).

Мы снова были в кабинете в доме Фрэнка в Пасадене. Стоял прохладный дождливый вечер. Через улицу я видел, как его сосед выбрасывает мусор.

- Писали не греки.

- Не очень-то я этому удивлен.

- Кто-то прилетал очень давно. Около двух тысяч лет назад. Они оставили послание. На греческом. Должно быть, они посчитали, что так мы с большей вероятностью сумеем его прочесть. Само собой, при условии, что когда-нибудь доберемся до Луны.

- Так что там написано?

- Это предостережение.

Морщины на лбу Фрэнка пролегли глубже.

- Солнце утратит стабильность?

- Нет. - Я еще раз взглянул на перевод. - Там говорится, что им неизвестна ни одна цивилизация, которая выдержала бы технический прогресс.

Фрэнк уставился на меня:

- Ну-ка, еще раз.

- Они все погибают. То ли изобретают все более совершенное оружие и развязывают войны. То ли побеждают индивидуальную смертность, а это, по всей видимости, непременно приводит к застою и гибели. Не знаю. Они не уточнили. Возможно, цивилизации захлестывает преступность. Или население становится слишком зависимым от технологии и утрачивает все свои умения. Как бы то ни было, в послании говорится: нет сведений, что где-то хотя бы одна высокотехнологичная цивилизация состарилась. Стоит прогрессу начаться, и дольше нескольких веков - наших веков - ничто не длится. Изобретите печатный станок - и берегитесь. Самая старая из известных им цивилизаций, достигнув этапа высоких технологий, продержалась меньше тысячелетия.

Фрэнк хмурился. Он не верил.

- Но они-то выжили. Черт, ведь у них же был межзвездный корабль.

- По их словам, они искали место, чтобы начать заново. А там, откуда они пришли, сплошь руины.

- Ты шутишь.

- Они говорят, что если мы будем знать заранее, то, быть может, сможем выкрутиться. Для этого они и оставили предостережение.

- Здорово.

- Если им удастся выжить, то они обещают вернуться посмотреть, как у нас дела.

- И как теперь с этим поступят?

- Мы снова все засекретили. Опять совершенно секретно. Я не должен был говорить тебе всего этого. Но я подумал...

Он шевельнулся в кресле. Поморщился и принялся разминать правую

руку.

- Может, потому-то проект и назвали «Кассандра». Ведь это та женщина, которая вечно делала дурные предсказания?

- Вроде того.

- И с этим еще что-то связано...

- Ага, - подхватил я. - Дурные предсказания. Которым никто не верит.

Перевел с английского Денис ПОПОВ

© Jack McDevitt. The Cassandra Project. 2011. Публикуется с разрешения автора.

ЭДУАРДО ДЕЛЬГАДО САИНО

НАДЕЖДА НА СПАСЕНИЕ

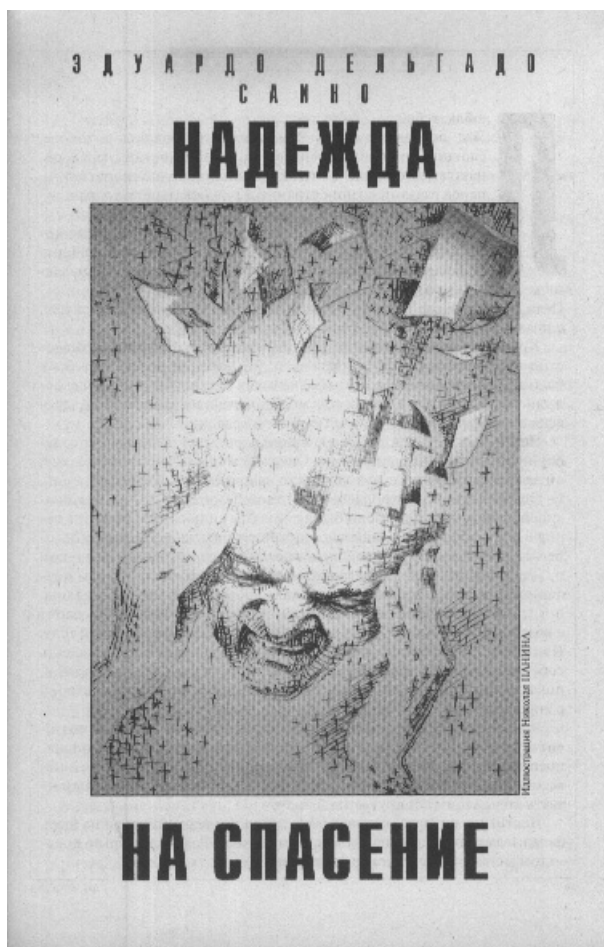

Иллюстрация Николая ПАНИНА

Люблю тебя!

Эти последние слова Элисы эхом отдавались в голове, словно были произнесены всего лишь мгновение назад, однако вместо привычного окружения, наполненного светом, перед глазами возник странный голубоватый полумрак.

- Что за чертовщина? - спросил сам себя человек.

Распростертый на теплой поверхности инопланетного артефакта, человек был один в каком-то помещении на борту корабля. Он силился понять, что же произошло в последнюю секунду его жизни.

Оглядев свое нагое тело, он перевел взгляд на металлические скобы, с помощью которых был зафиксирован на артефакте.

Когда он освободился от их тисков, нахлынула боль. Рак безжалостно пожирал внутренности человека. До этого он не ощущал боли благодаря постоянному альфа-излучению и лекарствам, но сейчас болезнь брала верх над плотью, разумом, логическим мышлением человека и ввергала его в пучину безмерного страдания.

Человек скрючился пополам, в позе зародыша, и наполнил голубой полумрак истощенным воплем. Он звал свою возлюбленную Элису, он звал своего друга Сесара, но никто из них ему не ответил.

Человеческий мозг обладает системой безопасности, не допускающей, чтобы приступы боли были слишком сильными. Он всегда верил в это и потому не удивился, ощутив, что пытка постепенно ослабевает, сменяясь свинцовой тяжестью в животе и бешеным стуком пульса в висках. Открыв глаза, человек увидел, как от его головы медленно отлетают в сторону небольшие прозрачные капли - слюна, пот и слезы, парящие в невесомости. Он осознал, что и сам парит в воздухе под влиянием ускорения, которое спазмы придали его телу. Центрифуга не работала. Всего лишь несколько минут назад тяжесть собственного веса прижимала его к артефакту чужой цивилизации, пока он ждал, когда Элиса включит этот аппарат, а теперь гравитация равнялась нулю.

Человек терпеливо дождался момента, когда сила инерции доставит его тело к потолку помещения, чтобы оттолкнуться от него в направлении пола. И хотя мышцы помнили навыки перемещения в невесомости, сейчас не стоило делать резких движений, чтобы не вызвать новый приступ внутренней боли.

Достигнув потолка, человек обнаружил там вереницу мелких букв, складывающихся в неровные строчки. Кто-то исписал острым предметом металлическую поверхность всех стен.

Отклонив голову так, чтобы тень от нее, отбрасываемая светом артефакта, не мешала различать контуры букв, человек прочел выбранную наугад строку:

«...жду, что вновь раздастся какой-нибудь звук, который вселил бы в меня хотя бы слабую надежду...»

Заинтересовавшись, человек принялся пробежать глазами предыдущие строчки, чтобы понять смысл прочтенного отрывка.

«Возможно, я существую в виде своей реинкарнации № 940456, если принимать во внимание количество «звездочек». Я знаю, что в своих предыдущих жизнях слышал какой-то звук, который я описывал как трение металла о металл, и шаги, напоминающие топоток насекомого по корпусу корабля, и это вселяет в меня определенную надежду. Это могли быть инопланетяне, прибывшие, чтобы забрать свои похищенные артефакты. Возможно, моя персона вызывает у них достаточное любопытство, раз они хотят сохранить меня. Пусть будет так. И вот теперь я постоянно жду, что вновь раздастся какой-нибудь звук, который вселил бы в меня хотя бы слабую надежду на то, что меня спасут и избавят от столь адского и абсурдного существования *».

Человек оторвался от чтения. Что бы ни означали эти слова, написанные его рукой, вчитываться в них оказалось тяжким занятием, так что он решил не придавать им особого значения, по крайней мере пока...

Прежде всего он уяснил, что произошло в последние пять минут его прошлой жизни. И почему он оказался в руках Элисы и Сесара перед началом эксперимента с инопланетным артефактом, а потом очнулся в этом незнакомом помещении один-одинешенек в полумраке. И наконец, он вспомнил, что его зовут Бени.

Он начал опускаться вниз, чтобы обрести ложную уверенность, встав на ноги на полу помещения. Он согнул колени, чтобы избежать отталкивания от пола, но это вызвало очередной приступ боли.

Дождавшись, когда боль утихнет, Бени огляделся вокруг.

Голубоватый свет исходил от артефакта Чужих. Это была одна из его особенностей - он всегда излучал призрачный свет. В помещении не было других источников освещения, но Бени все же стал искать взглядом выключатель. И он его увидел. Мягко оттолкнувшись от артефакта, он поплыл, увлекаемый инерцией, корректируя свое перемещение движениями рук. Он научился этому еще в бытность свою курсантом академии астронавтики.

Выключатель будто закалился и не поддавался нажиму - словно в последний раз его использовали несколько веков тому назад. Прямо под выключателем имелся рычаг ручной разблокировки дверей. Бени попробовал нажать на него, но и эта попытка не увенчалась успехом.

Вокруг выключателя и рычага теснились мелкие буквы, выведенные его почерком. Бени не сумел избежать соблазна прочесть одну из этих строк:

«... не позволяй ненависти овладеть тобой. Что было, то прошло...»

Чтобы понять, ему пришлось вновь искать начало нужного абзаца.

«Ты должен принять как должное, что Элиса и Сесар * всего лишь

пытались вести такой образ жизни, который был бы оптимален в их положении. Не суди их строго, ведь на их месте ты поступил бы точно так же. Элиса никогда не переставала любить тебя и всегда заботилась о тебе в каждой твоей реинкарнации. Поэтому не позволяй ненависти овладеть тобой. Что было, то прошло, и ты никак не сможешь этому помешать. Прими же это как должное...»

Над мелкими буквами кто-то сделал надпись заглавными и тоже его почерком:

«НАДЕЮСЬ, ТЫ ПРОЧТЕШЬ ЭТО, КОГДА ПОПЫТАЕШЬСЯ ВКЛЮЧИТЬ СВЕТ. ОСТАВЬ ЭТИ НАПРАСНЫЕ СТАРАНИЯ. ЕСЛИ ХОЧЕШЬ ПОНЯТЬ, ЧТО ЗА ЕРУНДА ТУТ ПРОИСХОДИТ, ТО, БУДЬ ТАК ДОБР, ПОСМОТРИ В ВЕРХНИЙ ПРАВЫЙ УГОЛ КАЮТЫ. ТАМ - НАЧАЛО ВСЕГО».

Бени развернулся. Чтобы попасть в правый верхний угол, достаточно было несильного толчка, но Бени не стал делать его прямо сейчас.

Со своего места ему было видно почти все помещение. На переднем плане находился инопланетный артефакт - светящийся прямоугольный объект, на одном из углов которого имелась какая-то штукovina неправильной формы. Все прочее представляло собой мешанину из разных приборов и устройств, на вид очень старых, а точнее - древних. Тут были портативные компьютеры, небольшой холодильник и несколько генераторов кислорода. Судя по их состоянию, все они перестали работать просто потому, что исчерпали свой ресурс, и теперь вместе с другими вещами громоздились возле левой стены, прикрепленные к ней магнитными лентами. В слабом свете артефакта Бени разглядел в этой куче книги и тетради. Он решил, что, прежде чем заняться изучением предметов, должен прочесть начало повествования, нацарапанного с помощью резца на всех стенах помещения.

Он оттолкнулся и поплыл туда, где мог бы избавиться от своего абсолютного неведения в отношении предшествующих событий.

Как и обещали слова из заглавных букв, написанные над выключателем света, Бени быстро нашел первый ответ на свои вопросы.

«Элиса и Сесар умерли. Мне жаль тебя, ведь ты остался совсем один...»

И хотя Бени уже догадывался об этом, но невольно испытал душевную боль от утраты самых дорогих для него людей. На смену этой боли совсем некстати пришла другая, гораздо более мучительная и реальная, - боль, вызванная метастазами, вынудившая Бени скрючиться в ожидании конца приступа.

Он задался вопросом, сохранились ли в какой-нибудь из коробок, грудой валявшихся в углу, остатки морфина, но предчувствовал, что, скорее всего, на всем корабле не осталось ни грамма болеутоляющего.

Когда боль утихла, Бени продолжил чтение.

«Элиса и Сесар умерли. Мне жаль тебя, ведь ты остался совсем один... Однако я считаю, что важнее всего - и ты должен понять и согласиться со мной - другое. Артефакт Чужих - всего лишь машина, которая делает копии живых существ, но не лечит их. Хотя ты уже и сам это понял. Эксперимент, который Элиса проводила на тебе, заключался в том, чтобы определить пределы действия этой машины, ведь вначале опыты производились лишь на растениях и животных. Ты - олицетворенный результат эксперимента. Сейчас, когда я пишу это, мне удалось насчитать 405589 реинкарнаций с оригинала. В каждой реинкарнации ты проживаешь примерно неделю. Помни, что, когда придет время умереть, ты должен лечь на машину, чтобы она могла восстановить в тебе конфигурацию самой первой копии. Генераторы воздуха обеспечивают кислород, по крайней мере пока корабль производит достаточное количество энергии, хотя это не может длиться бесконечно. Поэтому системы жизнеобеспечения функционируют в минимальном режиме. Поскольку когда-нибудь аппараты перестанут работать, я решил записывать на стене результаты исследований, которые Элиса и Сесар проводили на протяжении многих лет. Они прожили вместе три жизни. В каждой из них им пришлось терпеть твои бесконечные воскрешения после смерти. Поэтому пойми их и избавься от нелепой ревности, которая пробуждается внутри тебя. Мне остается жить совсем немного, так что когда ты дойдешь до незаконченной фразы, то должен продолжать вести записи о том, что ты считаешь важным из видеорегистрации исследований. Компьютеры долго не протянут. Ты также можешь использовать тетради, ставя звездочку в начале каждой реинкарнации. Теперь ты знаешь все. Не теряй времени на осмысление того, что узнал, просто возьми тетрадь со значком в виде крестика на обложке и поставь в ней свой крестик. Твои последующие копии будут знать, сколько раз повторялся процесс реинкарнации. Я решил, что всякий раз, когда смерть будет совсем близко и придется прервать записи, буду ставить звездочку. Делай то же самое, это поможет твоим будущим реинкарнациям узнать, сколько предшественников писали в этой тетради. Вот что я хотел тебе сообщить в качестве приветствия, а теперь дело за тобой *».

Теперь все стало ясно. Прежде всего Бени последовал совету, запечатленному на стене, и постарался задавить в зародыше чувство ненависти к Элисе и Сесару. В данной ситуации это казалось ему наиболее логичным. К тому же эти двое умерли давным-давно, хотя для него не прошло и получаса с тех пор, как они были рядом с ним, подбадривая и стараясь понять, для какой дьявольской цели мог служить дурацкий копировальный агрегат инопланетян. Решение испробовать эту штуку на нем было вызвано отчаянием Элисы перед

лицом неминуемой гибели Бени. Они знали, что машина делает копии живых организмов и что, если положить на нее труп какого-нибудь животного, она возвращает ему жизнь на основе первоначальной копии. Бени помнил: эксперимент заключался в том, чтобы получить его первую копию. Он вспомнил лишь то, что было до этого момента. Элиса надеялась, что, если после смерти Бени уложить его тело на машину Чужих, при воскрешении не останется и следа от пожирившей его болезни. Однако, видимо, машина не лечила болезни. Она просто возвращала бездыханные останки к жизни в том виде, в каком впервые их скопировала, с раковыми клетками и всем прочим.

Бени вновь проклял инопланетян и их идиотское изобретение. Он также понял, что боль, которая на этой стадии заболевания не была еще невыносимой, давала о себе знать, потому что машина не воспроизводила лекарства, которые содержались в его крови в момент снятия первой копии.

Значит, Элиса и Сесар прожили вместе целых три жизни...

Бени мысленно представил их, весело ласкающих друг друга в постели в то время, когда он мучился от приступов боли в соседнем помещении, и это видение больно кольнуло его душу. Но он заставил себя выбросить его из головы. Следовало сосредоточиться на выполнении инструкций, которые он оставил самому себе, чтобы внести хотя бы толику смысла в свое безумное существование.

Прежде всего надо поставить крестик в тетрадке.

Он устремился к свалке вещей в левом нижнем углу. Но в первую очередь порылся в коробках с изображением красного креста на крышке, чтобы окончательно убедиться в том, что в них ничего нет.

- Морфина нет, засранец! - сказал он, обращаясь к артефакту.

Потом он увидел тетрадь с большим крестом на обложке. Ее листы были сделаны не из бумаги, а из полимеризованного пластика. Тетрадь почти не использовалась в качестве рабочего журнала экспедиции, но была рассчитана на долгий срок. Для записей в ней применялся магнитный стилус, которого он так и не нашел. Под большим крестом на обложке было что-то написано.

«В каждой тетради - 100 листов, то есть 200 страниц. На каждой странице помещается ровно 1000 крестиков вот такого размера: +. Старайся уместить на каждой строчке не менее 20 крестиков, чтобы их на странице получилась 1000 штук».

Прямо под этой инструкцией были и другие записи:

«Тетради кончились, всего их было 3. Это безумие, я чуть не сошел с ума, подсчитывая количество крестиков, но все равно думаю, что это необходимо. Мне пришла идея, что надо начать ставить крестики в пробелах между теми, которые уже были поставлены, чтобы на каждой строчке снова помещалось 20 штук. Что скажешь? Начинать придется тебе».

И еще ниже:

«Я только что поставил последний крестик в последний пробел на последней странице, будь она проклята! Хотя это может показаться нелепостью, но если у тебя возникнет такое желание, ты можешь использовать пространство между строчками - так, чтобы снова получалось 20 крестиков в строке и т.д. Опять твоя очередь».

Дальше было написано:

«Я только что поставил последний крестик в третьей тетради, свободного места больше нет. Но я подумал, что ты мог бы перечеркивать каждый крестик по диагонали, и каждая такая палочка в крестике обозначала бы очередную реинкарнацию».

А еще ниже значилось:

«Наклонные палочки закончились. Начиная теперь ставить их с другим наклоном, чтобы каждый крестик превратился в звездочку. Таким образом, каждый крестик будет обозначать 3 жизни».

В самом низу обложки тетради, где уже почти не оставалось свободного места, была чем-то острым процарапана короткая фраза:

«Стилус накрылся медным тазом, поэтому записи прекращаю».

Бени не верилось, что все это было на полном серьезе. Он раскрыл тетрадь на первой странице и оглядел мириады звездочек, заполнявших каждый квадратный миллиметр. Открыв тетрадь, на обложке которой красовалась большая двойка, он убедился, что и она заполнена точно так же. То же самое было и с третьей тетрадью.

Он швырнул тетради обратно в свалку, впервые ощутив растерянность и страх. Ему неохота было заниматься подсчетом крестиков. И без того стало понятно, что, если каждое его воплощение проживало одну неделю, а в году пятьдесят две недели, так что каждая тетрадь могла быть приравнена к сотням тысяч недель... нет, даже к миллионам недель... Так сколько же времени должно было пройти, чтобы полностью стерся стилус с магнитным наконечником?

- Что же это такое творится? - машинально прошептал он.

Он пробыл рядом с кучей предметов больше двух часов, лениво плавая в воздухе и погружившись в размышления. Со стороны казалось, что он спит. Бени решил не думать о времени, которое мог бы потратить, проживая эту ситуацию в каждой своей жизни. Ему нужно было уяснить, почему он находится в этом отсеке и существует ли хотя бы малейшая возможность спастись. И есть ли то, что придало бы смысл всему этому абсурду...

В конце концов ему не оставалось ничего иного, кроме как вернуться в верхний левый угол отсека и продолжить чтение.

«* Ну вот, я уже три дня подряд смотрю видеозаписи и думаю, что теперь могу в общих чертах описать, что происходит, чтобы ты, не имея возможности воспользоваться видеком, был в курсе. После аварии двигатель вышел из строя. Комп произвел серию аварийных

торможений задолго до прибытия корабля в точку гиперпространственного прыжка. В результате им удалось выйти на орбиту вокруг голубого гиганта. Это орбита с большим радиусом, и корабль делает полный виток за 5987 лет. Починить двигатель нет никакой возможности. Единственное, что можно сделать, - передавать сигнал бедствия в автоматическом режиме в надежде, что его примет какой-нибудь корабль, оказавшийся в радиусе нескольких световых лет. По расчетам компа, ближайшая обитаемая колония находится в 3456 световых годах, поэтому ждать, когда наш сигнал дойдет до нее, было бы нелепо. Это - с одной стороны. Я также нашел в одной из видеозаписей сообщение, которое записывал сам для себя и в котором объясняется, почему я заперт в этом помещении. Так вот, это отсек, где раньше хранились принадлежности для уборки. Да, это покажется смешным, но именно данный отсек расположен почти в самом центре корабля. На видео я объясняю, что, очнувшись, обнаружил несколько микроскопических дырочек от метеоритов, которые пробивали корпус корабля насквозь. Это вполне логично, ведь за такое время пребывания в космосе корабль должен все больше разрушаться. Я решил перетащить сюда артефакт вместе с кое-какими приборами жизнеобеспечения и скафандром. * В той видеозаписи я излагаю Элисе и Сесару свое решение забаррикадироваться в этом отсеке. Я пытаюсь убедить их в том, чтобы они перешли сюда вместе со мной, ведь втроем будет легче выжить. Но они к тому времени уже превратились в изможденных старика и старушку и сказали, что не хотят больше жить в мертвом корабле, что у них не осталось никакой надежды на спасение, а посему они не собираются ждать, когда запасы энергии совсем иссякнут. * Этих видеопленок тут целые километры, и просматривать их в конце концов надоедает. * Видел запись, на которой я говорю, что надо укрепить внешние переборки уборочного отсека. Скорее всего, впоследствии я наварил на стены плиты, демонтированные в других местах корабля. * Видимо, приборы вскоре перестанут функционировать, один из воздухоочистителей уже не работает, но у меня есть кое-какая идея на тот случай, если все агрегаты выйдут из строя. Мох, который растет в биологической лаборатории, вполне может подойти для очистки воздуха от углекислого газа. Я помещу его на артефакт, чтобы тот сделал с него копию и потом, после каждой гибели растений, восстанавливал их. Кислорода, который дают эти веточки мха, вполне хватит, чтобы обеспечить выживание. А что касается поддержания температуры, то достаточно того тепла, которое излучает артефакт. * Не знаю, какой копией по счету я являюсь после последней записи, но теперь уже почти ничего не работает, за исключением компа. В нем сохранилась запись, на которой я объясняю, что меня беспокоят попадания метеоритов и что остается лишь укрепить дверь броневыми плитами. * Я запечатан внутри

отсека, как в консервной банке, и не знаю, что еще можно сделать. * Мох очищает воздух, а тепло, которое исходит от артефакта, поддерживает постоянную температуру. Если бы не это и не короткая продолжительность моей жизни, позволяющая обходиться без пищи, то не знаю, что бы со мной стало. * Предполагаю, что ты уже сделал это открытие, но на всякий случай сообщаю: в этом микроклимате на стенах конденсируется влага. Лично я в течение двух часов беспрестанно лизал стены. * Ничего не работает, и я не нахожу ответа на вопрос, почему я не оставил для себя никакой информации об аппарате Чужих. Ведь за свои три жизни Элиса и Сесар должны были сделать какие-то открытия на этот счет. Хотя я уверен: они ни хрена не исследовали, а только трахались втайне от меня. Я постоянно спрашиваю себя: в тот день, когда катастрофа погубила всех членов нашего экипажа и породила рак в моем брюхе, совокуплялась ли эта парочка на поверхности планеты, где мы нашли артефакт? Как ты думаешь? Я думаю, что да, ведь они завели шашни еще до того, как мы прибыли на ту проклятую планету. * Я не должен писать об этом, ведь сведения такого рода мне уже не понадобятся. * Больно. * Очень больно, но чем еще я могу заниматься тут, ожидая, когда боль утихнет? * Я могу попытаться исследовать своими силами, как работает эта долбаная машина Чужих, правда? Пока нам известна лишь одна из ее функций - копирование живого организма и его бесконечно повторяющееся воскрешение после смерти. Что ж, это уже кое-что, и с этого момента надо записывать все, что станет еще известно об этой штуковине. А пока - ничего. * Ничего. * Ничего. * Я лишь знаю, что она светится и что питающая ее энергия не кончается. * Ничего. * Мох вроде бы чувствует себя неплохо. Вот бы мне стать мхом! * Вспоминаю тот день, когда я познакомился с Элисой в Тренировочном центре и как мы познакомились с Сесаром, еще до отлета с Земли. * Какой же я сукин сын! * Да. * Да. * Да. * Кишки разрываются от жуткой боли. * Да, это очень больно. * Думаю, что на этот раз я не стану умирать на машине, ведь когда-то это должно кончиться, так пусть это произойдет здесь и сейчас! * Ну, конечно, я не сделал этого, поэтому продолжаю не то жить, не то подыхать. * Давай будем писать на машине, ладно? * Нет, я бы, скорее, предпочел писать на задницах этих сволочей Элисы и Сесара...»

Письмена продолжались бесконечно, и стена заполнялась по мере того, как реинкарнации сменяли друг друга. Боль в кишечнике возобновилась, и Бени воспользовался этим, чтобы отвлечься от бредовых записей. Паря в воздухе, он размышлял. Размышления смягчали боль - или он просто убедил себя в этом. Главное - не зацикливаться на своих мучениях. Бени думал, что бесполезно пытаться сделать какие-либо выводы, ведь все его предшественники приходили к этим же выводам миллионы раз до него. Он подумал, что

они наверняка делали то же, что и он в этот момент: плавали в невесомости, напряженно размышляли и приходили к одному и тому же безнадежному выводу о том, что ничего нельзя сделать.

Потом он вспомнил самые первые строчки, которые прочел на потолке.

- Шорохи на корпусе корабля, - произнес он вслух.

Открыв глаза, Бени посмотрел туда, где впервые прочел об этом. Но он витал в воздухе далеко от возможных точек отталкивания, хотя и медленно планировал к полу, поэтому в течение двух минут пришлось терпеливо ждать, когда можно будет взмыть ввысь, затратив для этого минимальное усилие.

Да, запись о странном шуме была именно в том месте. Бени отыскал конец абзаца и стал читать дальше.

«Теперь я все время жду, когда раздастся новый звук, который вселит в меня надежду на спасение от этого адского абсурда. * Да, это похоже на поступь чьих-то лап по корпусу. Сюда доходит даже не сам звук, а вибрация металлической обшивки. В вакууме не слышны звуки, хотя у меня нет уверенности в том, что корабль в данный момент находится в вакууме. * Я слышал сильный удар - наверное, это очередной метеорит прошел корпус корабля, и мне страшно от мысли, что за этим не кроется нечто иное. * Я тоже слышал это - удары и бег чьих-то лапок. Неужели это инопланетяне? * Предлагаю каждый раз, когда подобные звуки будут повторяться, ставить звездочку, а если их не слышно - крестик. Я их слышал. *+++».

Дальше шла длинная серия крестиков, перемежающихся едкими комментариями.

«Слишком много крестиков, и, кажется, я догадываюсь, что это за звуки. Просто от корабля постепенно отделяются обломки и трутся об обшивку. Микроскопические метеориты должны были за прошедшие века превратить корпус корабля в подобие сита - вот и все. Хотя это не объясняет явно различимые шаги насекомоподобных существ, которые я только что слышал. +++ Проклятье, я вот-вот подохну, а до сих пор еще ничего не слышал +++ Ничего +++*. Думаю, что это именно куски обшивки, которые следуют за кораблем и бьются о его корпус. Скорее всего, они подчиняются силе притяжения, которую создает для них корабль, вот они и кружатся вокруг, как на орбите, а временами сталкиваются с ним. Во всяком случае, я не слышал никаких пробежек насекомых...»

Бени внезапно почувствовал приступ слабости и задремал. Когда он проснулся, то не имел понятия, сколько прошло времени. В его внутренностях пульсировала боль, и не было ни сил, ни желания продолжать чтение. Он подумал было, что надо попытаться включить компьютер, посмотреть видеозаписи, но тут же выкинул из головы эту мысль, вспомнив, сколько тысяч лет не работали все эти аппараты.

Неустанно трудился только чертов инопланетный артефакт, черпавший энергию неизвестно откуда. Возможно, внутри него был аккумулятор, который мог выполнять функцию источника питания на протяжении миллиардов лет. Но самое страшное заключалось в том, что, прожив эту ситуацию бесчисленное количество раз, Бени умудрился не сойти с ума. Артефакт заботился о том, чтобы его нейроны и химические реакции в мозгу оставались точно такими, какими были в тот момент, когда Бени впервые лег на его светящуюся поверхность. И из этого тупика не было выхода.

Или выход все же был?

А если на этот раз он вполне сознательно не ляжет на аппарат? Если он покончит с вечным проклятием, отказавшись вновь и вновь проживать этот кошмар?

Бени подумал о будущем. Когда-нибудь очередной метеорит пробьет защитные плиты в наиболее слабой точке, и кислород улетучится из отсека. Это должно будет произойти и наверняка произойдет. Если этот роковой момент наступит во время его бодрствования, то ад прекратится, он умрет вне машины Чужих, и все будет напрасно. А если это случится, когда он будет мертвецом, лежащим на артефакте? Тогда он умрет и тут же воскреснет, и это будет повторяться без конца, а он даже не успеет понять, что за чертовщина с ним творится. После воскрешения он будет умирать от удушья и тут же воскрешаться, чтобы снова умереть в состоянии полной растерянности. Нет-нет, в конце концов его тело превратится в лед. Неужели машина сможет решить эту проблему? И тогда она примется размораживать его тело вновь и вновь?

Бени представил, как станет плавать над артефактом, удерживаемый зажимами, в открытом космосе, в окружении обломков корабля, вечно кружась на орбите вокруг голубого гиганта, то умирая, то приходя в себя, чтобы, не успев даже задать свой первый вопрос: «Что за черт?..», тут же скончаться. Он также подумал, что даже такая бредовая ситуация не могла бы продолжаться вечно, ведь рано или поздно этому мог бы положить конец любой метеорит. Или артефакт способен выдержать попадание метеорита? А почему бы и нет? Наверняка он может даже регенерировать любую часть тела Бени, пострадай она от попадания метеорита...

Если он перед смертью вновь ляжет на артефакт, то, в конце концов, надежда на спасение со стороны какой-нибудь инопланетной цивилизации сохранится. Время работало на Бени, ведь в его распоряжении было все время существования Вселенной. Рассчитывать на спасение уже не стоило. Кто знает, сохранилось ли вообще человечество к этому моменту? А может, оно превратилось в нечто иное?

Нет, если спасение возможно, то его следует ждать от цивилизации,

только начинающей космические путешествия и проявляющей любопытство к каждой необычной находке. Возможно, представители этой цивилизации когда-нибудь приступят к изучению голубого гиганта, и на экранах их радаров появится маленькая точка или чувствительные датчики обнаружат излучение артефакта. Возможно, атмосфера их планеты окажется непригодной для дыхания человека, но в ходе его неоднократных воскрешений у этих существ появится возможность испробовать различные газовые смеси, пока они не придут к созданию воздуха. Возможно, потом они, осознав, что Бени тяжело болен, станут лечить его разными инопланетными снадобьями... И тогда он останется в живых. Он будет жить, удивляясь, почему всего секунду назад Элиса помогала ему лечь на артефакт, нежно приговаривая, что любит его, а секунду спустя он стал предметом наблюдения странных неземных существ, которые, вероятно, очень обрадуются, что им удалось сохранить в живых неизвестное существо, найденное ими в космосе несколько столетий тому назад. Инопланетяне наверняка будут ждать от него ответы на свои бесчисленные вопросы. Со временем он выучит их язык и станет жить, жить, жить, черт возьми!..

Да, придется снова улечься на артефакт, но до того нужно оставить память о своем очередном шаге в вечность, ведь это помогло бы следующим его воплощениям понять происходящее.

При слабом свете артефакта Бени принялся искать резец, который уже столько раз использовал для письма. Он должен был находиться где-то на виду, чтобы его можно было легко найти. Наконец он обнаружил его на полу возле стены, там, где еще было свободное место для записей. Это удивило Бени. Каким образом стена могла остаться незаполненной?

Свободное место представляло собой небольшой прямоугольник между мириадами мелких букв, крестиков и звездочек, служащих для отсчета. Каким-то чудом его предшественники оставили это пространство пустым. Скорее всего, таким образом они позаботились о том, чтобы какая-нибудь последующая реинкарнация могла записать здесь сообщение о некоей странности, которая еще никогда раньше не происходила.

Думая об этом, Бени приготовился царапать поверхность металла, но не знал, что же ему записать. Ему пришла мысль изложить свои фантазии о возможном будущем, чтобы разбавить окружающее его безумие хоть капелькой надежды. В левой верхней части пустого прямоугольника уже имелась небольшая метка, оставленная резцом. Бени приложил к ней острие своего импровизированного стилуса и вдруг понял: множество его прошлых реинкарнаций делали то же самое. Кто-то из них поставил здесь метку, чтобы начать писать - возможно, изложить те же мысли, которые сейчас пришли ему в голову. Почему же они так ничего и не написали?

Бени отвел резец от стены и аккуратно положил его туда, где взял.

- Не мне нарушать традицию, - произнес он.

Сам не зная почему, он направился к артефакту. Пристегнул ножные и ручные зажимы крепления к аппарату Чужих и приготовился к смерти. На стенах оставалось еще много непрочитанных строк, но для него это уже не имело никакого значения.

Однако прежде, чем умереть, Бени пришлось долго ждать, и все это время он вопил от боли, рискуя порвать голосовые связки. К счастью, время от времени он терял сознание, а один раз ему даже приснился сон.

Ему снилось, что он опять сидит с Элисой в одном бендезийском ресторанчике, хозяином которого был весьма симпатичный толстяк.

Они тогда ели гороховый суп с овощами, и он сообщил Элисе, что на самом деле в супе не горох и даже не овощи, а яйца местного животного. От удивления она на секунду перестала жевать, но потом, улыбаясь, еще энергичнее заработала челюстями, словно желая показать, что астронавтам все нипочем.

Однако теперь во сне все было не так. Рядом с Элисой сидел еще и Сесар, и Бени не стал открывать тайну горохового супа. Вместо этого он, плача, забормотал, что очень рад быть рядом со своими друзьями в Бендезии, а не в уборочном отсеке со мхом и инопланетным артефактом, но Сесар, не обращая на него внимания, принялся целовать Элису.

Тут Бени проснулся, убедился, что все еще лежит на инопланетном артефакте, за много световых лет от Бендезии, - и обессиленный вновь заснул. На этот раз мертвым сном. Сном мертвеца...

Пока он был мертв, то не мог видеть, как голубоватый свет артефакта слегка усиливается, восстанавливая ткани человека на основе первой копии, которая каким-то образом сохранялась в блоках памяти аппарата.

И еще Бени не мог слышать приглушенные постукивания и быстрый бег лапок насекомого, которые доносились извне, нарушая могильную тишину отсека.

Вряд ли это были инопланетяне.

Перевел с испанского Владимир ИЛЬИН

НОРМАН СПИГРАД

МУЗЫКА СФЕРЫ

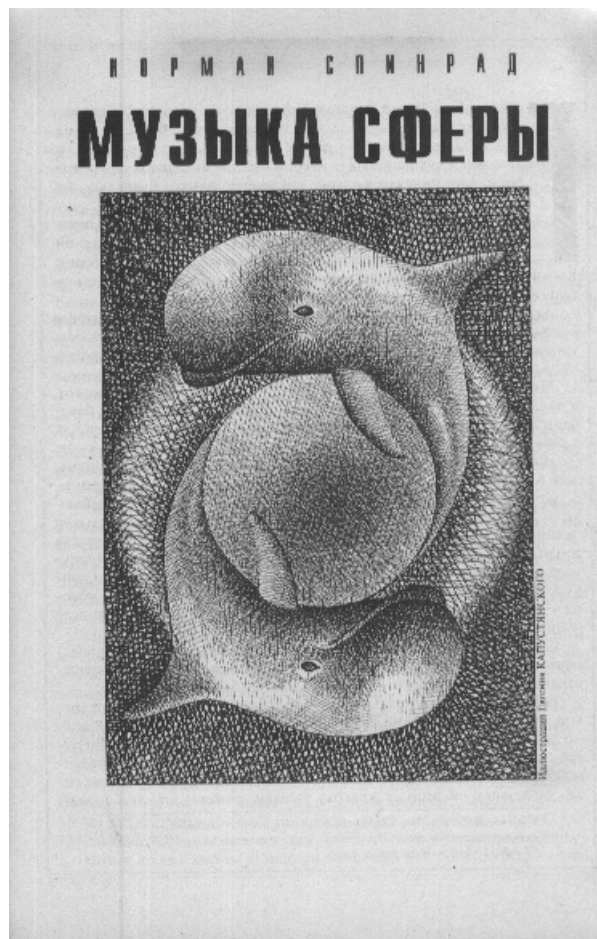

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

Группа «Блю Чир»^{*12}, прогремевшая в 60-х, по праву считалась самой оглушительной за всю историю рока. Для своего выступления они запросто могли притащить в крошечный клуб динамики чудовищных размеров, предназначенные для стадионов. Звук получался такой, что многие фанаты буквально бились в истерику.

Марио тогда еще не родился, и музыка «Блю Чир», услышанная в записи, показалась ему примитивной и утомительной, но его восхищала легенда о самой громкой группе в истории. Кое-кто, по слухам, даже притаскивал на концерт реактивный двигатель только для того, чтобы увеличить число децибел.

Зачем же фанаты, рискуя оглохнуть, слушали музыку, которая в лучшем случае тянула лишь на посредственность? В чем прелесть ужасных звуков на такой громкости, что уши сворачиваются в трубочку? Какой секрет кроется за стеной шума?

Можно, конечно, определить громкость как нечто физическое, в децибелах, или физиологическое, по пределу выносливости

---

¹² * *Буквально - голубое, а на американском сленге - «кайфовое» веселье, уличное название разновидности ЛСД, то есть попросту группа «Кайф». (Здесь и далее прим. перев.)*

барабанных перепонок, а то и нервной системы - так военные получили в свое время акустическое оружие.

Но там дело в шуме, хаотическом немодулированном белом шуме, а не в музыке. Да и целью оказывалась боль, а вовсе не наслаждение. Композитор Марио Рока создавал свои произведения на компьютере. Да и кто бы отказался от современных технологий, когда звук любого из существующих инструментов и бесчисленного множества никогда не существовавших можно скопировать, собрать или придумать в цифровом формате? Все тонкости и оттенки звучания - скрипку Страдивари, африканский барабан и антикварную гитару Гибсона - можно оцифровать и переложить на клавиатуру. Один-единственный музыкант может сыграть симфонию за целый оркестр.

Считался ли Марио Рока популярным, авангардистским или классическим композитором? Для него и его слушателей все это несущественно, ну а для Марио - еще его банковский счет.

Если судить по гонорарам за концерты, по числу скачиваний треков, Марио был популярным музыкантом - не то чтобы поп-звездой, но далеким от денежных затруднений. Он мог сойти за авангардиста, если считать таковым человека, экспериментирующего со всеми возможными жанрами, но его могли бы назвать и сторонником классики, поскольку он верил в красоту музыки, считал, что она должна приносить радость, брать за душу, а не терзать людей атональным шумом во имя теории. Проверенные временем индийские, африканские или арабские мотивы, западная музыка, будь то серьезная классика, рок, кантри или регги, - все это при качественном исполнении резонировало с чем-то неуловимым, принося эстетическое и духовное наслаждение.

А все, что не приносило такого наслаждения, Марио считал шумом.

Если бы он сумел выявить параметры этого различия, выяснить причину этой разницы в восприятии, то, несомненно, удостоился бы не существующей, к сожалению, Нобелевской премии по музыке. Бессознательно, в самой глубине души, Марио был убежден, что ключ к разгадке кроется в громкости - именно она объяснит мистическую притягательность громких мелодий, даже тех, что проигрываются в недоступном человеку инфразвуковом диапазоне и угрожают барабанным перепонкам.

* * *

Кэролайн Кох считалась лучшим экспертом по китообразным. Она была буквально одержима дельфинами, косатками, китами. Даже до своего знаменитого открытия она обожала их, хотя и не признавалась в этом.

Уже почти век люди пытались наладить контакт с существами, жившими с ними бок о бок. Ведь известно, что мозг китообразных по своей сложности не уступает человеческому, а у некоторых видов еще и превосходит его по относительным размерам. Известно, что они исполняют длинные, сложные песни и высовывают головы из воды, словно пытаются заговорить, а после уплывают, будто расстроившись из-за людского непонимания.

Многие пытались обучать их промежуточным языкам, состоящим из доступных человеческому уху фонем. Пробовали переводить их ультразвуковые напевы в звуки, воспринимаемые человеком, и декодировать их как слова неизвестного языка, старались найти розеттский камень китовых. Даже принимали ЛСД и запирались в баках с водой в попытках установить связь на некоем мистическом уровне, лежащем за пределами разума.

И ничего. Абсолютно. Полный провал.

Так продолжалось до тех пор, пока на Кэрролайн Кох не снизошло озарение. Она смотрела какой-то посредственный фильм в 3D и неожиданно поняла, что дельфины, вероятно, видят мир так же - вернее, наше восприятие можно назвать бледной тенью того, что видят дельфины.

Никто до сих пор не сумел, да никогда и не сумеет декодировать язык китообразных, ведь этого языка попросту не существует. У них есть кое-что получше.

Дельфины, косатки, летучие мыши - все используют «звуковое зрение», по принципу которого люди создали радары: сигналы посылаются в нужном направлении, а по их отражению можно судить об окружающем мире. Таким образом, китообразные получают движущиеся картинки, аналогичные тем, что видят люди в отраженных электромагнитных волнах. Только куда более совершенные.

Звуки, издаваемые дельфинами, не имеют ничего общего с языком. Они, скорее, напоминают своего рода «акустическое телевидение»: испускаешь звук - и «видишь», что вернулось назад. Активные органы чувств куда лучше человеческого слуха и зрения, полагающихся лишь на пассивный прием. Органы чувств, способные не только принимать, но и передавать. Вот почему язык китообразных так и не расшифровали, и они могли бы посочувствовать людям, если бы, конечно, знали об этом.

Да, эти животные способны не только получать, но и передавать движущиеся изображения! Если дельфин видит акулу, он не кричит «акула!» на каком-нибудь языке, а просто передает акустическое изображение.

А что если китообразные могут транслировать этот образ даже тогда, когда никакой акулы нет и в помине? Если они способны общаться посредством трехмерных изображений, рассказывать истории,

сочинять поэмы?

Что если песни китов - куда больше, чем просто песни?

Если это движущиеся трехмерные изображения?

* * *

Наиболее совершенное акустическое оружие причиняло страдания своим жертвам мешаниной частот, расположенных за пределами слухового восприятия. Марио Рока знал о так называемой панической частоте - 14 колебаний в секунду, расположенной чуть ниже границы слышимости. Звук такой частоты мог, предположительно, вызвать панику в толпе и даже, возможно, уже использовался с этой целью - по крайней мере, в это верили сторонники теории заговора.

Марио не интересовался ни оружием, ни заговорами, но однажды, оказавшись в тихий предрассветный час в своей студии, он неожиданно осознал то, что все это время маячило у него прямо перед носом.

Звуки, не воспринимаемые человеческим ухом, могли сильно влиять на нервную систему, психику, даже душу - если вы, конечно, признаете существование таковой. Громкий высокочастотный звук мог вызывать у людей болевой синдром и даже рвоту. Низкочастотная паническая нота могла превратить их в леммингов, бросающихся в море на свою погибель.

Но Марио хотел добиться не этого. Что если создать неслышимую низкочастотную музыку? Недоступные слуху ноты, аккорды или даже переплетающиеся фуги? Благодаря современным технологиям это довольно просто. Марио Рока быстро записал мелодию в тональности среднего «до», всегда казавшейся ему самой естественной. Даже великий композитор двадцатого века Коул Портер сочинял свои песни в этой тональности, доверяя остальные аранжировщикам.

В данный момент Марио не интересовали аранжировки, хотя компьютер мог сделать их в мгновение ока. Он просто опустил композицию, написанную для среднего «до», на пять октав, существенно ниже порога слышимости.

А вот воспроизвести получившуюся мелодию - совсем другое дело. У Марио имелись прекрасные усилители и колонки, вроде тех, что использовались на стадионах, но даже они не могли справиться с этой задачей. Пять октав ниже среднего «до» - это уже сверхнизкочастотные, очень длинные волны. Для них требовались гигантских размеров динамики и внушительная мощность, чтобы создавать вибрацию мембран. Кажется, он начинал понимать, к чему отчаянно и безнадежно стремилась группа «Блю Чир» - даже их аудиосистема не сумела бы проиграть эту безмолвную музыку.

Но с тех пор прошли десятилетия, и хотя Марио Рока считался исключительно электронным музыкантом, он все-таки был музыкантом, а не звукооператором. Коул Портер мог доверить столь несущественные детали аранжировщикам, а Марио мог обратиться к их сегодняшнему аналогу.

Он поднял мелодию на пять октав вверх до среднего «до» и преобразовал ее в фугу из четырех частей для синтезированных и подкорректированных на компьютере инструментов: органа, бас-гитары, электрогитары и ситара¹³. Затем вновь опустил ее ниже порога слышимости и решил назвать получившуюся композицию «Мелодией тишины».

* * *

На деньги от грантов Кэролайн Кох наняла небольшую команду компьютерщиков, которые перевели ультразвуковые изображения, передаваемые дельфинами, в понятный для человека вид. «Без проблем, - сказали они, - если известно, что мы имеем дело с картинками, а не с языком, мы сможем получить растровое изображение».

Лаборатория Кэролайн находилась на калифорнийском побережье, между Санта-Барбарой и Сан-Франциско; там она могла изучать дельфинов в естественной среде обитания, и ей не приходилось держать их в неволе - за исключением редких случаев. А когда наступал сезон миграции, мимо проплывали и серые киты. Этот сезон еще не наступил, поэтому записать удалось лишь песни дельфинов.

Первое видео оказалось захватывающим чудом и в то же время разочарованием - которого, впрочем, следовало ожидать. Изображения получились черно-белыми. На подобные картинки с метеорологических спутников цвета добавляли искусственно, но здесь этот подход не дал бы никаких результатов - «звуковое зрение» по самой своей природе не позволяло различать яркость света и оттенки цветов. У дельфинов, конечно, были глаза, а вот их звуковой приемник ничего видеть не мог.

Невербальные, неязыковые «пакеты», передаваемые дельфинами, оказались не только трехмерными, они позволяли видеть предметы насквозь, как УЗИ или рентген.

Дельфины, резвившиеся в толще воды, состояли из скелетов, внутренних органов, остатков непереваренной пищи, экскрементов в кишечнике. Все это казалось фруктовым салатом в прозрачном желе -

---

¹³ * *Народный струнный инструмент в Иране, Индии, Афганистане и Узбекистане.*

начинка в оболочке из плоти. Также выглядели и косяки рыб, за которыми дельфины охотились, и проплывающие мимо выдры, и даже купающиеся люди.

Столь же прозрачной представилась и гигантская белая акула, в ее кишечнике покоился наполовину переваренный тюлень. Этот образ повторялся и передавался от одного дельфина к другому - как отражения в комнате смеха. Дельфины окружили акулу и стали водить вокруг нее хоровод, будто в диковинном подводном балете.

Видео получилось завораживающе прекрасным, но в то же время и невероятно странным. Кэролайн Кох, знавшая эти края как свои пять пальцев, могла поклясться, что белые акулы никогда не заплывали сюда.

* * *

Звукооператоры с легкостью разработали колонки, способные вибрировать на нужной частоте, на пять октав ниже среднего «до». Они считали, что это так и останется абстрактной идеей, вроде проекта небоскреба высотой в милю, и задумка им нравилась.

Не понадобится динамик диаметром в полтора километра, достаточно будет всего лишь шестидесяти метров - ха-ха-ха. А вот питающий динамики усилитель придется оснастить сверхпроводящими электромагнитами с криогенным охлаждением, вроде тех, что применяются в ускорителях заряженных частиц, иначе они вырубят электричество по всему западному побережью.

Любой каприз за ваши деньги, хе-хе.

* * *

Найдя ключ к переговорам дельфинов, Кэролайн Кох попыталась выделить хоть какое-то подобие грамматики, прежде чем попытаться войти с ними в контакт.

Это оказалось куда сложнее, чем она ожидала. Понять, что дельфины видят в реальном времени и передают друг другу, достаточно просто: за изображением плывущего рыбьего косяка следовала охота, за сексуальными приглашениями - согласие или отказ. Рождение и смерть. Днище лодок и места расположения сетей, которых стоит остерегаться.

Но половина изображений, а то и главная их часть, не имела, похоже, ничего общего с окружающим миром. Они выглядели более сложными, почти непостижимыми.

Танцы дельфинов вокруг гигантских кристаллических оснований

айсбергов плавно перетекали в спаривание гигантских голубых китов. Затем появлялись сражения с косатками, в которых последние откровенно валяли дурака - чего никогда не случилось в реальной жизни. Дельфины показывали ускоренные биографии отдельных особей, рождавшихся, выраставших, охотившихся, размножавшихся и умиравших. И даже любовные свидания с купавшимися в море женщинами - все это зачастую переплеталось и неожиданно прерывалось, будто конкурсные выступления или гармоничные фуги Баха.

Все эти сцены, абсолютно непонятные, непостижимые для человека, все же обладали некоей загадочной притягательностью. Кэролайн Кох смотрела их час за часом, захваченная... красотой. И после одного из таких сеансов на нее снизошло откровение.

Она имела дело с картинами.

Не удивительно, что китообразные так и не изобрели язык, ведь языки - лишь бледная тень их средств коммуникации. Дельфины передавали художественные произведения, танцы под беззвучную музыку, биографии и порнографии, комедии и трагедии.

Это их искусство.

* * *

- Марио, ты сошел с ума, - отвечали банкиры и бизнесмены, которым он подсовывал свой проект. - Ты хочешь спустить бюджет целой банановой республики на концерт, который никто не услышит и который даже не удастся записать, потому что никто не сможет его воспроизвести? Как же это окупится?

- Можно устроить тур со своей аудиосистемой...

- Какой еще тур? Только чтобы выплатить за аренду оборудования, потребуется выступить целый год и продавать билеты по бешеным ценам. Чего ради человек захочет отвалить «штуку» за приставное место на концерте, который даже невозможно услышать?

- Люди получают незабываемые впечатления.

- Какие именно впечатления?

- Не узнаем, пока не попробуем, - искренне отвечал Марио, и этот ответ обычно оказывался последним.

* * *

Технически вмешаться в переговоры дельфинов оказалось нетрудно. Стоило преобразовать их ультразвуковые изображения в привычное людям телевидение - и код оказался взломан. А значит, видео можно

перевести в понятную дельфинам форму.

Однако имелись и свои ограничения: ультразвуковые картины не могли передавать цвет, а Кэролайн Кох не могла видеть предметы насквозь. Поэтому она подозревала, что ее старания заговорить с дельфинами будут восприняты как попытки шимпанзе говорить с человеком с помощью экранных иконок.

Она послала изображение резвящихся дельфинов и определенно сумела привлечь внимание, но в ответ получила нарочито грубую копию своей же записи, в которой они, трехмерные и видимые насквозь, участвовали в оргии. Откровенно похотливое приглашение или дельфинья версия сальных шуточек?

Когда Кэролайн послала собственное изображение, в ответ увидела свое тело, плывущее к группе дельфинов, то и дело выныривавшее из воды.

Затем она попробовала различные записи, на которых множество людей плавало вместе с дельфинами, и получила захватывающий балет, в котором дельфины и люди танцевали под неслышимую гармоничную музыку, да так, что Басби Беркли^{*14} и Рудольф Нуреев позеленели бы от зависти. Рядом кружило ее собственное обнаженное тело.

В итоге дельфины, кажется, стали пытаться установить с ней контакт. Она получила изображения дельфинов, запутавшихся в сетях, задыхающихся, умирающих. Не сумев придумать ничего более подходящего, она ответила записью мирной жизни у тропического рифа: порхающие колибри, колышущиеся кроны деревьев. Рождение дельфинов и появление на свет людей. Дельфины, плавающие вместе с выдрами среди водорослей в подводном лесу, люди, пробирающиеся через заросли вместе с собаками.

Кажется, ей удалость наладить какую-то связь, эстетический обмен, и Кэролайн надеялась, что дельфины относятся к этому так же. Она не пыталась донести до них какую-то конкретную мысль и уж тем более не имела понятия, о чем говорят они. Похоже, каждая из сторон говорила лишь одно: «Это наш мир, а ты покажи нам свой».

Или же: «Это наш общий мир».

Кэролайн Кох прекрасно сознавала, насколько это непрофессионально - пытаться наделить своих собеседников человеческой моделью мышления, и все же...

Сумеют ли они понять человека? Она не знала. Но ведь и не узнает, пока не попробует, разве не так?

---

¹⁴ * *Американский хореограф и режиссер, известный постановкой масштабных костюмированных танцевальных номеров с большим количеством участников и их перестроениями по принципу калейдоскопа.*

Кэролайн решила начать с их мира. Заросли водорослей, коралловые рифы, вокруг которых кипит бурная подводная жизнь, морские выдры, тюлени, сами дельфины, снующие между ними. Затем - поверхность океана. Дельфины выпрыгивают из воды, крутятся в воздухе, вновь погружаются в воду, окруженные фонтанами пены. Теперь она стала чередовать картины джунглей с записями подводного мира, пытаюсь четче выразить свою идею.

Ответа не последовало, как будто создания, стремившиеся понять ее изо всех сил, с нетерпением ожидали продолжения.

Кэролайн ответила как могла быстро. Камера начала подниматься, показывая легкий изгиб горизонта. Затем последовал такой же пейзаж с высоты птичьего полета, но уже над землей. И наконец - знаменитая фотография похожей на жемчужину Земли из космоса, сделанная астронавтами с поверхности Луны. И анимация: уменьшающаяся планета постепенно исчезает в океане космоса, превращаясь в еще одну точку из великого множества.

Кэролайн прекратила передачу и стала ждать. Казалось, прошла вечность, прежде чем она получила ответ...

Дельфины показали ей континентальный шельф, погружающийся в темную глубину, движения гигантских, смутных теней на самой грани восприятия, бесчисленные множества дельфинов, кружащих повсюду, будто призывающих духов из бездонных глубин - по крайней мере, так это восприняла Кэролайн Кох.

И духи явились на зов. Киты - великое множество китов, будто река, изливающаяся со дна океана, парад, бал китов, какого еще никогда не случалось, да и не могло случиться в реальности. Серые киты, кашалоты, усатые киты. Разные биологические виды, никогда не плававшие вместе. Все киты мира. И среди них - голубые киты, величайшие создания, когда-либо рождавшиеся на планете Земля, прадеды монархов семи морей, то есть всего мира. И об этом пытались сказать дельфины.

Одно не вызывало сомнений. То, что увидела Кэролайн, не существовало в действительности. Это искусство.

И вот изображение, словно подчеркивая правильность ее догадки, стало пульсировать, колебаться, будто замедленное цунами, охватившее всю планету, или поднимающаяся из глубин волна длиной в тысячи миль.

Киты катались на ней, как серфингисты, глубоко под водой, почти у самого дна. Потом передачу будто бы начали сами киты - унисоном, словно могучий хор. Кэролайн так и не поняла, что за темный ландшафт предстал перед ней - то ли художественная интерпретация песен китов, то ли так выглядело с их точки зрения дно океана, а дельфины служили лишь передатчиками.

Бездна вновь начала пульсировать в медленном ритме. Киты,

дельфины, косяки рыб пронизывали волны насквозь и устремлялись высоко вверх, будто прилив самой жизни. Затем изображение пульсирующей подводной биосферы уменьшилось, превратившись в крошечную абстракцию, в круглый вращающийся камешек на океанском дне.

Они знали! Киты, а благодаря им и дельфины, откуда-то знали, что Земля имеет форму сферы. Осознание этого потрясло Кэролайн. Конечно, для человечества подобное знание давно не новость, но ведь это не все. Они явно пытались сказать ей что-то еще, нечто такое, о чем люди пока не слышали, а она не могла понять их сообщение.

Да и вообще, сможем ли мы хоть когда-нибудь понять их?

* * *

Марио не оставалось ничего, кроме как дать делу огласку. А вдруг удастся выбить несколько грантов. Может, военные найдут его оборудованию какое-нибудь малоприятное применение. Или некая студия снимет про это фильм...

Он решил отправиться на ток-шоу. Публика, знавшая его как композитора и музыканта, услышит «Мелодию тишины» в тональности среднего «до». Ведь его история, растолкав голливудские скандалы и сообщения о рождении двухголовых свиней, добралась до желтой прессы, и Марио получил доступ к высшим кругам - на несколько ступенек ниже самой вершины.

До начала пустой болтовни со следующим гостем оставалось десять минут.

На этот раз визитером оказалась известный океанолог Кэролайн Кох. Марио слышал о ней и ее работе с дельфинами. Да и кто об этом не слышал? В последнее время она стала знаменитостью, и слава ее, по правде сказать, затмевала славу Марио. Он поглядывал на ее видеозаписи искоса и даже с некоторой завистью.

А потом она поставила песню китов, и Марио неожиданно осознал, что постукивает указательным пальцем в такт пульсирующему изображению, наблюдая за парадом подводной жизни.

Быстрый ритм, примерно восемь ударов в секунду, плавное движение гигантских тел...

У Марио отвисла челюсть.

- Как вы думаете, что пытаются сказать нам эти киты, доктор Кох? - выспрашивал с фальшивой улыбкой ведущий.

- По правде говоря, - отвечала Кэролайн, явно желавшая уйти от этого вопроса, - я понятия не имею.

А Марио Рока имел.

Восемь ударов в секунду. Или, вернее, 8,15 - он мог определить это

без всякого метронома.

Киты двигались, подчиняясь определенному ритму.

Не 8,15 ударов в секунду, а 8,15 герц. Музыкальная нота. Идеальное «до».

Ровно на пять октав ниже среднего «до».

* * *

Кэролайн Кох слышала о Марио, и ей даже нравилась его музыка, но, готовясь к своему выступлению, она пропустила презентацию «Мелодии тишины». Когда он предложил угостить ее после шоу, Кэролайн смутилась и почувствовала себя польщенной.

А узнав, о чем он собирается говорить, застыла от изумления.

- Это музыка, - объяснял Марио. - Ритм колебаний изображения - 8,15 ударов в секунду, это басовая нота «до», на пять октав ниже среднего «до».

- Как «Мелодия тишины».

- Точно. Есть в этой ноте что-то такое, гармонирующее... с душой, если угодно. Не знаю, что именно, но уверен: вы это чувствуете. Нечто подобное ощущает каждый, где-то глубоко внутри... и ваши киты не исключение.

- Они не мои, они дельфины, и песню исполняли тоже дельфины.

Теперь настал черед Марио вытаращить глаза.

- Я сверила параметры звука с песнями китов. Это не та структура. Не песни китов, а искусство дельфинов.

- Не понимаю...

- Я и сама еще не совсем разобралась. Но думаю, что дельфины пытаются рассказать нам о китах... Выглядит так, будто они их боготворят - по крайней мере, с человеческой точки зрения. А может, они пытаются рассказать о... душе китов... или о себе...

Кэролайн Кох вздохнула и пожала плечами.

- Так почему бы нам не спеть для китов и не дать им ответить нам напрямую? - предложил Марио.

* * *

Марио Рока считал себя серьезным музыкантом, но он никогда бы не преуспел, если бы не обладал способностями шоумена. Он ведь не слишком стеснителен и нисколько не презирал себя за участие в дурацком ток-шоу, необходимом для привлечения денег на исполнение «Мелодии тишины».

И вот результат - эта женщина со своими дельфинами и китами.

- Сейчас у калифорнийского побережья наблюдается миграция китов, не так ли? А люди любят китов...

Кэролайн бросила на него непонимающий взгляд.

- Они и станут моей аудиторией! - провозгласил Марио.

- Серые киты? Вы не способны собрать деньги для выступления перед людьми - и утверждаете, что кто-то заплатит вам за концерт для китов?

- Это доходная затея! - воскликнул Марио. - Мы установим трибуны у побережья, с обычными стадионными колонками и экранами. К ним подключим ваши подводные динамики, которые смогут передать китам «Мелодию тишины». Люди услышат мою музыку в тональности среднего «до», а киты - на пять октав ниже. Ваше устройство выведет на экраны ответную передачу китов. Цена билетов - по высшему разряду! Права на международную трансляцию! В зависимости от результата я могу сымпровизировать, продлить композицию, и мы получим достаточно материала для записи DVD!

* * *

- Думаю, нам подойдут скалы на Малибу, - сказал Марио. - Или лучше залив Сан-Франциско?

- Не получится, - ответила Кэролайн.

- Что не получится?

- Серые киты не устраивают парадов. Это плод дельфиньего воображения. Они плавают на расстоянии миль друг от друга. Вам здорово повезет, если вы увидите хотя бы полдюжины китов в день.

Взгляд, которым одарил ее Марио Рока, не походил на те, что она видела ранее: в нем сквозило бешенство колдуна, а может, и обычное человеческое безумие.

- Значит, я попросту созову их!

- Вы собираетесь позвать китов?

- Именно так! «Мелодия тишины» поднимет их души из темных глубин! И когда я призову их - они придут!

* * *

Сидячие места на скале заполнились до отказа, стоячие на пляже распроданы, права на всемирную телетрансляцию, а вместе с ними на DVD и размещение в интернете выкуплены. Благодаря одним только сопутствующим товарам концерт принес 50 миллионов долларов прибыли. Огромные динамики установили под водой, наземную аудиосистему смонтировали и проверили, экраны показывали рекламу, а оборудование Кэролайн уже давно прошло последние испытания.

Она сидела за пультом на плоту, плававшем возле берега, а Марио склонился над клавиатурой, готовый начать выступление, которое либо принесет ему небывалую славу, либо положит конец его карьере.

Иными словами, все, кроме китов, уже расположились на своих местах.

Миграция проходила далеко от побережья: левиафанов, пливших, как всегда, далеко друг от друга, заметили к югу от скал. Марио Рока, используя все свое красноречие, заверил Кох и инвесторов, что киты непременно явятся на зов, и, кажется, убедил всех, кроме себя самого.

- Поехали, - прошептал он и ударил по клавишам. Под водой раздался мощный инфразвуковой аккорд в тональности до мажор.

* * *

Хотя львиную долю финансирования обеспечил Марио Рока, Кэролайн тоже внесла свой скромный вклад, полученный в виде грантов от университетов и научных сообществ в обмен на места «в первом ряду». Впрочем, выполнить свое обещание ей не удалось: Марио потребовал, чтобы на плот сели только они вдвоем.

В качестве компенсации ученым предложили задать китам вопросы - в надежде на то, что Марио и Кэролайн смогут их передать, а собеседники захотят отвечать. Океанологи и люди, называвшие себя «китовыми социологами», захотели выяснить, откуда жителям морских глубин известна форма Земли. Биофизиков интересовала несущая частота, то есть почему киты используют ноту, находящуюся ровно на пять октав ниже среднего «до». Специалисты по миграциям хотели проверить теорию, согласно которой этот звук помогал китам ориентироваться и служил своего рода аналогом системы GPS. Внести свою лепту могли даже псевдоученые всех мастей - если, конечно, они захотят расстаться с деньгами.

Теперь все зависело от Марио, его музыки и китов.

* * *

С помощью наушников и мониторов Марио и Кэролайн могли видеть и слышать то же, что люди на берегу. Конечно, Марио понимал, что его затянувшийся аккорд едва ли приведет аудиторию в восхищение. Он уже представлял себе требовательный топот и хлопки недовольной публики.

Но начинать выступление без китов все равно бесполезно.

И наконец, выдержав паузу, показавшуюся Марио бесконечной, киты ответили мощной инфразвуковой нотой «до». Музыкант убрал ее из

аккорда. Несколько мгновений спустя нота вернулась - без его участия. Ее выпевали киты, гармонично; дополнявшие аккорд. Один, другой, третий - и вот уже десятки китов повернулись к берегу, нарушив свое веками сохранявшееся построение. А со стороны скал донеслись аплодисменты.

Марио убрал ноту «ми». Ничего. Затем «соль». Киты вновь проигнорировали его.

Похоже, они реагировали лишь на одну ноту - среднее «до».

Гиганты направлялись к нему, словно слушатели в концертном зале. Вскоре они стали настоящей публикой - остановились и расположились полукруглыми рядами вокруг плота.

Настало время исполнить то, ради чего они собрались. Или, вернее, то, что Марио собирался сыграть.

Зазвучали первые ноты «Мелодии тишины».

* * *

Затаив дыхание, Кэролайн Кох слушала игру Марио, передававшуюся китам в более низкой тональности. Ей уже не раз доводилось слышать эту композицию: довольно приятную для слуха, но вовсе не гениальную и не примечательную ничем, кроме нескольких моментов. Однако вокруг их плота собрались, казалось, сотни серых китов, замерших в восхищении, и даже для ученого, посвятившего их изучению всю свою жизнь и претендующего на Нобелевскую премию, это казалось настоящей магией.

Достижения Кэролайн меркли по сравнению с тем, чего смог добиться Марио Рока. Из глубин ее памяти всплыла строчка какой-то песни, как нельзя лучше подходящая к ситуации: «Всю свою жизнь я ждала, когда этот день придет...»

* * *

Марио Рока сыграл «Мелодию тишины» до конца и стал ждать ответа китов. Несколько мгновений под водой и на берегу царило безмолвие. Потом отклик пришел.

Гиганты, выстроившиеся по параболе, образовали виртуальный динамик, куда более мощный, чем тот, что использовал Марио. Китовый хор издал неслышимую для людей инфразвуковую ноту «до» с такой громкостью, что поверхность моря до самого побережья покрылась волнами с частотой 8,15 герц.

С точки зрения музыки они исполнили лишь монотонное гудение, единственную ноту, на пять октав ниже среднего «до». В доступном

человеку диапазоне это походило на довольно приятную мантру - ничего более.

Однако оборудование Кэролайн распознало несущую частоту и выделило настоящую песню, в которой ее воспринимали киты и дельфины. На экранах началось завораживающее действо.

Изображение опускалось от поверхности моря все ниже и ниже в глубокую бездну, до самого дна океана, пульсирующего, словно сердце.

Только ритм этой пульсации напоминал плавно вздымающуюся и опадающую волну, возникающую на пять октав ниже среднего «до» и неизмеримо ниже поверхности воды.

Киты плавно, будто в замедленной съемке, качались на этой волне, тем самым делая ее видимой. Затем появились косяки рыб и невероятное множество китов во всем своем разнообразии. Серые киты, усатые киты, кашалоты - все они катались на гигантской волне. Картинка стала уменьшаться, и вот они уже превратились в крошечные фигурки, в клетки крови, циркулирующие по переплетению вен и артерий. Вскоре они уменьшились настолько, что вовсе скрылись из вида, а сеть, образованная инфразвуковой нотой, предстала в виде плавно вращающегося шара.

Звуковая сердечно-сосудистая система самой планеты, путеводные нити китовых миграций, главный мотив их песен, не «Мелодия тишины», а «Музыка сферы», музыка самой планеты Земля.

Изначальная нота.

Как планета могла производить звук?

Марио не особенно разбирался в геологии, но знал, что континенты и морское дно представляют собой огромные плиты, плавающие по расплавленному океану, под которым на невообразимой глубине скрывается железный шар. Все это находится в непрерывном бурлящем движении, плиты сталкиваются, ломаются, трещат, порождая непредсказуемые колебания и разнообразные волны: звуковые, электромагнитные, возможно, даже гравитационные.

Как в этом хаосе могла родиться идеальная нота «до»?

Ученые будут спорить об этом до посинения, а Марио Рока вдруг понял, что ответ кроется в кульминации представления, показанного китами.

Музыкант осознал, что суть не в самом вопросе, поставленном с ног на голову и вывернутом наизнанку: Дело не в том, как очевидный диссонанс мог породить идеально чистую, гармоничную ноту «до». С точки зрения музыки этого и не происходило.

Производимый звук гармонировал с душой, являлся основой для многих созданных человеком музыкальных шкал, направлял миграции китов и дельфинов, а также, насколько знал Марио, еще и перелетных птиц. Вибрация взаимодействовала с самой биосферой, потому что

являлась песнью планеты.

Если бы биосфера имелась на Марсе, она могла бы резонировать с нотой «ми» или «си-бемоль». Юпитер мог бы откликаться на «соль» или «фа», Венера - на «ре-диез», Сатурн - на «ля».

Киты умолкли. Да и что еще они могли сказать?

Гиганты замерли, ожидая ответа.

Даже если их поняли правильно, чего они ждут?

Марио Рока считал себя музыкантом на пороге великой славы и гордился этим. Теперь же он понял, за что, возможно, все-таки удостоится Нобелевской премии по музыке. Кто знает? А вдруг ее создадут специально для него?

Но его самомнение все же неограничено. Марио понимал, что не сможет сымпровизировать ничего подходящего. Поэтому он начал играть произведение композитора, которого мог бы назвать своим кумиром.

Киты, столь неожиданно нарушившие сохранявшийся веками порядок, развернулись и поплыли прочь, чтобы продолжить свой подводный танец под оду «К радости» Бетховена.

Переведенную в «Музыку сферы» - на пять октав ниже среднего «до».

Перевел с английского Алексей КОЛОСОВ

© Norman Spinrad. The Music of the Sphere. 2011. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Azimov's SF» в 2011 году.

КРИСТИН КЭТРИН РАШ

СОВЕТ УБИЙЦЫ

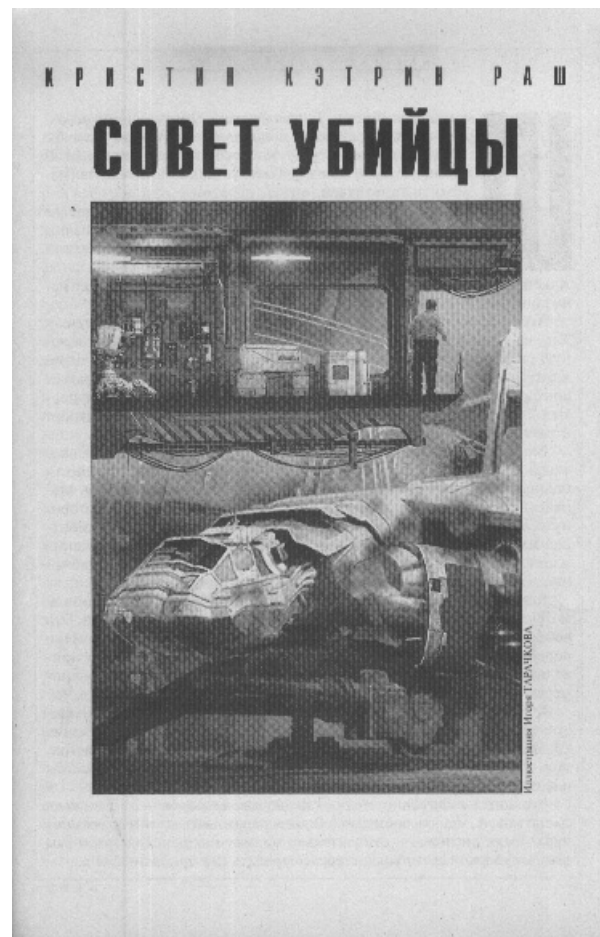

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

Шестнадцать минут. За шестнадцать минут просто невозможно подготовиться к подобному нашествию. Если бы его предупредили сразу же после сеанса космической связи, все было бы в порядке. Но никто и не подумал известить Хансейкера.

Конечно, ребята с «Президио» не виноваты - они едва успели отбить единственное сообщение, мол, нужна помощь и они вот-вот причалят, как аппаратура накрылась. Нет, это все отдел ремонта и обслуживания.

Какой-то идиот забыл передать Хансейкеру, что его курорт будет набит под завязку.

Хотя «Курорт и казино Ваадум» не такое уж и приятное местечко. Так, на всякий случай, на худой вариант. Если вы летите через звездную систему Коммонс (а большинство так и летает), захотели передохнуть и вам невольно ждуть еще несколько дней, чтобы добраться до «Звездных курортов Коммонса» - а это, кстати, настоящие курорты на полноразмерных станциях, - вот тогда вы и попадете в «Курорт и казино Ваадум».

Хансейкеру нравится считать Ваадум своего рода приятной неожиданностью. Первоначально это был форпост Ваадум, лет на двести старше станции Коммонс и до сих пор выглядит

соответственно. Маленькие и тесные жилые помещения. Стыковочное кольцо, к которому не может причалить большинство современных кораблей. Ремонтная мастерская с ограниченными возможностями. Склад снабжения и пополнения запасов, которому время от времени требуется снабжение и пополнение. И, разумеется, сама зона отдыха.

Когда Хансейкер его купил, курорт был маленьким обшарпанным мотелем, которым заправляли техники из ремонтной мастерской. Эти ребята смекнули (случайно, как гласит предание), что периодически кораблям с неисправностями или другими проблемами на борту приходится высаживать пассажиров. И лучше размещать их в платных номерах, чем на столах в кафетерии.

Хансейкер сам встал за конторку администратора, потому что шестнадцать минут не могли возместить тех шести месяцев, в течение которых ему было лень обновить систему автоматической регистрации. Номера он тоже полгода не убирал - по крайней мере, не все. Да и системы жизнеобеспечения не проверял.

Весь штат собственно отеля - целых два человека - он отправил сметать пыль, менять постельное белье и налаживать, чтобы во всех номерах были кислород и относительно нормальная температура, а сам занялся уборкой вестибюля, стараясь придать ему приличный вид.

Парни из ремонта и обслуживания сказали ему, что на «Президио» двенадцать пассажиров и четыре человека экипажа, поэтому ему понадобятся минимум восемь номеров, но лучше иметь наготове шестнадцать.

Еще лучше было бы держать чистыми и пригодными для проживания все тридцать - но, если честно, какой в этом смысл? Из трех номеров, постоянно содержавшихся в полном порядке, редко бывали заняты два. Регулярные клиенты - нашлись и такие - прилетали ради казино, где их обслуживал не робот, а настоящая женщина-крупье, единственная на всю систему Коммонс.

Впрочем, и она процентов на пятьдесят была подделкой. Он не проверял, сколько процентов там на самом деле и какая доля слухов о ее имплантатах верна, хотя знал, что ее груди в буквальном смысле искрятся, потому что она обычно работала топлесс, отсюда и постоянные клиенты.

Для него она была самую чуточку слишком вульгарной. «Курорт и казино Ваадум» тоже были для него самую чуточку слишком вульгарными и примитивными. И если бы его спросили, он бы сказал, что когда сюда приехал, его сильно раздражало это заведение. Но теперь все это достает гораздо меньше.

Его стандарты снизились, но не из-за места, где он оказался, а потому что действительно не заслуживал лучшего. Просто он с этим смирился.

Вестибюль был самым большим помещением на курорте, не считая ресторана и казино. Вдоль стен стояли неокрашенные скамьи и

растения в кадках, купленные вскоре после того, как он стал здесь хозяином (об этой покупке он до сих пор сожалел), а обширный пол из искусственного мрамора сверкал, как миллион ярких звезд, если его удосуживались натереть.

Он успел смахнуть пыль с сидений, обрезать разросшиеся растения, чтобы их ветви не заслоняли большую часть лестничного пролета, и настроить самодельную компьютерную систему на обслуживание новых постояльцев - всё за пятнадцать или шестнадцать минут. Но вымыть пол он и не пытался и даже был этому рад, когда пассажиры с «Президио» начали протискиваться сквозь двойные двери.

Все двенадцать пассажиров «Президио» оказались, слава богу, людьми - самых разных размеров. Они пахли - и сильно пахли - горелым пластиком. Еще от них разило потом и страхом, а в глазах застыло то безумное выражение, появляющееся у людей, которые пережили-все-это-и-не-были-уверены-что-выживут.

Таких за прошедшие годы он повидал немало, и они всегда пребывали в смятении, всегда в чем-то нуждались и всегда были требовательны. Он терпеть не мог капризных клиентов, хотя и был подготовлен к общению с ними прежней выучкой. Раньше он лучше всех управлялся с самыми трудными гостями - когда работал на настоящем курорте для очень богатых клиентов. Те, по крайней мере, были предсказуемы, несмотря на привередливость.

Он всмотрелся в море лиц перед собой (ну, пусть двенадцать, они все равно показались ему морем), ведь с тех пор как случилась авария на другом корабле, почти год назад, ему не доводилось видеть столько посетителей сразу. А эти люди, встрепанные и на грани паники, смотрели на него так, будто он был их единственным спасителем.

Он вкрадчиво улыбнулся - к такой улыбке он не прибегал уже почти десять лет - и кивнул первому в очереди.

Это оказалась дородная пожилая женщина в черном деловом костюме (теперь украшенном несколькими дырками на правом боку) и практичных туфлях такого же цвета. На ее седеющих кудряшках даже красовалась шляпка. Выглядело это так, как будто женщина, покидая корабль, машинально схватила ее вместе с остальными вещами, лишь бы придать себе пристойный вид.

- Агата Кантсвинкль, - произнесла она тем «оперным» голосом (в комплекте с вибратором), который развивают у себя некоторые дамы в возрасте. - Я хочу отдельный номер.

Она не добавила «пожалуйста», да он и не ожидал от нее подобной вежливости. Дама даже задрала подбородок, высказав свое требование. Ну, с такими дамочками он, по крайней мере, умел обращаться.

- У нас только два таких номера, мадам, - ответил он своим самым подхалимским голосом. - Вам будет удобнее, если вы разделите с кем-

нибудь двухместный.

- Ни за что. Никогда не стану жить с кем-либо из этих мерзких людишек.

Она подалась вперед и прошептала - насколько возможно шептать оперным голосом, что, конечно, почти нереально:

- Среди них есть убийцы.

Стоящий в середине очереди мужчина средних лет с испачканным сажей лицом закатил глаза. Женщина помоложе в дальнем конце тоже подняла взгляд к небесам - как если бы в космосе были небеса. Хансейкер все это заметил. И неприязненные гримасы на лицах других пассажиров.

- Наверняка все не так плохо, как вы говорите, мадам, - сказал он и открыл файл на старомодном экране, встроенном в конторку. Комментарий был отчасти рефлексивным. Он не выносил драматических сцен. Но его слова предназначались и остальным пассажирам, на которых, в чем он все больше убеждался, ему придется полагаться, чтобы хоть как-то обуздать Агату Кантсвинкль.

- Не так плохо? - переспросила она, шлепнув ладонью по конторке, из-за чего экран испуганно пискнул и едва не погас. - Вы что, рехнулись? Когда мы вылетали из системы Дайо, пассажиров было пятнадцать. По-вашему, они просто сошли на полпути? Как бы не так!

Хансейкер приподнял брови и взглянул поверх ее плеча на остальных. Мужчина с испачканным лицом слегка покачал головой. Женщина закрыла глаза. Еще двое или трое смотрели в стороны, как будто поведение Агаты Кантсвинкль ставило их в неловкое положение.

Тогда он решил ее игнорировать, что означало - спровадить от конторки как можно быстрее.

- У нас есть одноместный номер, мадам, но он совсем маленький. Система досуга требует обновления, а кровать...

- Я его возьму, - заявила она, протягивая карточку с закодированной личной информацией - предмет столь же старомодный, как и она сама.

Он взял с нее двойной тариф и не ощутил ни малейших угрызений совести. Во-первых (мысленно рассуждал он), компания - владелец «Президио», скорее всего, оплатит расходы на непредвиденную остановку. Во-вторых, эта женщина уже проявила себя не с лучшей стороны, а он достаточно долго пробыл хозяином отеля (пусть даже в столь убогом месте, как это), чтобы усвоить - клиенты часто выдают свою истинную натуру прямо с порога.

Так что он всего лишь приплюсовал компенсацию за предстоящие трудности.

Он закончил вносить информацию в свой файл, подавил желание вытереть руки о постоянно стерилизуемое полотенце, которое держал под конторкой, и изобразил свою лучшую фальшивую улыбку.

- Ваш номер, мадам, - сообщил он, кивнув, - вверх по лестнице слева.

Это единственный номер на первой площадке.

Это была комната горничной - в те времена, когда на курорте еще витали мечты о процветании. Очень давно, задолго до его рождения.

Когда дама поднялась по лестнице, он зарегистрировал еще четырех пассажиров - нормальных, здравомыслящих и благоразумных. Как и у всех достойных людей, их личная информация была закодирована в кончиках пальцев, и они оказались платежеспособными, что тоже было хорошо, потому что он снял плату немедленно, хотя и не стал сдирать с них намного больше обычного, как с Агаты Кантсвинкль. Ведь это просто постояльцы, которые торопились попасть в свои номера, расслабиться и попытаться забыть обстоятельства, забросившие их в эту забытую богом дыру.

Хансейкер уже начал было думать, что регистрация пройдет без проблем, когда к конторке подошел мужчина с измазанным сажей лицом. Он был выше Хансейкера, но немного сутулился, как будто смущался своего роста. Хансейкер прекрасно его понимал, потому что многие корабли для дальних рейсов не были рассчитаны на слишком рослых пассажиров.

- Вы уж извините старушку, - сказал мужчина, протягивая единственный чистый указательный палец. - На самом деле не такие мы плохие.

Прикосновение к экрану идентифицировало его как Уильяма Ф.Бантинга, короче - Билла, начавшего путешествие в системе Дайо, как и Агата Кантсвинкль. В графе «род занятий» стояло «разные», что обычно означало отсутствие работы и ее поиски, но у него имелись почти две дюжины звездных (без шуток) рекомендаций, так что, вероятно, он действительно владел разными профессиями и путешествовал от дела к делу, улетаая все дальше от дома.

- Кажется, полет оказался нелегким, - заметил Хансейкер, выдав это банальное замечание равнодушным тоном.

- Вы и половины представить не сможете, - заверил Бантинг. - Если бы у вас здесь стоял другой корабль, я запросил бы пересадку.

- Возможно, какой-нибудь и прилетит, пока ваш будет ремонтироваться, - обнадежил Хансейкер, снимая деньги со счета Бантинга. Сумма на счету значилась немалая, особенно для человека с неопределенной профессией.

- Хорошо бы, - серьезно произнес Бантинг, насторожив Хансейкера.

На секунду их взгляды встретились. Затем Бантинг сказал:

- Знаю, у вас мало одноместных номеров, но меня, пожалуй, лучше поселить отдельно. - Он вытер руки о рубашку. - Это единственная одежда, которая у меня осталась, и даже я сам чувствую, насколько она пропахла дымом. В замкнутом пространстве я буду не очень приятным соседом.

Действительно, даже сейчас, в не совсем замкнутом пространстве,

Хансейкер ощущал запах дыма. Он предполагал, что это совместный запах всех пассажиров, но, возможно, ошибался, и его источником была долговязая фигура Бантинга.

- У нас есть бутик, - сообщил Хансейкер, имея в виду комнатку с вещами, оставленными прежними постояльцами. - Я его открою через пару часов. Вы там наверняка сможете подобрать себе что-нибудь подходящее.

Он сделал мысленную пометку: надо сходить в ту комнатку и еще раз пропустить одежду через автоматическую чистку. Он успел забыть, когда в последний раз перебирал эти тряпки. Впрочем, на плечиках они смотрелись почти как новые.

- Спасибо, - поблагодарил Бантинг и подтолкнул вперед полноватого лысеющего мужчину. - В таком случае, мы возьмем двухместный номер.

Похоже, полноватого лысеющего мужчину его слова не обескуражили. Более того, он выглядел благодарным. Хансейкер принял его информацию, также хранившуюся в указательном пальце - Резерфорд Дж. Настен, - и послал обоих в номер с наилучшей вентиляцией во всем крыле.

Хансейкер продолжал работать, пока не настала очередь молодой женщины в конце очереди. Той повезло, и одноместный номер достался ей только потому, что таковой потребовала Агата Кантсвинкль, а пассажиров было только двенадцать.

- У меня остался лишь один номер, который мы называем «воронье гнездо», - сообщил Хансейкер. - Он маленький, но расположен на самом верху станции, и у него есть окна во всех четырех стенах.

- Меня устраивает, - устало произнесла женщина.

- Впечатление такое, словно вы все вырвались из ада, - сказал он, впервые проявив интерес - отчасти из-за ее немногословности, наверное, следствия недавней эмоциональности.

- Это непредставимо, - сказала женщина, касаясь экрана большим пальцем левой руки. Экран отобразил ее данные через секунду, и на мгновение, как будто и он устал выполнять тяжелую работу, изображение слегка размазалось. Или, может быть, у Хансейкера устали глаза. Он уже отвык иметь дело с людьми и еще больше от того уровня напряженности, какой ощутил после появления пассажиров.

- Да, аварии бывают тяжелыми, - согласился он, изучая информацию. Потолочные лампы освещали женщину так, что ее лицо отражалось в экране, как если бы информация накладывалась на изображение.

Сьюзен Дж. Кармайкл, дочь вице-адмирала Уиллиса Кармайкла, система Дайо. Прочитав это, Хансейкер постарался не приподнять брови. Женщину из такой семьи должен был огорчить столь убогий курорт, но пока она не высказала ни единой жалобы. Возможно, она станет компенсацией за Агату Кантсвинкль.

- Авария была страшной, - негромко произнесла Сьюзен Кармайкл. - На корабле возник пожар.

Это его удивило. На станцию приходили корабли, в которых отказывало энергоснабжение или в системах что-то плавилось и отсеки заполнялись дымом. Но еще ни один не пострадал от пожара. Пожар на борту погасить относительно легко. Достаточно лишь ненадолго отключить системы жизнеобеспечения. Нет кислорода - нет пищи для огня. Нет пищи - нет пламени.

- Сильный был пожар? - спросил он.

Их взгляды встретились. Ее глаза были золотисто-карего оттенка, такой он видел впервые. Хансейкер усомнился, что этот цвет натуральный.

- Его не сразу заметили.

Хансейкер перестал обрабатывать информацию.

- Но как можно не заметить пожар?

- Очевидно, системы уже были неисправны. - Она сглотнула. Было видно, что она все еще не отошла от пережитого и скрывает это, изображая спокойствие. - Нам еще повезло, что вы оказались так близко.

- Причину выяснили?

- Не уверена, что они вообще что-нибудь знают, - заметила она и расправила плечи. - Что мне нужно сделать, чтобы попасть в номер?

Наконец-то хоть кто-то задал логичный вопрос. Наверное, другие были слишком потрясены, чтобы думать о таком. Или слишком ошеломлены, чтобы их это заботило.

- Просто коснитесь двери, - ответил он. - Я настроил замок на отпечаток вашего пальца.

- Спасибо. - Она отошла на пару шагов, потом остановилась. - Я слышала, вы упоминали бутик?..

Хансейкер пожал плечами, ощутив себя честным человеком - впервые за этот день, а возможно, и за весь год:

- Скорее, это лавочка подержанных вещей. Но одежда у нас есть.

- Что угодно будет лучше того, что на мне сейчас, - сказала она и одарила его легкой улыбкой, прежде чем направиться в свой номер.

Он оставался за конторкой еще несколько минут, глядя на лестницу. Отель стал совсем другим, когда в нем появились люди. Он часто думал о гостинице как о хамелеоне, меняющем окраску в зависимости от настроения гостей.

А это означало, что отель сейчас потрясен, напуган и испытывает легкое облегчение. Хансейкер заставил себя сделать глубокий вдох. Воздух все еще пахивал дымом. Он настроил климатизатор на дезодорацию, не желая все следующие дни принохиваться к запахам дыма и пота.

Затем подсчитал неожиданный доход. Сумма оказалась больше, чем

он заработал за последние три месяца. Если ремонт продлится еще два дня, а это средняя продолжительность, он погасит большую часть накладных расходов за год. А если затянется дольше (похоже, так оно и будет), то Хансейкер сможет выйти на крупную прибыль впервые за десять лет.

Но ему придется терпеть настроение постояльцев и предупреждать каждый их шаг. Надо подготовить одежду к продаже, открыть бутик (какой есть, такой есть), отправить единственного повара заняться рестораном и поручить работникам привести в порядок еще несколько номеров - на всякий случай. Мало ли, вдруг в каком-нибудь что-то не будет работать?

Не говоря уже о том, что экипаж корабля еще не появился, а им тоже понадобятся номера.

Хансейкер вздохнул. Он стал еще более сварливым, чем был во время последней крупной аварии, почти три года назад. Да, изоляция явно не пошла ему на пользу.

А может, и пошла. Легко представить, каким ворчливым он стал бы, если бы каждый день имел дело с подобными личностями. Подумав об этом, он улыбнулся. Затем начал планировать свой вечер, понимая: чтобы сделать все как следует, ему придется спать очень мало.

* * *

Бутик был таковым не больше, чем курорт - курортом. Его и отелем можно было назвать с натяжкой, хотя здесь имелись и одноместные номера, что неплохо. Так его оценила Сьюзен Кармайл. Пока их группа спасалась с корабля в безопасность этой станции, Агата Кантсвинкль неоднократно заявляла о намерении занять отдельный номер. И Сьюзен держалась позади, пока Агата проталкивалась к началу очереди.

Сьюзен уже много лет не доводилось бывать на столь крохотной станции, а на такой старой и подавно. Хорошо, что здесь есть ремонтные мастерские, но они ведь могут и не управиться. «Президио» казался почти разрушенным. Состояние большинства систем было катастрофическим, а пожар уничтожил целую секцию.

Хотя, пожалуй, «уничтожил» - преувеличение. Вывел из строя - да, и, вероятно, до самого конца полета.

Не будет она об этом думать. Как минимум, ближайшие сутки.

Чопорный коротышка за конторкой обещал Бантингу открыть бутик через два часа. Как и все остальные, она знала, что местный бутик - это не настоящий магазин с закупленным ассортиментом, а просто лавчонка, где собраны брошенные вещи. Но ей было все равно. Ее гардероб, включая туалетные принадлежности, остался на борту, и она

даже попросила выбросить все уцелевшее. Хотя «попросила» - не совсем точно. Когда они беспорядочно покидали корабль (да, черт побери, все толкались и пихались, стараясь выбраться), один из экипажа, Ричард Айликов, задержал ее.

- Мы вытащили часть ваших вещей, - сообщил он, явно опасаясь, что она рассердится. - Но на станции, возможно, вам смогут кое-что почистить. Хотите, я их захвачу?

- Нет, - отрезала она и стала проталкиваться к выходу. Наверное, ей следовало бы ответить повежливее. Айликов не обязан был ей это говорить. И вообще не обязан был что-либо говорить. Он присматривался к ней в течение всего рейса: то ли она ему приглянулась, то ли вызвала какие-то подозрения. Может, он посчитал, что это она устроила пожар? Она тоже находила его привлекательным, хотя и немного вкрадчивым - один из тех блондинов с бледно-голубыми глазами, настолько бесцветных, что могут слиться со стенами. Заметив, что он за ней наблюдает, она тоже стала на него поглядывать. Может быть, он находил это флиртом, а может, просто делал свое дело. Точно сказать она не могла, ее это мало заботило.

Она лишь знала, что сейчас ей нужно все новое, от белья до блузок. Ей не нравилось, что придется надевать оставленное кем-то ненужное белье, но выбора не было. Придется воспользоваться прачечной для постояльцев, хотя она сомневалась, что здесь такая имеется.

Коротышка очень постарался, чтобы комнатуха походила на магазин. Часть одежды висела на плечиках, другая лежала стопками на полках. Тут нашлись и старые игровые дисплеи, содержимое некоторых было приведено на задней крышке наподобие каталога. И одеяла, что ее удивило. Они выглядели заманчиво, хотя ей не было холодно, и это напомнило, насколько она устала.

Хозяин топтался у двери, развернув портативный планшет и поглядывая на нее. Пока Сьюзен успела присмотреть всего одну блузку, он уже обслужил Бантинга.

Поначалу ей показалось, что этот коротышка здесь всего лишь на службе. Было в нем что-то от человека, затюканного начальством и боящегося принимать самостоятельные решения.

Но у себя в номере, дожидаясь открытия магазина, она от нечего делать заглянула в проспект и обнаружила, что Хансейкер - владелец всего этого убожества. И не просто владелец, а человек с дипломами престижных бизнес-школ и эксклюзивных программ по управлению курортами, с таким профессиональным багажом и опытом, за который заведения высокого класса платят большие деньги.

То, что он находился здесь, пусть даже в качестве хозяина, указывало на какие-то проблемы, возможно, личные. Видимо, ему просто нехватало воображения, чтобы сменить бизнес, да и ума, чтобы понять - курорт в такой глухомани вообще трудно назвать местом отдыха. Или

же он все это понимал, но сбежал сюда по каким-то своим, неизвестным причинам.

Она присмотрелась к нему. Опрятный, невысокий, неприметный - как раз из таких, кто, подобно Айликову, способен при необходимости слиться со стенами. Но у Хансейкера имелся и другой талант - всегда быть большим снобом, чем любой из оказавшихся поблизости. Такая мощная способность оценивать других незаменима при управлении настоящим курортом и вообще для руководителя. Слабых она заставляет съезживаться. Но ее это не волновало.

Она подошла к стойке с женской одеждой. Нашла черные брюки без видимых дефектов, а также синие, требовавшие лишь небольшой чистки, желтовато-коричневую юбку и очень старую белую блузку, отделанную, похоже, настоящими кружевами. Она добавила четыре других блузки и отыскала белье на задней полке.

Свалив всю одежду на ближайший столик, она поманила хозяина.

- Я знаю, что на местном рынке вы монополист, - произнесла она своим самым вежливым голосом, - но это путешествие становится источником непредвиденных расходов, и я хотела бы узнать, могу ли я получить какую-нибудь оптовую скидку?..

Он даже не взглянул на нее:

- Компания-владелец корабля должна возместить вам все расходы. Что ж, им придется иметь дело с сильно завышенными ценами. Хотя они могут этого даже не заметить... Подумав, не стоит ли еще поторговаться, она решила, что нет. Счет она вряд ли станет выставлять, но возьмет деньги, если транспортная компания их предложит.

Ухватив охапку, от которой сильно пахло химчисткой, она направилась к выходу. Хозяин сказал ей вслед, как будто только что вспомнил:

- Ресторан скоро откроется. Передайте это остальным, хорошо?

Можно подумать, ей хочется видеть других пассажиров. Или она несет за них ответственность. Но она проголодалась, остальные тоже, и все их комнаты располагались по пути к ее номеру, очень точно названному «воронье гнездо».

- Конечно, - ответила она, - если вы мне дадите, куда сложить одежду.

Он вздохнул, пошарил под стопкой мужских рубашек и вытащил полотняный мешок - очень похожий на самоочищающийся пакет, который выдают в дешевых гостиницах. Такие пакеты сами чистят уложенные в них вещи.

Ей было все равно, что это за мешок. Она сложила в него покупки, обмотала завязки вокруг руки и направилась к лестнице.

Обед, ресторан, проклятые пассажиры. Снова и снова привлекать к себе внимание.

Сейчас она уже не была уверена, что ее это заботит. Но одно она знала точно. Она не станет стучаться к Агате Кантсвинкль. Потому что

Агата захочет, чтобы Сьюзен составила ей компанию. А этого Сьюзен никогда больше не сделает.

* * *

С лестницы раздался вопль. Женский вопль - резкий, пронзительный, испуганный. И оборвавшийся.

Ричард Айликов на секунду потупился. Меньше всего ему хотелось разбираться с очередной проблемой. Он стоял в вестибюле отеля, более чистом, чем на других космических базах. Хозяин, Гриссан Хансейкер, оторвался от своей конторки. Его лицо исказилось от страха.

Так, на его помощь можно не рассчитывать. Ричард вздохнул и направился вверх по лестнице, ощущая с каждым шагом, насколько он устал.

Вопль не повторился, но раздались еще чьи-то шаги. Со скрипом открывались и захлопывались двери, слышались голоса.

На одной из лестничных площадок он увидел кучку людей - «команду Б», как он их мысленно называл, которые покупали самые дешевые билеты. Они вообще не попали бы на корабль, если бы владельцы не изловчились продать все билеты, объявив скидку.

В центре группы на полу лежала женщина - Лиза Ламфер.

Она запомнилась ему только красотой. Ее смело можно было назвать самой красивой женщиной в этом рейсе. Но ни ума, ни душевных качеств, соответствующих красоте, у нее не оказалось, и это его разочаровало.

Впрочем, никто из пассажиров, взявших билет на «Президио», не обращал на него внимания. Для этого они были слишком важными персонами. За исключением мисс Кармайл. Она ему улыбалась, что его удивило. И заметила, что он за ней наблюдает, - это удивило его еще больше.

Когда он подошел, группа расступилась. Хотя они уже не были на корабле, но, похоже, считали, что он тут главный. Возможно, так и есть.

- Что случилось? - спросил он.

- Не знаем, - ответил кто-то.

Один из мужчин - Бантинг... Ричард едва узнал его в новой одежде, добавил:

- Я был у себя в номере, когда услышал крик. Ужасный вопль, вот я и прибежал.

У Ричарда не было причин в этом усомниться. Бантинг обладал несчастливой способностью оказываться на месте любого происшествия. А несчастливой она была лишь потому, что сопутствующая способность делать то, что следует, когда он там

окажется, у него напрочь отсутствовала.

У Ричарда сложилось мнение, что Бантинг только поспособствовал пожару на корабле, пытаясь его тушить вместо того, чтобы отключить систему жизнеобеспечения в каюте. Но Ричард в экипаже был четвертым, наименьшим номером и не осмеливался кого-либо критиковать.

Он присел на корточки возле Лизы. Она лежала на спине с поднятыми руками, как если бы при падении они находились у лица. Пальцы стиснуты в кулаки, ноги подогнуты вбок.

Ричард коснулся щеки. Кожа была мягкой и шелковистой, как и полагается коже, которая редко бывает «улучшенной». Значит, ее красота натуральная и еще сильнее выражена, когда ее не заслоняет обитающая внутри глупышка.

Жара у нее не было, ран тоже не видно.

Ричард поднял голову, увидел затаившегося возле лестницы Хансейкера и спросил:

- У вас есть врач?
- Более или менее.
- Это как? - резко уточнил Ричард. - Более? Менее?
- Более, если она трезвая.

Ричард выругался.

- А основные медицинские инструменты?
- Есть, - сообщил Хансейкер.
- Тащите! - рявкнул Ричард.

Хансейкер убежал.

Группа осталась, глаза на девушку. Такие люди его раздражали. Именно они хотят изменить освещение в каюте, но не знают, как это сделать самим. Они будят его, когда он крепко спит, и спрашивают, как работает автоматический буфет. Они считают, что он должен прибегать к ним по первому вызову и в любое время.

А сейчас им было любопытно посмотреть, как он станет осматривать девушку.

Хансейкер вернулся с ручным медицинским сканером и подносом медицинских «ручек», у каждой из которых была своя магическая функция. Магическая, потому что Ричард слабо разбирался в медицине, во всяком случае в такой. Кое-какие знания у него были, но противоположного характера - как вывести тело из строя, а не заставить его действовать вновь.

Хансейкер присел на корточки и провел сканером вдоль тела, явно не доверяя прибору Ричарду, что того вполне устраивало.

- Кажется, она просто потеряла сознание, - удивленно сообщил Хансейкер.

- И ударилась головой? - уточнил Ричард.
- Да, есть ссадина, но все остальное вроде бы в порядке.

Тут их взгляды встретились, и Ричард догадался, о чем подумал Хансейкер. Они уже бывали в таких переделках. И знали, что люди редко теряют сознание без причины.

- Как думаете, может, у нее только сейчас наступила реакция на травму, полученную на корабле? - В голосе Хансейкера прозвучала нотка надежды, намекающая: «Пожалуйста, не делайте это моей проблемой».

- Сомневаюсь, - заметил Бантинг, не дав Ричарду ответить. - Ведь она сперва закричала.

Ричард закрыл глаза всего на секунду. Краткая отсрочка, момент наедине с собой, пока все не началось сначала. А он так надеялся на перерыв, на возможность отдохнуть. Но теперь стало ясно, что этого не будет.

Он открыл глаза, встал и посмотрел на дверь. Кажется, не заперта.

- Это ее номер? - спросил он, уже предвидя ответ.

- О, нет. - ответил Хансейкер. - Мисс Ламфер поселилась наверху вместе...

- Со мной, - произнесла женщина за спиной Ричарда. Тот слегка повернулся. На него смотрела худощавая женщина с выступающими зубами. Он запомнил ее, потому что она домогалась его как-то поздно вечером на корабле. Она была пьяна и поэтому предположила, что рекламный девиз корабля, в котором говорилось, что команда выполнит любые пожелания пассажиров, следует понимать буквально, и «любые пожелания» означают именно это.

Ее темные глаза встретились со взглядом Ричарда, и она слегка покраснела. Женщина тоже помнила тот вечер.

- Мисс Потсворт, - спросил он, не называя ее по имени - Джанет, потому что не хотел, чтобы она поняла его даже сейчас неправильно, - как долго Лизы не было в номере?

- Она вышла всего несколько минут назад, - ответила Джанет. - Нам сказали, что скоро будет обед, а она сильно проголодалась.

Проголодалась. Он уже очень давно не слышал этого слова.

- Так что же она делала здесь? - спросил он больше себя, чем кого-то. Этот номер единственный на этаже, к тому же в стороне от лестницы.

- Ну, наверное, хотела сказать мисс Кантсвинкль насчет обеда, - предположила Джанет. - Лиза была единственной из нас... по-моему... - Она обвела взглядом остальных в поисках подтверждения. Двое кивнули, как будто заранее знали, что она намерена сказать. - ...Кому все еще нравилась мисс Кантсвинкль. Хотя, я бы сказала, что «нравилась» - слишком сильное слово. Лиза считала, что мисс Кантсвинкль заслуживает нашего уважения за столько лет работы с детьми...

- Верно, - согласился Ричард, неоднократно слышавший длинные тирады Агаты Кантсвинкль о том, как она много лет работала с детьми-

сиротами. - Мисс Кантсвинкль в этом номере?

- Да, - подтвердил Хансейкер, в меру своих умений пытающийся привести в чувство Лизу.

- Тогда почему ее нет с нами? - удивился Ричард. Логично, потому что никогда прежде он не встречал такой шумной женщины.

Он перешагнул через руку Лизы и постучал в дверь. Стук разнесся по лестнице, как недавно разносился вопль. Никто не ответил, но дверь медленно приоткрылась.

Ричард заглянул внутрь, но входить не стал. Из-за двери тянуло легким металлическим запахом. Номер был крошечным, возле одной из стен стояла кровать. Окон не было. Возле другой стены находились стул и столик.

А посреди комнаты лежала на полу Агата Кантсвинкль - черные туфли указывали на дверь, старомодная юбка слегка задралась, мясистые бедра сжаты.

Упала она не так благочинно, как Лиза. Агата Кантсвинкль рухнула, как срубленное дерево. Он даже невольно поискал на полу вмятину. Удивился, почему снизу никто не услышал стук падения, потом задумался - есть ли внизу номер? Попытался вспомнить расположение комнат, но не смог.

Он чувствовал, что кто-то пытается заглянуть ему через плечо, однако он надежно заслонил дверь, поэтому никто не мог увидеть, что внутри. Тогда он закрыл дверь и встал перед ней.

- Ее там нет, верно? - спросил Бантинг.

- Можно сказать, - буркнул Ричард и встретился взглядом с Хансейкером. Тот все еще возился с Лизой. Похоже, он не представлял, как привести ее в чувство.

Ричард знал парочку трюков на этот счет - причем без использования техники, - но не хотел показывать их на глазах у всех. Поэтому сказал Хансейкеру:

- Давайте отнесем ее в номер.

Хансейкер вроде бы испытал облегчение, услышав его предложение.

Они призвали на помощь Бантинга, потому что таких сильных людей Ричарду никогда видеть не доводилось. К сожалению, Ричард узнал это, потому что Бантинг уже помогал ему переносить мертвый груз. Только тот груз был реально и окончательно мертв, а не без сознания, как Лиза.

Ричард помог Бантингу приподнять Лизу, затем тот подхватил ее на руки с такой легкостью, словно она была лишь стопкой одежды.

- Куда? - спросил он.

- Я покажу, - вызвалась Джанет, и Ричард прикусил язык. Лучше промолчать, чем предупредить Бантинга, что она может показать ему больше, чем только комнату. Они направились вверх по лестнице. Ричард шел следом, в основном из-за того, что не захотел оставаться

один возле группки на лестничной площадке. И не желал говорить с Хансейкером. Во всяком случае, пока.

Вместо этого Ричарду придется проследить за парочкой в номере Джанет и, вероятно, помочь Бантингу сбежать оттуда. Ричард нахмурился. Проклятый кошмарный полет никак не кончался.

* * *

Хансейкер взглянул на медицинские приборы, потом на закрытую дверь. У него даже внутри похолодело от взгляда, который бросил на него Ричард Айликов, когда он спросил, в комнате ли Агата Кантсвинкль.

За годы, прожитые на Ваадуме, Хансейкер не раз видел таких, как Айликов. Они работают на кораблях, перебираясь с одного на другой, потому что на предыдущем им не понравилось.

Зарегистрировавшись и заплатив, в отличие от пассажиров, деньгами компании, Айликов отошел и не видел, что Хансейкер скопировал всю его информацию в свой планшет. Хансейкер всегда так подстраховывался, понимая, что в экипажах многие летают под фальшивыми именами и с очень сомнительными удостоверениями.

У Айликова документы оказались лучше, чем у большинства, что и привлекло внимание Хансейкера. Он ожидал увидеть коротенькую биографию, указывающую, что Айликов не тот, кем кажется. Такие тоненькие биографии словно подсказывали: «Слушайте, этот человек такой заурядный. Стоит ли тратить время, выясняя, кто он такой?».

Но его документы выглядели настоящими. Причем настолько настоящими, что едва не ввели в заблуждение Хансейкера. И они бы его обманули, если бы Хансейкер не предполагал заранее, что биографии экипажа должны быть чуточку сомнительными.

Поэтому он копнул глубже, заметил шероховатость в одном из фактиков, проследил его и обнаружил еще один слой биографии, но уже под другим именем. Обычно такое означало, что некто путешествует, выполняя особое задание. Этого нельзя было исключить, но отбросить вероятность, что Айликов лишь изворотливее прочих, он тоже не мог.

- Ладно, - сказал Хансейкер собравшимся вокруг него постояльцам, чтобы избавиться от них. - Сейчас мы ничего сделать не можем. Мисс Кармайкл вам передала, что мы скоро подадим обед?

- Передала, - ответила одна из женщин.

- Тогда, наверное, вам лучше отправиться в ресторан. У меня превосходный повар, но ему не нравится пустой ресторан, и он его закрывает, если никто не придет.

- Я не очень-то голодна, - сказала другая. - Но, пожалуй, съем что-

нибудь.

- Никогда не знаешь заранее, когда еще подвернется возможность поесть, - ответила первая.

Хансейкер проследил через щель в перилах, как женщины направились вниз по лестнице. Дождался, пока они скроются из вида, и лишь затем начал действовать. Сперва он поднялся на пролет выше и убедился, что никто не спускается.

Никого. Он остался один, и ему сразу полегчало. Хотя облегчение продлилось недолго. Сердце колотилось, ладони стали влажными. Эту часть своей работы он терпеть не мог. Во время учебы такое называли «управление кризисами», но в реальности это больше напоминало рулетку с сюрпризами. И какой неприятный сюрприз ждет его сегодня?

Он вытер ладони о брюки, потом шагнул к двери. Толкнул ее плечом, зная, что защелка не работает и что он будет сожалеть об этом поступке в ближайшие часы, дни, а может быть, и недели.

Заскрипев, дверь открылась. Он заставил себя посмотреть вниз.

Как он и ожидал, на полу лежала мертвая Агата Кантсвинкль.

Свою небольшую сумку с вещами она поставила на кровать, и он надеялся, что именно от сумки исходит тот слегка металлический запах, который сейчас медленно вытекал из комнаты. Потому что он мог представить лишь два источника такого запаха. Первый - пролитая кровь. Второй...

Он вздохнул.

Второй он проверит, когда убедится, что женщина мертва.

Он заставил себя войти, надеясь, что не наступит на что-то важное. Присел возле нее на корточки, как недавно возле Лизы, но трогать Агату Кантсвинкль не стал.

В этом не было нужды. Не нужно быть врачом или медэкспертом, чтобы понять - мертва. По правде говоря, он, наверное, уже и сам настоящий эксперт по покойникам, если вспомнить, сколькими мертвыми телами ему пришлось заниматься за последние два десятилетия. Черт побери, с чего это вдруг люди обрели привычку помирать вдали от дома?

Еще когда эта женщина протолкалась в начало очереди, он знал, что будут неприятности. Ну, вот и дождался.

Он прикусил губу, чтобы не произнести проклятье. Будучи несколько суеверным, он допускал, что это может навлечь невезение. Вместо этого он вздохнул. Теперь ему придется вызвать врача базы, чтобы она занялась покойницей, хотя ему очень не хотелось этого. Не того, чтобы к делу приступил врач, просто он не хотел, чтобы телом занялся этот доктор.

Он вышел из комнаты и плотно закрыл дверь, надеясь, что никто не попытается войти, потому что это оказалось чертовски легко. На этот раз он выругался, но относительно себя. И покачал головой.

Он направился в бар - привести Анну Марию Девлин, пока она еще в состоянии двигаться.

* * *

- Тело, - смачно произнесла Анна Мария Девлин. Телом она не занималась уже полгода, а то и год. Шлепнув ладонью по стойке бара, она соскользнула с высокого табурета, надеясь, что Хансейкер не заметит, насколько нетвердо она держится на ногах.

Она была пьяна, но не до такой степени, как в конце дня. Значит, все запомнит, даже если не протрезвеет. А учитывая обстоятельства, вполне может и протрезветь.

Анна Мария схватила салфетку - какую-то тряпку, которую Хансейкер держал на стойке бара, - и вытерла пивную пену с подбородка. Она не знала, есть ли у нее на подбородке пивная пена, но всегда считала, что лучше стереть воображаемую, чем дать засохнуть настоящей.

Потом она улыбнулась. В трезвом виде, наверное, не сочла бы предстоящее дело забавным, но в тот момент ей было чертовски весело.

- И много ты еще собиралась выпить? - спросил Хансейкер тем надменным тоном, который демонстрировал все его дорогое образование, родословную и превосходство. Конечно, ее образование стоило вдвое дороже, и происходила она, наверное, из лучшей семьи, и именно ей следовало бы испытывать чувство собственной значимости, но все это осталось в прошлом.

Ей лишь хотелось, чтобы Хансейкер об этом помнил. Нет, еще лучше. Ей хотелось, чтобы он это уважал. И он об этом помнил и обливал ее презрением всякий раз, когда видел.

- Причины естественные? - спросила она, сильно моргая. Ей казалось, что в баре дымно, хотя туман плавал лишь в ее глазах.

- А разве не твоя работа - выяснить это? - огрызнулся он так, что она даже слегка протрезвела.

Обычно - если здесь уместно такое слово, поскольку им пришлось оформлять вместе всего лишь три смерти (разве это не романтично звучит: «всего лишь три смерти?»), - Хансейкер называл ей причину, время и что ей следует написать в свидетельстве. Ее всегда раздражало, что он указывает ей, как делать эту работу, и еще больше раздражало, когда оказывалось, что он был прав. И то, что он не пожелал сказать, как умер постоялец, уже было странно.

- Извини, - пробормотала Анна Мария и направилась в дальний угол бара. Для единственного местного бара помещение было смехотворно маленьким. Люди могли выпить в ресторане и казино, но ни в одном из этих мест они не могли сделать это с комфортом.

Она прислонилась к стойке и огляделась. Несколько постояльцев из поврежденного корабля явились на обед. Она ощутила запах жареного фазана... или как там называлось их главное блюдо. Оно всегда было одним и тем же, состряпанным из мяса неопределенного происхождения, синтетического или даже, возможно (о, только не надо об этом думать, но она, разумеется, подумала), из настоящих трупов, с какой-то подливкой или соусом и натуральными овощами, выращенными в единственном приятном месте на станции - гидропонном саду.

Вегетарианкой она стала давно, и главным образом для самоуспокоения. Ей не хотелось думать об источнике мясного протеина, вот она и не думала. Кроме тех случаев, когда приходилось иметь дело с трупами или болезнями либо с тем и другим сразу. У нее свело желудок. А чего еще ожидать, когда пьешь пиво, но ничего не ешь? Пиво, сваренное на натуральном хмеле, потому что она настояла на этом уже давно. Иногда она пила виски, привозимое на кораблях, или вино из разных далеких мест, но о пиве она хотя бы точно знала, из чего оно сварено. Потому что ее наняли, чтобы его варить.

Когда-то, уже давно, она была на станции барменшей. Пока до них не дошло, что к концу вечера она напивается до такой степени, что уже не может обслуживать посетителей. Это было еще до Хансейкера, который полагал, что автоматический смеситель коктейлей в любом случае лучше бармена-человека.

Хансейкер выведаль секрет: у нее есть медицинская лицензия, которую она продолжает обновлять. Она просто не могла иначе. Она не хотела, чтобы на нее подал в суд какой-нибудь пассажир, которого ей придется спасти, потому что в душе, под завесой алкоголя, она оставалась человеком благородным и считала, что клятва Гиппократова не имеет никакого отношения к лицемерию, зато прямое отношение - к благородству.

Впрочем, по поводу трупа она не могла быть ни лицемерной, ни благородной. Она схватила маску протрезвителя и сделала глубокий вдох, ощущая, как газовая смесь разгоняет алкогольный туман не хуже пощечины. Она ненавидела этот аппарат, и не только потому, что тот крал эйфорию и заставлял ее мгновенно трезветь, но и потому, что через сутки награждал ее жуткой головной болью, а с этим она ничего не могла поделать.

Кроме как снова напиться, разумеется.

Для верности она сделала еще один вдох и повернулась к Хансейкеру. Тот стоял, расставив ноги, расправив плечи, сложив на груди руки и сжав губы в тонкую линию.

- Готова? - спросил он тем самым ненавистным тоном.

Ее мучила жажда, глаза болели, а депрессия, что всегда вилась поблизости, была готова ее раздавить.

- Всегда готова, - буркнула она и вышла следом за ним.

* * *

Ричард ухитрился сбежать из номера Джанет Потсворт, как только Лиза очнулась после того, что Джанет назвала обмороком. Но это не был обморок, потому что Лиза успела завопить, прежде чем вырубиться. Впрочем, сознание она потеряла мгновенно, и у него уже появились кое-какие соображения о том, как это произошло.

Ему хотелось поразмыслить, а для этого требовалось сбежать и от разговора, и от Джанет Потсворт, которая облапала его задницу, когда он наклонился, укладывая Лизу поудобнее. Потсворт была угрозой, и он рад бы от нее избавиться, хотя не представлял, когда это произойдет, особенно теперь, когда Агата Кантсвинкль мертва.

Он не ожидал, что она погибнет. Наверное, потому что на «Президио» она всегда оказывалась первой на месте гибели других. Ричард уже привык воспринимать ее как дородного ангела смерти и не раз ловил себя на мыслях о том, уж не причастна ли она ко всем этим смертям.

Он и сейчас не исключал ее из списка подозреваемых, хотя и она, несомненно, была убита. Может быть, это стало возмездием за смерть кого-то другого? Он вздохнул. Никаких идей на этот счет. А они ему понадобятся, потому что было ясно, во всяком случае ему: на этой станции затаился убийца.

Легко ступая, Ричард спустился по лестнице - он не хотел привлекать к себе внимание. Он и так продемонстрировал большую опытность, чем ему хотелось бы, и кое-кто это заметил.

Этим кое-кем был владелец отеля Хансейкер, человек утонченный и организованный - не из тех, кого обычно встречаешь в обшарпанной дыре на краю обжитого пространства. Как правило, хозяевами подобных заведений бывали пьяницы-неудачники, не утруждающие себя обслуживанием постояльцев, даже если клиент предлагал заплатить за номер в пять раз больше нормальной цены. Или же это была добропорядочная супруга кого-то из ремонтно-технического персонала, какая-нибудь мастерица на все руки, умеющая готовить и придать самой обшарпанной комнатке более или менее приличный вид.

Хансейкер, похоже, в свое время обучался управлению отелем. Во время регистрации постояльцев он подчеркнуто не торопился, а значит, не только снимал со счетов оплату, но и сверял документы и личности.

Он смотрел на Ричарда и понял, что тот сказал, закрыв дверь комнаты, где лежало тело Агаты Кантсвинкль. Ричард нередко ронял про себя такие хитрые замечания, зная, что никто не уразумеет их

двойной смысл. Но Хансейкер понял и сразу расстроился. Не запаниковал. Огорчился. Как любой хороший владелец отеля.

Ричард миновал лестничную площадку, на которой потеряла сознание Лиза. Дверь в номер Агаты Кантсвинкль была плотно закрыта - и никого поблизости. Жаль неизвестно, есть ли кто сейчас в номере и успел ли уже Хансейкер убрать тело.

Он едва было не остановился - хотелось проверить кое-какие подозрения, - но все же прошел мимо. Ричард боялся, что, если тело старой дамы еще не вынесли, он сделается более подозрительным, чем уже есть. И знал, что он подозреваемый. Как и все, кто был на «Президио».

Первая смерть случилась через два дня после старта, когда они находились в очень далеком космосе - в районе, который капитан называл «ничьей землей», потому что там не было ни поселений в пределах посадочного радиуса, ни космических станций. Перелет из системы Дайо через систему Коммонс и так был небезопасным, а тут еще этот участок совершенно пустого пространства. Капитан предупредил экипаж - всех троих, что на первом перегоне остановок не будет до самой станции Ваадум, и даже там ему не хотелось останавливаться, настолько эта станция была маленькая и захудалая. Он предпочел бы лететь напрямик до космической станции Коммонс, где все смогли бы сойти с корабля и расслабиться.

Ричард заранее психологически готовился к длительному рейсу на относительно небольшом корабле. Он был особенно восприимчив к так называемой «каютной лихорадке» - повышенной раздражительности, вызываемой парадоксальным сочетанием скученности и одиночества, - потому что еще мальчиком оказался единственным уцелевшим после кровавой бойни на круизном корабле. Он путешествовал с отцом, который умер у него на глазах. До того как корабль причалил к одной из звездных баз Альфа, погибли все, кроме Ричарда и убийцы, сбежавшего на спасательной капсуле. Ту базу потом прозвали «Преисподняя».

И это было лишь началом, потому что ему довелось увидеть много ужасов на маленьких кораблях. Но никогда они не случались настолько странным образом, как три смерти на «Президио».

Он доказывал капитану, что «Президио» не должен останавливаться, пока не долетит до станции Коммонс, где работала служба безопасности, а сама станция находилась в секторе с реально действующими властями, которые всерьез займутся расследованием убийств. А здесь власти нет, хотя формально Ваадум находится в том же секторе, что и Коммонс. Ваадум был слишком далек от проторенных трасс и слишком мал, чтобы обзавестись хотя бы местным руководством, не говоря уже о каком-нибудь прикомандированном чиновнике, который послал бы рапорт своему

начальству в системе Коммонс.

Капитан выслушал его молча, хотя эти три убийства его ужаснули: с ним ничего подобного еще никогда не происходило, а Ричард, конечно, не рассказал капитану историю своей жизни. Ричард нанялся на «Президио», только чтобы перебраться через сектор. У него кончились деньги и из всех вариантов оставался единственный - используя одну из своих виртуальных личностей, получить работу на первом же корабле, который согласится его взять. И судьба подсунула ему «Президио».

Если бы не случился пожар, если бы не пришлось застрять здесь, то на станции Коммонс Ричард бы уволился. Он дал бы показания, представив убийства как несчастные случаи из-за неблагоприятных обстоятельств, и никому бы не пришло в голову задуматься, почему он увольняется с корабля.

Но сейчас он уволиться не мог. Не имело смысла оставаться на этой станции, потому что корабли останавливались здесь редко, а он должен был двигаться дальше. Хотя ему очень не хотелось возвращаться на корабль - если, конечно, местные ремонтники смогут его починить.

Миновав ресторан, он через двойные двери вышел из курорта. От запаха тушеной говядины - или баранины? - у него забурчало в животе. Он уже не помнил, когда в последний раз нормально ел.

Впрочем, здесь вряд ли кормят настоящей едой. Вряд ли корабли снабжения получают большую прибыль, посещая Ваадум. А чтобы они сюда заходили, им, наверное, должны неплохо платить.

Он торопливо направился по коридору в сторону ремонтной зоны. Очевидно, она некогда и была всей станцией. Об этом говорил коридор. Он был врезан в ее оболочку и представлял собой просто трубу с коммуникациями жизнеобеспечения, ведущую во вторую часть станции - зону отдыха, пристроенную позже, но не меньше столетия назад. И не из лучших материалов.

Эта часть станции производила впечатление хрупкости. Он почти ощущал, как коридор покачивается под ногами, хотя и знал, что таким его изготовить не могли. Срабатывало слишком живое воображение, которое он за многие годы так и не научился отключать.

В конце концов он вышел в ремонтную зону. Она выглядела огромной, хотя и не была таковой. Ричард понимал, что впечатление огромности - это иллюзия, вызванная пустотой. Ремзона была старейшей частью Ваадума, изготовленной два столетия назад из расчета, что здесь сможет поместиться не менее шести больших кораблей в различной степени демонтажа.

Видимо, за все минувшие годы владельцы станции не решились урезать это пространство. Наверное, надеялись, что настанут времена, когда будут заняты все семь ремонтных доков.

«Президио» находился в центральном доке. Выглядел корабль странно, поскольку его конструкция не предполагала, что кому-нибудь придет в голову поместить его в док. После постройки он должен оставаться снаружи любых космических сооружений. Но маленькое причальное кольцо станции делало ремонт пристыкованных кораблей невозможным.

Ричард порадовался, что не находился на борту, когда капитану пришлось заводить «Президио» в ремзону. Это наверняка потребовало маневрирования на грани возможного, особенно с учетом полученных кораблем повреждений.

Он увидел их прямо от входа. Пламя выжгло целое крыло. Само оно уцелело, но уже здесь кто-то разворотил в корпусе дыру. И сквозь эту дыру, в которой легко встали бы рядом пятеро, он мог видеть опаленные внутренности корабля.

Ричард содрогнулся.

Он давно боялся кораблей, начиная еще с того полета вместе с отцом, когда перед ними встал наемный убийца с лазерным ружьем в руках. Он нацелил его на Ричарда, но мальчик не испугался. В двенадцать лет он был слишком мал, чтобы понять: человек, нацеливший на него лазер, хочет его убить.

Да только киллер не собирался его убивать. Он оставил Ричарда, которого тогда звали Майклом, в живых как предупреждение для его матери, которая работала своего рода двойным агентом. Ричард никогда не пытался разобраться во всей этой политике. Он знал лишь, что его отец и много других людей умерли, потому что некое правительство наняло убийцу, чтобы заставить его мать не делать некую работу.

Он даже не был уверен, что она чувствовала за собой какую-то вину, скорее злость. И еще больше она разозлилась на него, когда он отомстил убийце. Она хотела захватить преступника живым - Ричард так никогда и не узнал почему.

Он никогда не пытался понять мать. Но ее жизнь, ее решения в конечном итоге и стали причиной того, что он сейчас оказался здесь, скрываясь после нескольких убийств. И он мог сказать - и когда-нибудь скажет, - что все они были оправданными.

Особенно первое.

- Вам помочь?

К нему подошел один из ремонтников. Он держал причудливый инструмент, какого Ричард никогда прежде не видел. Ремонтник оказался первым на этой станции человеком, производившим впечатление «местного». Очень худой, угловатый, пронизательные темные глаза, короткая стрижка. На щеке пятно смазки.

- Я работаю ни «Президио». И хотел бы узнать: вы уже нашли причину пожара?

- Зачем?

Секунду-другую Ричард к нему присматривался. Ремонтник показался ему человеком серьезным, но Ричард не из тех, кто легко доверяется другим. Черт, да он не из тех, кто вообще кому-то доверяет. Однако ремонтник на станции уже давно, и он не мог быть причастен к пожару или смертям. Даже к смерти Агаты Кантсвинкль.

- Хочу знать, не был ли это поджог.

- А вам-то какая разница?

Ричард моргнул и едва не рывкнул: «Какая разница? Не окажись поблизости эта станция, я сдох бы на этом корабле. Или был бы убит, если пожар был подстроен. Никто бы не выжил».

- На этом корабле убили трех пассажиров, - сказал Ричард, - и еще один умер здесь.

Ремонтник уставился на него. Значит, он еще не слышал о Кантсвинкль.

- Вот почему я хочу знать: был этот пожар случайностью или поджогом? Потому что я не вернусь на этот корабль вместе с типом, который устраивает пожары в космосе.

- Но вернетесь, даже если у корабля есть дефекты конструкции, вызвавшие пожар? - спросил ремонтник.

Ричард едва не улыбнулся. Об этом он не подумал. И это показывало, что он один из тех, кто мало знает об устройстве кораблей, зато слишком много - об убийцах.

- А у него есть дефекты конструкции?

- У всех кораблей есть дефекты конструкции. Некоторые опаснее других.

- А у этого? - спросил Ричард.

- Есть кое-какие слабые места, которыми легко воспользоваться. Если вы меня попросите доказать, что кто-то сознательно устроил пожар, я этого сделать не смогу, по крайней мере сейчас. Если потребуете предположить, как начался пожар, то я скажу, что кто-то ему поспособствовал. И еще замечу: всем вам чертовски повезло, что вы выжили.

По спине Ричарда пробежали мурашки. Ему дважды повезло выжить. Будь он суеверным, подумал бы, что в будущем его ждет третий счастливый случай.

- Корабль можно починить?

- На это уйдут дня два. Кое-что придется восстановить, еще больше - заменить, а потом все испытать и убедиться, что корабль достаточно прочен, чтобы снова выйти в космос. Когда мы закончим, он станет лучше нового.

Говорил он уверенно. Его действительно радовала перспектива восстановить корабль, сделать его пригодным к полетам. Наверное, ему редко выпадают подобные технические задачи. А может, такое

случается. Может, его работа как раз и состоит в латании кораблей, чтобы они смогли дотянуть до следующего порта.

- А вы способны сделать его устойчивым к вредительству? - спросил Ричард.

Ремонтник ответил ему печальным взглядом:

- Таких кораблей не бывает. Особенно если корабль старый, как этот. Наверное, у Ричарда на лице отразилась тревога, потому что ремонтник добавил:

- Мы его сделаем лучше, чем он был. И если у вас возникнет проблема, то не по вине корабля.

- Ага. Догадываюсь.

* * *

От Анны Марии Девлин все еще пахло пивом. Хансейкер морщился, стоя в комнате Кантсвинкль. Анна Мария склонилась над телом лишь на секунду, затем принялась обходить комнату по периметру - как будто помещение было настолько большим, чтобы иметь периметр. Она осматривала каждую мелочь. Стены, стул, кровать, пол. Все, кроме тела.

В конце концов у Хансейкера кончилось терпение:

- Чем ты занимаешься?

Анна Мария не ответила. Встав на цыпочки, она изучала маленькую панель управления, которую Хансейкер установил для постояльцев. Реально эта панель почти ничем не управляла, а лишь создавала иллюзию. Этим постояльцам только позволять регулировать температуру в крохотной комнате, и они вообразят себя повелителями Вселенной.

- Анна Мария! - рявкнул он. - Я задал тебе вопрос.

- Да, задал, - согласилась она, продолжая стоять к нему спиной. Никогда он еще не встречал такой несносной женщины. Если бы она не пила, то была бы просто чудом.

- Чем... ты... занимаешься? - повторил он, выделяя каждое слово, чтобы она поняла, насколько он раздражен.

- Я... провожу... расследование, - ответила она, в точности скопировав его тон.

Щеки Хансейкера покраснели. Неужели он действительно говорил настолько высокомерно?

- Расследование чего?

Анна Мария обернулась. Посмотрела сперва на дверь, затем на него. Хансейкер снова потянул дверь, убеждаясь, что она плотно закрыта.

- Не делай этого, - сказала она.

- Почему?

Она подошла к двери и чуть приоткрыла ее:

- Так будет лучше.

- Вот только не говори, что у тебя начался приступ клаустрофобии. - Он слышал о ее проблемах. Алкоголизм, который она отказывалась лечить, усугублял депрессию, которую она отказывалась признавать, вызванную чем-то в ее прошлом, о чем она отказывалась говорить. Никогда еще он не встречал женщины, настолько умеющей выводить из себя. И настолько талантливой и яркой.

- У меня предчувствие, что с этой минуты меня в этой комнате будет одолевать клаустрофобия. - Она выглянула в приоткрытую дверь, проверила коридор и открыла дверь чуть шире. - Мы одни.

Ему пришлось проверить это самому. Не то чтобы он ей не доверял, но... он ей действительно не доверял.

- Что происходит? - спросил он, удостоверившись, что никто не затаился в холле или на лестнице.

- Эта бедная женщина, - пояснила Анна Мария, доказав тем самым, что никогда не встречалась с Агатой Кантсвинкль, - умерла от удушья.

Хансейкер взглянул на шею покойницы. Ни пятен, ни признаков сопротивления. Если эта женщина и задохнулась, то при этом никто ее не душил и ничего не прижимал ко рту и носу. Он с трудом сглотнул.

- Даже если бы отключилась система жизнеобеспечения, - сказал он, - она все равно не умерла бы настолько быстро.

- Знаю, - согласилась Анна Мария. - Проблема в том, что система не отключалась.

- Тогда как она умерла?

- Я же сказала - от удушья.

- И ты это поняла, всего лишь взглянув на нее?

Анна Мария слегка улыбнулась:

- Я получу подтверждение после вскрытия.

- К ней никто не прикасался. И если причина не в системе, то в чем?

- О, все-таки в системе. Поэтому другая женщина и потеряла сознание. Дверь открылась, она увидела тело, завопила, набрала в легкие - чтобы вопить дальше - то, что оказалось здесь вместо воздуха, и вырубилась. Ей еще повезло. Окажись она внутри комнаты, умерла бы тоже.

У Хансейкера слегка закружилась голова. Он поймал себя на том, что перестал дышать. Заставил себя вдохнуть, но воздух показался каким-то странным. Прежде он не задумывался о дыхании. Наверное, подобно Анне Марии, ему тоже не захочется остаться в этой комнате одному и при закрытой двери.

- И что она вдохнула? - спросил он.

- Это не был чистый углекислый газ, иначе ее кожа стала бы ярко-красной. Скорее, какой-то коктейль из газов. Из-за которого и появился тот горьковатый запах, что был в этой комнате, когда мы вошли.

А ведь он уже был здесь прежде. И тогда запах был сильнее. Этого он

ей не стал говорить.

- Как ты это узнала?

Она показала портативный сканер:

- Я сняла показания в разных частях комнаты. И увидела смесь веществ, которых никогда не должно быть в жилых зонах космической станции. Я знаю, как вели себя обе женщины. Знаю про запах. И есть еще панель управления.

Хансейкер протиснулся мимо нее и уставился на панель. Кто-то заблокировал автоматику. И теперь чертова штуковина мигала, запрашивая ручной ввод кода для подтверждения подачи кислородной смеси, причем с повышенным содержанием кислорода. В настройках не только кто-то ковырялся, но сделал это дважды - один раз, когда Агата Кантсвинкль вошла в комнату, а потом еще раз, но уже после ее смерти.

- Полагаю, эти системы сохраняют информацию о том, кто и когда к ним прикасался? - спросила Анна Мария.

Он понятия об этом не имел. В последний раз он выполнял блокировку автоматики лет десять назад. С тех пор заменил большую часть панелей управления, перейдя на простейшую систему, которая давала постояльцам выбор только из двух вариантов - тепло или холодно. Новая система и рядом не стояла с этой коробочкой, позволяющей гостям - знающим код блокировки - даже повышать или понижать процент кислорода в воздухе.

- Не знаю, - ответил он, чувствуя себя абсолютно беспомощным.

- Что ж, - Анна Мария улыбнулась: ей откровенно нравилась его растерянность. - Тогда советую это выяснить.

* * *

Бум, бум, бум.

Сьюзен села, переполненная адреналином. Ей снился сон. Даже не столько сон, сколько воспоминания.

Негромкое постукивание, ритмичное, ногой по тонкой стенке.

Во рту горько от желчи. Она встала с кровати, потерла ладонями лицо и подошла к двери.

За дверью стояла Джанет Потсворт. Такой взъерошенной Сьюзен ее еще никогда не видела.

- О, ты в порядке, - с явным облегчением сказала Джанет.

Сьюзен нахмурилась:

- Конечно, в порядке. Почему бы нет?

- Потому что ты не пришла обедать.

Сьюзен закатила глаза. Она попросила шеф-повара - если этого человека можно так назвать - обед в номер. Он выполнил ее просьбу,

подав нечто тушеное, чего не было в меню.

- Этим будут кормить персонал, - сказал он. - Вам понравится. Она сама отнесла обед к себе в комнату, и он ей понравился. Впервые за неделю она поела в одиночестве. Ни тревоги, ни догадок, ни страха. Просто спокойный обед в тихом номере. Потом она позволила усталости взять верх и провалилась в благословенный сон.

Пока ей не приснилась смерть Реми. Он повесился в своей каюте - и для этого ему пришлось постараться. Обмотал шею простыней, зацепив другой конец за какой-то выступ на потолке. Она этого не увидела, зато слышала его ноги - бум, бум, бум, и эти звуки тогда не показались ей странными.

Когда его нашли, он уже не бился о стену. Наверное, она слышала, как он умирал.

Никому тогда и в голову не пришло, что он там занимался чем-то другим, кроме как убивал себя. В конце концов, он стал первым. Они произнесли над ним какие-то слова, заглянули в его туристический контракт, увидели, что не нужно никому доставлять тело, и отправили его в космическую темноту вместе с немногочисленными пожитками.

И пожалели об этом, когда появилось второе тело. Стало ясно, что Реми себя не убивал, а стук был попыткой привлечь внимание. Или высвободиться, лягаясь. Или найти опору для ног.

Или ударить убийцу.

Она ненавидела эти воспоминания, но все же думала об этом. Часто.

Похоже, как и все остальные. Включая убийцу. Который наверняка смеялся над ними.

Она не вернется на этот корабль. Ни сейчас, ни потом. И дверь ей тоже не следовало бы открывать. Джанет была одной из тех несносных женщин, что в каждом мужчине видят добычу, а в каждой женщине - соперницу.

- Я в порядке, - повторила Сьюзен и начала закрывать дверь.

- Ты ведь понимаешь, почему мы так встревожились, если учесть, что случилось с бедняжкой Агатой.

Сьюзен вздохнула. Сейчас ей полагалось спросить: «А что случилось с Агатой?» - как будто ее это волновало. Таких отвратительных женщин, как эта Агата, она еще не встречала. Она не хотела знать, что с ней произошло. И если заглотит словесную наживку, то будет вознаграждена рассказом о том, как кто-то грубо обошелся с самой отвратительной женщиной из всех, что ей довелось увидеть.

- Да, понимаю, - солгала Сьюзен. - Спасибо, что подумала обо мне. - И резко закрыла дверь.

* * *

- Пожар начался в этой панели, - сказал ремонтник. Звали его Ларри, и он работал на станции уже более десяти лет. Свою работу Ларри любил. «Здесь моя работа, - сказал он Ричарду, - это настоящий вызов. Надо подходить творчески, понимаешь? И делать все правильно. Мы не потеряли ни единого корабля из тех, что вылетели отсюда, и никогда потом не получали жалоб на свою работу. Лучшей работы у меня в жизни не было».

Энтузиазм Ларри обнадежил Ричарда. Настолько, что он вошел вместе с Ларри в обгоревшую часть «Президио». Здесь пахло дымом и расплавленным пластиком. Нос чесался, постоянно хотелось чихнуть. Он мелко дышал через рот - казалось, что если он начнет чихать, то уже не остановится.

- Видишь, - Ларри показал на что-то почерневшее и непонятное, - это и есть один из тех дефектов конструкции, о которых я говорил. Тут нет ничего такого, что загорелось бы само по себе, но есть то, чем можно воспользоваться.

Он объяснил, используя множество технических терминов, но Ричард, как ни странно, все понял. Послушать Ларри, так все очень просто, и все же сам он не смог бы такое проделать.

- Но эта штуковина горела уже несколько часов, когда мы ее обнаружили, - сказал Ричард. - Все системы предупреждения отключились.

- А это поработали над системой жизнеобеспечения, - пояснил Ларри.
- Понизили процент кислорода в помещении. Поэтому пожар разгорался медленно. А еще есть встроенная система пожаротушения. Она бы изолировала и провентилировала отсек. Но не сделала ни того, ни другого.

- А систему жизнеобеспечения легко перенастроить?

- Мне легко. Вам будет потруднее.

- Значит, был некто, разбирающийся в системах корабля?

- В системах большинства кораблей, - уточнил Ларри. - Тут нужно знать, что стандартно, что необычно, чего ожидать и что нормально.

- Значит, это был человек, работавший на корабле, - решил Ричард.

Ларри улыбнулся:

- Не обязательно. Ведь вам полагается недельный отпуск?

Ричард кивнул.

- Этого времени вполне хватит, чтобы изучить техническую документацию и понять, как работают системы этого корабля. При условии, что у человека уже есть базовые знания о работе систем кораблей в целом.

- А можно было рассчитать время? - спросил Ричард.

- В смысле?

- Чтобы мы находились поблизости от Ваадума, когда начнется пожар?

- Конечно. Это единственный умный способ устроить диверсию. Если только поджигатель не собирался погибнуть вместе со всеми. Или не задумал воспользоваться спасательной капсулой. Но они все на месте. Полагаю, все ваши пассажиры тоже на месте?

- Да. Они все здесь. На станции. С нами.

* * *

Чтобы человек перестал тянуть волынку, нет лучшего повода, чем убийство. После того как Анна Мария увезла тело Кантсвинкль в лазарет на тележке-роботе, Хансейкер достал инструменты и починил замок в номере Кантсвинкль. Он не мог отделаться от чувства, что если бы сделал это раньше, чем в нем поселилась Агата, то смог бы предотвратить ее смерть. Но тогда ему пришлось бы иметь с ней дело следующие два дня, пока «Президио» готовили к вылету. От этой мысли он вздрогнул... и ощутил вину. Она не виновата в том, что умерла...

Да, никто ее, похоже, не любил, с ней было тяжело общаться. И если бы ему пришлось выбирать, кого из этой маленькой группы пассажиров убить, он выбрал бы ее. Тут он снова вздрогнул. Так она умерла из-за своего характера? Или из-за своего поведения? Или потому что он поселил ее именно в этот номер?

Последняя мысль заставила его отыскать своих подручных (всего двоих) и распорядиться, чтобы они привели в порядок другие номера - те самые, где контроль состава воздуха был невозможен. Затем переместил в них пятерых пассажиров: Бантинга с соседом, Джанет Потсворт с Лизой Ламфер и Сьюзен Кармайкл.

Первые четверо оставили прежние номера охотно. Затем он отправился к Кармайкл. Постучал, она не ответила. Он постучал снова, уже сильнее. Дверь распахнулась, он увидел Сьюзен, но какую-то осоловевшую. Не так давно она поразила его как женщина, чья прическа всегда в порядке, а сейчас она стояла растрепанная, да еще с каким-то странным красным пятном на щеке, как будто ее ударили. Он лишь через несколько секунд догадался, что на щеке у нее отпечаток подушки, а волосы взъерошены одеялом. Очевидно, спала Сьюзен Кармайкл неряшливо, хотя никогда не появлялась такой на людях.

Перебираться в другой номер она не захотела. Она едва не захлопнула дверь у него перед носом, но он остановил ее и сказал, что, если она останется здесь, то велика вероятность, что ее постигнет судьба Агаты Кантсвинкль. Тут Кармайкл нахмурилась.

- А что случилось с Агатой? - спросила она.

Хансейкер внимательно на нее посмотрел. Она действительно этого

не знала.

- Она умерла.

Кармайл на минуту закрыла глаза, вздохнула и прислонилась к дверному косяку.

- Полагаю, она была убита, - устало произнесла она.

- Да.

Кармайл открыла глаза. Они были ярко-голубые.

- Наверное, бесполезно просить убийцу прекратить сеять смерть, раз уж мы сошли с этого проклятого корабля.

- Наверное, - согласился Хансейкер, не зная, как реагировать на ее слова.

- У него кончатся жертвы, и это привлечет внимание к нему, - со злостью сказала она, как будто ее лично оскорбляло, что убийца продолжает убивать, даже несмотря на то что она считает такое поведение неумным.

- Возможно, он не возражает против внимания, - заметил Хансейкер. - Помочь вам перенести вещи?

- У меня их немного. - Она показала на свои недавние покупки, лежащие на стуле. - Сама отнесу.

Он все же взял туфли и одеяло, потому что внезапно ощутил необходимость быть полезным. Хотя он и так был полезным. За сегодня он сделал полезного больше, чем за предыдущие недели, а то и месяцы. Починил замки в четырех дверях, включая дверь номера Агаты Кантсвинкль (а потом запер проклятую комнату, может быть, навсегда), привел в порядок множество номеров, пробудил от спячки кухонный персонал - ведь теперь у него в отеле есть постояльцы. До тех пор, пока они не поубивают друг друга, разумеется.

Он оставил дверь открытой, потому что кто-то из его работников вскоре придет сюда, приберется, починит замок и запрет его. Никто не будет жить в старых номерах, пока в отеле есть убийцы.

- Она сильно страдала? - спросила Кармайл, когда он сопровождал ее вниз по лестнице и через коридор в новое крыло отеля.

Хансейкер взглянул на Сьюзен. Похоже, это ее действительно волновало. Никто прежде не задавал этот вопрос. Даже он сам не задал его, разговаривая с Анной Марией. А наверное, следовало бы.

- Не знаю, - честно ответил он. - Чтобы задохнуться, нужно время. Если смерть ее оказалась милосердной, то она сперва потеряла сознание, подобно Лизе, а потом перестала дышать. Но если нет, то она ловила ртом воздух...

Хотя, понял он, если бы ей стало трудно дышать, то достаточно было выбежать в коридор и отойти подальше от двери. Тогда она смогла бы отдышаться, очистить легкие и, может быть, получить помощь.

- Мне кажется, что она совсем не страдала, - добавил он, поразмыслив.

Кармайкл хмыкнула, и это его удивило. Он ожидал услышать «слава богу» или какое-то другое утешительное замечание. Вместо этого она выказала едва ли не досаду.

- Вы хорошо ее знали? - спросил он.

- Никто не знал ее хорошо. И никто не хотел знать.

- А-а-а... - об этом он и сам догадывался. - А другие умершие? Они тоже были... непопулярны?

- А вам-то что до этого?

Хансейкер покраснел. Обычно он не был таким любопытным.

- Извините, - сказал он. - Это не мое дело. Просто хотел узнать...

- Вообще-то, убийство не должно быть темой для легкой болтовни, верно? - спросила Кармайкл.

- Думаю, что нет, - согласился он, удержавшись от замечания, что как раз сейчас разговор вовсе не такой уж легкий, как она полагает. В конце концов, на корабле умерли три человека, там случился пожар, а теперь умер еще один человек. Легкой болтовней это не назовешь. Скорее, весьма относящейся к делу.

Они остановились возле новой комнаты Кармайкл. Он открыл дверь и вошел, ощутив легкий прилив адреналина, когда сделал первый вдох.

Неужели он теперь всегда будет испытывать такое в гостевых комнатах? Всегда бояться, что единственный вдох может его убить?

- Что ж, - заметила Кармайкл, заходя следом, - здесь не так красиво, как было в той комнате, но выглядит поновее.

Он никогда не думал, что та комната красивая, хотя в ней имелось некое своеобразие, отсутствующее в новых, одинаковых во всем крыле, достаточно просторных для большой кровати, стола и двух стульев. Кроме того, целая стена здесь была выделена для компьютерных развлечений - за дополнительную плату.

Он не спросил Кармайкл, чего она желает, предполагая, что она оплатит дополнительный счет, если решит развлечься. Ему больше не хотелось находиться рядом с ней. Положив на пол ее туфли и одеяло, Хансейкер вышел из комнаты. Она этого словно и не заметила. Когда он уходил, она раскладывала одежду на столе, не обращая на него внимания, словно на работа-уборщика.

Он торопливо спустился по лестнице и подошел к конторке, ощущая тревогу. Эта группа людей начала его пугать. И он понятия не имел, когда от них избавится. Сперва нужно отремонтировать корабль. Или сюда должен прилететь другой корабль и забрать их из его отеля.

Впервые за очень долгое время он пожалел, что на станции нет хоть какой-нибудь службы безопасности. Чего-то большего, чем самый крепкий из его работников, грозящий буйным постояльцам увеличить счет за проживание, - обычно этого хватало, чтобы их успокоить, потому что Хансейкер уже и так контролировал счета.

Но никому из этой компании он грозить не собирался, потому что не

знал, как они отреагируют. Ему не хотелось об этом думать. Ни о ком из них. Вместо этого он занялся составлением графика уборки освободившихся номеров. Графика уборки и ремонта. Настало время убедиться, что все замки работают, как положено, а все оборудование защищено от взлома и манипулирования. Пора заняться своей работой. Снова.

* * *

Отвратительный человек. Даже гнусный. Кем он себя вообразил, обсуждая смерть других людей, словно это развлечение? Сьюзен Кармайкл сидела на кровати в своей новой комнате. Сна ни в одном глазу. Она даже задумалась, сможет ли когда-нибудь заснуть снова.

Агата умерла. Здесь, а не на корабле. Это потрясло Сьюзен не меньше догадки о том, что смерть Реми не была самоубийством. Нельзя сказать, что самоубийство в соседней каюте не взволновало бы ее. Ее огорчила бы любая смерть. Но убийства, пожар... Когда они летели к Ваадуму, она почему-то решила, что здесь будет в безопасности, что долгий кошмар закончится.

Она откинула голову на подушки, прислонив их к изголовью и ощущая мышцы спины - настолько напряженные, что любое движение причиняло боль. Ей не нравилась эта комната. В прежней была иллюзия безопасности. Ту комнату ей дали, когда она все еще верила, что на станции им будет намного лучше, чем на корабле. Теперь она знала, что разницы нет. Ограниченная группа людей заперта в ограниченном пространстве. Некуда бежать, невозможно спастись. Корабль выведен из строя, а «Президио», насколько ей было известно, - единственный корабль на станции.

Есть ли у местных (как их следует называть - станционные крысы?) способ покинуть станцию? В этом она тоже не была уверена, но это, наверное, можно выяснить. Ее пугало, что Ваадум - единственная остановка на пути к станции Коммонс.

И она даже не знает, как далеко отсюда до Коммонса. Может быть, ей удастся уговорить кого-нибудь доставить ее туда. Или нанять корабль, чтобы тот прилетел и забрал ее отсюда.

Конечно, кто-нибудь захочет к ней присоединиться, но у них ничего не выйдет, потому что любой может оказаться убийцей. Ей нужен способ защиты. Но его нет, во всяком случае сейчас. И теперь она не сможет заснуть. Надо бодрствовать, оставаться начеку, если кто-нибудь попробует что-то сделать. Сьюзен подтянула колени к груди. Ей нужен план.

Но она не знала, с чего начать.

* * *

Капитан отыскивал местечко в дальнем углу под тусклыми лампами. Ричард пересек почти весь бар, где пахло пивом, потом и пролитым виски, прежде чем разглядел, что перед капитаном стоят пять стаканов. Ричард вздохнул.

Капитан - невысокий мужчина, бывший военный, а из какой армии и где воевал, Ричард никогда не спрашивал. Это не его дело: благодаря матери он знал, что политика - смертельно опасное занятие во всем секторе.

Капитан управлял кораблем согласно плотному графику. Он и два других пилота несли восьмичасовые вахты в кабине управления.

Ричарда взяли на самую неквалифицированную работу, не имеющую никакого отношения к управлению кораблем: выполнять пожелания пассажиров, следить за тем, чтобы палубы были идеально чисты, запускать роботов-уборщиков и роботов-поваров. Еда на корабле не была впечатляющей, но ее и не рекламировали. По трассе ходили корабли, где сплошная еда, еда и еда - каждые несколько часов, блюда всех культур в этом секторе, еда столь же богатая и разнообразная, как и сами пассажиры.

Но этот корабль был не круизным, а рейсовым. Он перевозил людей, обеспечивая им умеренный комфорт и минимум шика.

Пока не умер первый пассажир, Ричард в основном имел дело с тривиальными жалобами: сломавшиеся развлекательные центры, неработающие аватары в игровой зоне, редкие внезапные (и забавные, на его взгляд) отключения искусственной гравитации в туалете. Агата Кантсвинкль успела испытать его терпение: то постель была слишком мягкой, то оборудование рядом с ее каютой слишком шумным, то запахи еды с камбуза слишком сильными - но он сумел дважды ее переселить, и последняя каюта устроила ее больше, чем предыдущие, что сократило количество жалоб примерно наполовину.

Он настроился на рейс, полный раздражения и тяжелой работы. Зато он знал, что, попав на Ансари, займется реальным делом и впервые за несколько месяцев будет при деньгах. Он уже поклялся никогда больше не доводить себя до такой нищеты.

И вот он оказался здесь - без денег, запертый на космической станции, где есть, как минимум, один убийца.

Он взглянул на капитана. Тот уставился затуманенными глазами в стакан, словно хотел прочесть что-то, написанное на его дне. Ричард знал, что капитан - единственный, кто не стоит за всем этим, и по двум причинам. Первая была очень веская: когда произошли два первых убийства, Ричард находился рядом с ним. Будь капитан причастен, ему пришлось бы завести сообщника, а тот никогда и ни с кем не

советовался.

Вторая была еще весомее: капитан владел этим кораблем. Корабль был частью франчайзинговой схемы, и капитану за рейс платили по числу пассажиров. Если корабль был полон, он получал солидную прибыль. Если заполнен наполовину, он кое-что зарабатывал. Если пуст, он или становился банкротом, или был вынужден выходить из бизнеса. Ричард мог понять того, кто уничтожил бы собственный корабль, лишь бы получить страховку и выйти из дела. Но не мог уразуметь, как можно решиться на такое, пока на борту есть заплатившие пассажиры, и уж тем более не мог представить, что это делается с помощью пожара. Есть много иных, гораздо более простых способов.

Ричард сел напротив капитана, покачнув столик. Звякнули стаканы, капитан заметил его, однако признал его присутствие не сразу.

- Не хочешь выпить за окончание моей карьеры? - спросил капитан, поднимая стакан.

- Дела не настолько плохи, - солгал Ричард.

- Корабль ремонту не подлежит.

- Нет, его можно отремонтировать. Я говорил со спецами.

Капитан покачал головой:

- Он больше не полетит. На нижней палубе все провоняло дымом, а системы жизнеобеспечения накрылись. Корабль небезопасен. Во всяком случае, по нашим стандартам.

Он имел в виду стандарты компании, на которую работал.

- Значит, они вышлют корабль на замену?

- Через две недели. Может быть. Или мы сможем нанять другой. Надо спросить пассажиров. То, что от них осталось.

- Две недели? - переспросил Ричард.

- Он вылетит с Ансари. Мы вернемся в систему Дайо. Туда, откуда стартовали. Хотя какая разница? Мне предстоит слушание дела. Можно подумать, это я виноват, что они позволили чокнутому убийце пробраться на мой корабль.

- Вы разве не проверяли декларацию груза и пассажиров?

Капитан зло уставился на него. Или попытался. Получилось не очень эффективно при трясущейся голове и налитых кровью глазах.

- А что мне следовало сделать? Отказать клиентам с безупречными биографиями? Конечно, я проверял. Не идиот. Или думал, что не идиот. - Капитан вздохнул. - Кто-то пытается меня уничтожить.

А что, вполне возможно. Об этом Ричард не подумал.

- Вас кто-нибудь настолько ненавидит? - спросил он.

- Кто-то, кроме меня? А черт его знает...

- Вы все делали правильно, - заметил Ричард.

- Отправил то первое тело в космос, - сказал капитан. - Не развернулся на том самом месте. Надо было доставить всех обратно.

Но мы думали, что это самоубийство. А когда умерли еще двое, мы уже были ближе к станции Коммонс, чем к системе Дайо. Чтобы вернуться в Инчин, понадобилась бы неделя.

Этот кошмарный рейс начался в Инчине.

- Кажется логичным, верно? Но знаешь, нас не обучают таким вещам. Может, мне следовало бы запереть всех по каютам.

Ричард кивнул. В конце концов, именно это он сперва и предложил - ну, не сразу, а после второго убийства. Профессор Игнатиус Грове направлялся к месту новой работы в каком-то престижном университете в крупнейшем городе на Ансари. Он преподавал математику. И умер, когда ткани в его горле начали стремительно разбухать, в конце концов перекрыв доступ воздуха в легкие.

Все сочли бы и это необычной, но естественной смертью, особенно вспомнив, что профессор и Агата Кантсвинкль, встречаясь за обеденным столом, всякий раз жаловались друг другу на свои разнообразные аллергии, если бы Ричард не вспомнил, что уже видел точно такое же убийство. Есть такие маленькие nanoштучки, которые могут запускать в тканях механизм роста. Если они попадают в пищу или питье, то собираются в глотке. Никто еще не проверял, способны ли они добраться до желудка и что получится, если окажутся там раньше, чем закупорится горло.

Игнатиус Грове умер особо страшной смертью. Как и Реми Демопин, ставший первой жертвой. Фактически, все трое умерли ужасно. Третья, Триста Джордан, погибла, когда кто-то запечатал ей нос и рот липким герметиком. Ричард не знал точно, что было использовано - какой-то жидкий клей. Она могла бы воспользоваться кнопкой вызова, чтобы позвать на помощь. И наверняка воспользовалась бы, если бы ее заодно не приклеили к стулу в каюте.

Убийца не пытался скрыть эту смерть. Расследовать ее было уже некогда, потому что начался пожар. Или, во всяком случае, был обнаружен.

- Даже если бы пассажиров заперли по каютам, - сказал Ричард, - это, вероятно, не помогло бы. У нас на борту был очень целеустремленный убийца. Кстати, он до сих пор среди нас. Есть соображения, кто это?

- Если бы знал, пристрелил бы ублюдка. - Капитан взял один из еще полных стаканов и осушил его. - Слушай, а может, мне лучше сейчас перестрелять всех? Это решило бы проблему. Что скажешь?

- Одно из решений.

- Не хуже остальных, - заметил капитан и взял последний из полных стаканов. - Если бы я смог оторвать задницу от этого стула... Но я никого расстреливать не буду. Если кто-то хочет меня убить, пусть убивает. Может быть, еще и услугу мне окажет. Ты хочешь моей смерти, Ричард?

Их взгляды встретились. Впервые за время разговора капитан

выглядел трезвым. Лицо у него стало очень серьезным. У Ричарда возникло чувство, что капитан знает о нем больше, чем он полагал.

Ричард затаил с ответом и теперь уже не мог притвориться, будто его возмутил вопрос. И отмахнуться от него он тоже не мог, учитывая взгляд капитана.

- Если я вас убью, что от этого получу? - спросил он.

Капитан улыбнулся и тряхнул головой - момент ясности у него прошел.

- Мою вечную благодарность, друг мой, - сказал он, поднося к губам стакан. - Мою вечную благодарность.

* * *

Хансейкер сидел за столом и копался в файлах. Позади у него была стена, а краем глаза он присматривал за входами и лестницей.

На коленях лежал планшет. Его личный планшет, а не тот, что подключен к сети курорта. Свой планшет он обновлял десятки раз, иногда нелегально. Неоднократно крал программы у постояльцев, а у одного из них - игрока с хорошими связями, которому нравились ставки (и сиськи) в местном казино, - он украл целую базу данных по сомнительным личностям во всем секторе.

Он не ожидал увидеть какие-либо знакомые имена, но одно все же обнаружил. Ричард Айликов, также известный как Юрий Флинн Доил, Эдвард Майкл Адамс и Михаил Юрьевич Орлинский, профессиональный киллер, на счету которого значилось более двух десятков убийств по всей системе.

Хансейкер содрогнулся. Он знал, что Ричард Айликов не был обычным работником на пассажирском корабле. Для этого он слишком компетентен - не в области разных механизмов, а в том, что касалось смерти. Он даже не вздрогнул, увидев тело Кантсвинкль, да и сама ее смерть, кажется, не слишком его огорчила.

И все же все эти смерти, три на корабле и четвертая здесь, казались ужасно небрежными для человека, который зарабатывал на жизнь убийствами. Хансейкер тихонько вздохнул и вышел из нелегальной базы. Он ощутил себя грязным уже от одной мысли о работе Айликова. Скорее, даже о нем самом. Айликов не выглядел безобидным - уж настолько наивным Хансейкер не был, - но все же казался... эффективным, а не смертельно опасным.

Его взгляд отвлекло движение. К столу подходил Айликов. Хансейкер даже не заметил, как тот вошел в комнату.

Хансейкер сдавленно вскрикнул. Айликов приподнял бровь. Он спугнул Хансейкера, и это его развеселило. Айликов многозначительно улыбнулся и подошел ближе, как будто ничего не заметил.

- Постояльцами интересуемся? - спросил он.

- И что? - ответил Хансейкер, тут же сообразив, что дал не самый умный ответ. Но, наверное, не лучшими вариантами стали бы «а тебе какое дело?» или «вали отсюда».

- У кого-то из них отыскалась история с нехваткой кислорода?

- Что? - удивился Хансейкер, не ожидавший такого вопроса.

- Я понял, когда говорил с капитаном, что все наши жертвы тем или иным способом задохнулись. А из-за пожара мы бы задохнулись все. Вот я и думаю, а не имеем ли мы дело с каким-то сценарием мести?

Айликов оперся локтями о стол.

- А мне откуда знать? - ответил Хансейкер чуть дрогнувшим голосом.

Айликов нахмурился:

- У меня нет доступа к серьезной базе данных. А у тебя есть. - Тут его глаза слегка расширились. - О, ты решил первым делом проверить меня.

Сердце у Хансейкера колотилось. Терять ему было нечего: если Айликов собирается его убить, то это произойдет сейчас. Поэтому он вывел на экран историю Айликова и подтолкнул планшет к нему через стол.

- Эти базы составляют так паршиво, - сказал Айликов. - Ничего толком не узнаешь, верно?

Он поднял на него бледно-голубые глаза и подмигнул. Как он может смеяться, говоря об убийствах? Хансейкер невольно вспомнил слова Кармайкл: убийство не должно быть темой для легкой болтовни. И предметом для улыбок.

- У всех нас есть прошлое, Гриссан, - сказал Айликов. - В твоём прошлом есть хищения с курортов, где ты работал. Весьма творческие хищения, могу добавить: они сделали бы тебя очень богатым, если бы ты придерживался исходного плана.

Хансейкер ощутил, как у него теплеют щеки. Об этом никто не знал. Как же Айликов это разнюхал?

- Проблема в том, что в этой профессии более молодые и менее опытные работники переходят с курорта на курорт, а те, кто старше, получают заслуженную синекуру. Как думаешь: правильное слово - синекура?

- Синекура подразумевает должность, где почти ничего не надо делать. А это не так. В моей профессии, чтобы подняться на вершину, нужно все время работать. - Хансейкер говорил отрывисто, показывая свою досаду. Щеки потеплели еще больше. Он позволил Айликову довести себя до раздражения.

Айликов слегка улыбнулся:

- Я неправильно выразился. Я просто имел в виду, что ты поднялся до вершины своей профессии и остался на одном месте. На курорте, который стал «твоим», хотя ты им и не владел. Ты стал глазами и

ушами этого места. Лицом, которое знакомо всем. Именем, которое связали с этим курортом. Вот почему тебе купили это заведение и не стали преследовать по суду. Ты хоть знал, какую дыру они тебе подобрали? Это была их идеальная месть, да? Фактически ссылка, подальше от населенных зон этого сектора. Тебя это не смущает?

Смущает, унижает, бесит. Хансейкер не ответил, но предположил, что все эти эмоции отразились на его лице.

- Но и тогда ты наверняка припрятал деньги, украденные на других курортах. И ты мог исчезнуть. Ты просто решил этого не делать.

Убегать было слишком стыдно. Хансейкер попросту не сумел бы взглянуть в лицо никому из прежних коллег. И никогда не сможет.

- У всех есть своя тайная история, - продолжил Айликов. - Не сомневаюсь, что и твои пальцы стали липкими не без причины. У моей истории тоже есть причина. Моей матерью была Галина Лейла Орлинская. Поищи ее в своей маленькой базе данных.

Хансейкер взял планшет. Пальцы у него дрожали, черт бы их побрал. Не контролирует реакции, прежде это удавалось лучше. Он отыскал в базе Галину Лейлу Орлинскую. У нее имелось еще с полдюжины псевдонимов. Шпионка высокого класса, которая перешла на сторону противника, захватив с собой важнейшую информацию, изменившую ход одной из пограничных войн. Последние несколько лет жизни обслуживала разные державы в качестве наемника.

- Уверен, тут не сказано, что она нанимала и меня. Как наемного убийцу. Она считала, что у меня для такой работы вполне подходящий характер.

- А это так? - спросил Хансейкер и сразу пожалел, что не может взять свои слова обратно. Но Ричард этого словно не заметил.

- Не совсем. На мой взгляд, человек должен ощущать страсть к своему делу. А работа наемного убийцы вообще исключает эмоции. Ты разве не считаешь, что человеку следует вкладывать в дело сердце и душу?

- Я так обычно и поступал, - согласился Хансейкер.

- Готов поспорить, что тебе сейчас не хватает этого чувства. Мне его точно не хватало. Мне хотелось что-то изменить в своей жизни. И вот я теперь без гроша и нанимаюсь на корабли в качестве прислуги, лишь бы пересечь этот сектор.

Он подался вперед через стол. Отодвинуться Хансейкер не мог - его спина уже была прижата к стене.

- Так что, как видишь, у меня не было причины убивать тех людей, - сказал Айликов. - Я не был с ними знаком. И уж точно у меня хватило бы ума не поджигать корабль вдали от ближайшего порта.

- Но ты был знаком с Агатой Кантсвинкль, - произнес Хансейкер тише, чем собирался.

Айликов искренне улыбнулся:

- Что, тебе она тоже не понравилась? Насколько могу судить, она никому не нравилась. Но и ее мне не нужно было убивать. Она сошла бы с корабля в Ансари. А здесь, на Ваадуме, она стала твоей проблемой, а не моей.

Хансейкер сглотнул:

- Значит, ты утверждаешь, что никого не убивал?

- Никого. С какой стати?

- А вдруг тебе кто-то заплатил?

Айликов покачал головой:

- Если бы мне заплатили, то я летел бы пассажиром. Не стал бы наниматься в работники.

Все это было очень логично. Но Хансейкер не знал, стоит ли этому верить.

- Так что ты там говорил про удушье? - спросил он.

- О, просто теория. Все покойники задохнулись - тем или иным способом. Поэтому если представить, что эти преступления связаны, то, может быть, причина - месть за чью-то смерть от удушья?..

- Я даже не знаю, как такое искать в базе, - признался Хансейкер.

- Зато я знаю, - сказал Айликов и забрал у Хансейкера планшет.

Просеивая базу данных Хансейкера, Ричард отыскал лишь кучу всякой ерунды. База оказалась не так уж хороша. Она была старой, а обновления втиснуты кое-как. Уж лучше бы он сходил на «Президио». Там уцелела хорошая база, где он вполне мог отыскать то, что его интересовало. Потому что здесь при таком поверхностном поиске он не сумел отыскать никого, имеющего отношение к смерти от удушья - в результате убийства, несчастного случая или по естественной причине. Он уже собрался вернуть планшет Хансейкеру, когда кто-то завопил.

- О, только не снова, - пробормотал Хансейкер.

Ричард швырнул ему планшет и помчался вверх по лестнице, ожидая услышать стук падающего тела. Звук он не услышал. Зато услышал крик и понял, что это мужчина.

В отличие от первого, это не был крик испуга или удивления. Скорее, ужаса, крик «конца света», так вопят, когда все безнадежно и потеряно. Снова крик, потом еще один. Захлопали двери - люди выбегали из комнат. Взбежав по лестнице, Ричард уже присоединился к небольшой толпе.

Вопли доносились с верхнего этажа.

Он поднялся туда вместе с тремя другими бывшими пассажирами - Джанет Потсворт, Лизой Ламфер и Уильямом Бантингом - и обнаружил мужчину, которого никогда прежде не видел. Тот стоял на коленях в одном из номеров, закрыв лицо руками, и вопил не хуже аварийной сирены.

На полу лежало еще одно тело - женщина, которую он тоже никогда не видел. Ее остекленевшие глаза были открыты, изо рта

высовывался кончик языка. Несомненно, мертва.

За его спиной кто-то вздохнул.

Ричард полуобернулся. Возле него стоял Хансейкер и смотрел на лежащую женщину.

- Черт, и что мне теперь делать? - спросил он с досадой. - Ну, правда - что?

Судя по выражению лица Айликова, Хансейкер произнес это вслух и ощутил, как снова краснеет. Не поднимая головы, чтобы не смотреть Ричарду в глаза, он вошел в комнату.

Хансейкер опустил руку на плечо Фергюса. Тот работал здесь с тех пор, как Хансейкер стал управлять курортом. Вместе с женой Диллит, которая теперь была мертва. Впрочем, она и при жизни была ненамного энергичнее покойника. Но нехватку энергичности Диллит восполняла скрупулезностью.

Она могла отыскать пылинку, пропущенную роботом-уборщиком. Умела идеально складывать уголки одеял. Работала она медленно, зато тщательно. А на курорте Хансейкера скрупулезность значила больше, чем быстрота.

Когда Хансейкер коснулся Фергюса, тот перестал вопить. Он поднял на Хансейкера запавшие глаза и спросил:

- И что мне делать?

Фергюс произнес это горестно. Хансейкер же говорил задумчиво, как бы решая задачу. Он меньше чем за минуту перепрыгнул от мыслей «труп - убийство - кризис» до «кто будет у меня работать в этой богом забытой дыре»? Гордиться тут нечем, но он действительно не из тех, кто сильно привязывается к своим работникам. Более того, он считал, что это мешает работе. Он почти ничего не знал о Диллит и Фергюсе, кроме имен, их методов и того, что они предпочитали работать по вечерам, а не спозаранок.

- Вставай, - сказал Хансейкер, вложив в интонации столько сочувствия, сколько получилось, и наверняка недостаточно. - Мы что-нибудь придумаем.

Худенький Фергюс встал и тут же прислонился к груди Хансейкера, чем его немало раздосадовал. Он не приглашал Фергюса обнимать его. Он вообще не хотел, чтобы тот к нему прикасался. Но сейчас Фергюсу было не до подобных тонкостей. Он всхлипывал, и Хансейкер уже ощущал, как намокает рубашка. Похлопав Фергюса по спине, он вывел его из комнаты. Потом взглянул на Айликова. Тот наблюдал за ним с откровенным весельем в глазах.

- Окажи мне услугу, - попросил Хансейкер. - Приведи сюда Анну Марию Девлин, хорошо?

- Кого?

- Она врач базы.

- А по-моему, эта женщина такой же врач, как...

- Просто сделай, что я попросил, - сказал Хансейкер, сдерживая желание швырнуть Фергюсом в Айликова.

Тот кивнул и заторопился вниз по лестнице. Трое пассажиров стояли вокруг, словно явились на спектакль.

- Возвращайтесь в свои комнаты, - сказал Хансейкер. - Тут не на что смотреть.

Можно подумать, что на полу не лежит мертвая женщина. Он лишь не хотел, чтобы они на нее таращились.

Они, разумеется, не тронулись с места. Он пронзил их гневным взглядом и постарался напустить на себя суровость. Но это нелегко сделать, когда на груди рыдает твой работник.

- Идите, - велел он, и на этот раз сработало. То ли подействовал его тон, то ли явное отвращение ко всем вокруг.

Троица медленно разошлась. Он следил, как они спускаются по лестнице, и все время похлопывал Фергюса по спине - как младенца, которому надо срыгнуть. Потом Хансейкер оглядел комнату. На вид она была в общем такой же, как и два часа назад, когда он помогал Сьюзен Кармайкл перебираться в другую.

* * *

Разумеется, она услышала крики. Как можно их не услышать? И она подавила первое, инстинктивное желание нырнуть под одеяло в этой новой комнате и притвориться, будто ничего не слышит. Сьюзен Кармайкл не из тех, кто прячется. Впрочем, и не из тех, кто бежит на место преступления, хотя она и не была полностью уверена, что эти вопли означают преступление.

Но люди не издают таких горестных криков - ведь это горе, верно? - без соответствующей причины. И, учитывая смерть Агаты, самым верным предположением - по сути, единственным - будет еще одно преступление. Снова. А это значит, что ей надо бежать с этой станции. Вот только каким образом?

Она переоделась, медленно и обдуманно, в блузку оттенка слоновой кости и черные брюки. Надела туфли, причесалась, взяла документы и вышла из номера.

Вопли прекратились, но вдалеке слышались негромкие голоса. Она посмотрела на лестницу, убеждаясь, что там никого нет, и тихо спустилась.

Настало время все это прекратить. Она сдалась. Она убежала от семьи, но, если честно, жизнь здесь оказалась намного хуже, чем когда-либо могла стать дома. Отец может пригнать сюда корабль в течение суток. У него есть корабли по всему сектору. Один из них должен находиться поблизости. Ей надо лишь связаться с отцом.

Она спустилась по лестнице к конторке. Там наверняка должен быть какой-нибудь узел межзвездной связи. Или хотя бы только в пределах сектора. В худшем случае - но и с этим она в конце концов готова смириться - она просто свяжется с ближайшим кораблем и попросит их отыскать отца.

А потом она станет ждать. Хотя, наверное, ей понадобится какая-нибудь охрана.

Выбор небольшой. Любой человек с корабля - потенциальный убийца, а на станции жило немного людей.

Но все смерти, о которых она знала, происходили, когда жертва оказывалась в одиночестве. Значит, важно все время находиться с кем-то. Но только не сейчас. Сейчас ей надо связаться с папочкой.

А уже потом она найдет себе компаньона. И придумает, как не заснуть до прибытия помощи.

* * *

Анна Мария Девлин больше не пила. О ней даже нельзя было сказать «выпившая, но внешне трезвая». Она настолько протрезвела, что у нее кружилась голова. Кружилась от возбуждения. Впервые за несколько месяцев она ощутила себя полезной. Не знай она себя лучше - а уж себя-то она знала прекрасно, - то сказала бы, что пить начала от скуки.

Но пить она начала задолго до того, как жизнь перестала бросать ей вызовы. Она знала, что возбуждение дает лишь временную эйфорию, тогда как алкоголь притуплял ощущения, что она обычно и предпочитала.

Однако сейчас ей требовались все чувства. Она находилась в еще одной комнате - ее любимой, стояла возле еще одного трупа, и орудием убийства была еще одна перенастроенная система жизнеобеспечения. Вопрос: как именно ее перенастроили? И зачем?

Она разглядывала панель управления, отмечая кое-что интересное, когда поняла, что в комнате находится один из пассажиров. Высокий блондин с бледно-голубыми глазами. Тот самый, что позвал ее. Ричард как-там-его.

- Я предпочитаю работать в одиночку, - заметила она.

- Я тоже.

Секунду-другую они смотрели друг на друга. Хансейкер, который также предпочитал работать один (она это знала, потому что он говорил ей об этом несколько раз), стоял возле двери. Его рубашку промочили слезы Фергюса. Она сумела вывести Фергюса из комнаты и проводить его вниз, на кухню, где за ним мог присмотреть повар. Фергюс оказался весьма податлив, а сейчас, видимо, впал в оцепенение. Наверное,

всякий оказался бы в таком состоянии, если бы столько плакал.

Она повернулась к Хансейкеру:

- О чем ты вообще думал? Послал их вдвоем убирать номера, когда тут рыщет убийца!

- Да кто мог подумать, что убийца нацелится на одного из нас? - возразил он.

- А я и не думаю, что он такое замышлял, - сказал Ричард. - Позвольте-ка...

Он отодвинул - отодвинул! - Анну Марию в сторону и начал разглядывать панель управления.

- Ты хоть понимаешь, что, если этот человек - убийца, то он теперь получил доступ к уликам? - спросила она Хансейкера.

- А ты понимаешь, что, если этот человек - убийца, - ответил Хансейкер, подражая ее интонациям, - то ты только что дала ему причину убить нас?

Они снова пронзили друг друга взглядами.

- Я-то не убийца, - сказал Ричард, - зато у настоящего убийцы есть серьезные инженерные навыки.

Она не могла удержаться и тоже посмотрела на панель. Эти старые модели были снабжены цифровыми дисплеями и механизмами, связанными с другими механизмами. Как раз такой она видела в комнате, где умерла Агата Кантсвинкль... но у той панели не было второго цифрового дисплея. А у этой был.

Она посмотрела на Ричарда. Тот взглянул на нее, приподняв брови, словно тоже был удивлен. Потом прикоснулся к панели ногтем. Второй дисплей был закреплен неплотно, но подключен к управляющему механизму. Она обратила внимание на состав газовой смеси. Когда Диллит находилась в этой комнате, состав воздуха был точно таким же, что убил Агату Кантсвинкль.

Анна Мария нахмурилась. Бросила взгляд через плечо на дверь. Хансейкер все еще стоял, прислонившись к косяку и буравя ее взглядом. Похоже, он не одобрял ее действия. Или же действия Ричарда. А может быть, он вообще никогда и ничего не одобряет.

Она вздохнула и подошла к двери.

- Подвинься, - попросила она.

Хансейкер не шелохнулся.

- Я не шучу. Подвинься. Мне надо кое на что взглянуть.

- На что?

- Проще показать, чем объяснять, - сказала она, отодвигая его. Потом заглянула в запорный механизм. К нему был прикреплен еще один маленький цифровой дисплей.

- Эта дверь была закрыта, когда вошел Фергюс?

- Не знаю, - ответил Хансейкер. - Не спрашивал.

- И ты не потрудился сказать ему, чтобы они держали дверь

открытой?

В глазах Хансейкера стала медленно появляться злость:

- Конечно, сказал. Вообще-то, это часть общих инструкций для персонала. Дверь всегда должна быть открыта, когда в номере находится работник, даже если там нет постояльца.

- Хм-м-м, - протянула она.

- Что? - спросил Ричард, стоя возле панели управления.

- Это таймер. Он запирает дверь.

- Таймер, - сказал он, - меняет состав воздуха.

- Его не могли поставить, когда здесь была Диллит.

- Значит, кто-то установил его раньше.

- Отсюда следует, что целью убийцы была не Диллит.

- Он хотел убить Сьюзен Кармайкл, - почти выдохнул Хансейкер. Анна Мария уловила дрожь в его голосе. - Если бы я пришел к ней чуть позже...

- То умер бы тоже, - подтвердила Анна Мария. - Надо подпереть эту дверь, чтобы не закрылась.

- Сомневаюсь, что эта комната снова начнет убивать, - заметил Ричард.

- Но другие комнаты могут, - возразила Анна Мария.

- Я уже переселил всех из старых номеров, - сказал Хансейкер.

- Будем надеяться, что этого достаточно... - Анна Мария почувствовала легкий озноб. Ей нравился это озноб. Возбуждение, как ей его не хватало. - Может быть, он начнет охотиться и на нас.

- О, не очень-то на это надейся, - огрызнулся Хансейкер и вышел.

Ричард снова приподнял брови:

- И что бы это значило?

Анна Мария пожала плечами:

- Наверное, расстроился.

Ричард кивнул:

- Думаю, было бы удивительно, если бы он не расстроился.

* * *

Хансейкер протопал вниз по лестнице. Теперь он не знал, что делать. Предупредить Кармайкл? Загнать всех постояльцев в одно помещение и держать их там, пока не прилетит корабль?

На полпути вниз он остановился и прислонился головой к стене. Все его обучение, долгие годы, потраченные на образование, весь положительный и отрицательный практический опыт не подготовили его к такой ситуации. Он просто представить себе не мог лекцию на тему: «Как справиться с убийцей, который рыщет по вашему курорту?».

Просто: обратиться к местным властям.

А если их нет?

Он стукнул головой о металлическую стену. Если собирать постояльцев, то куда их отвести? В ресторан? В казино?

Казино хотя бы большое. И там будет трудно испортить систему жизнеобеспечения.

Может быть, просто заставить их вернуться на корабль, и если они там поубивают друг друга, то и черт с ними. Даже если помрут, надышавшись там дымом - пусть. Это не его забота. Пока они здесь, от них одни проблемы. А когда они на корабле, то он к ним не имеет никакого отношения.

Вот что нужно. Позвать парней-ремонтников, и пусть они изобразят охранников из местной службы безопасности. Для этой роли сойдут даже его шеф-повар и крупье из казино (пока на ней будет блузка). Они окружают этих ужасных людей и загонят их на корабль. И если они там умрут, то умрут. У него свело желудок.

Может быть, если они все умрут, то он сумеет отправить корабль в самый темный и далекий космос. Поставит его на автопилот, и пусть он валит отсюда. У Хансейкера ненадолго даже поднялось настроение. Потом он вспомнил, что уже снял деньги с их счетов. А запись об этих операциях уничтожить не может. И запись докажет, что они были на станции.

Проклятье. Он даже не представлял, что делать дальше.

* * *

Ричард помог Анне Марии отвезти труп в медицинское крыло. Ему уже осточертело таскать трупы. Это уже пятый - и единственная женщина, с кем он не был знаком при жизни.

Медицинское крыло располагалось в самой отдаленной части станции и, безусловно, не заслуживало названия «крыло». В лучшем случае это был медицинский отсек - несколько комнатушек, пристроенных к станции.

На одном из столов лежало обнаженное тело Агаты Кантсвинкль - еще один образ, который никогда не изгладится из его памяти. К его удивлению, два других тела с корабля лежали в прозрачных холодильных боксах и через два дня после смерти выглядели не хуже, чем при жизни. Он переложил Диллит на ближайший стол и с облегчением размял мышцы.

- Спасибо, - сказала врач тем тоном, который профессионалы используют, намекая: ты свою работу выполнил, а теперь проваливай отсюда.

Что он и сделал.

И, выйдя в коридор, осознал, что до сих пор вел это расследование

совершенно неправильно. Он искал общие связи, мотив. А уж ему-то лучше, чем кому-либо, следовало знать, что мотив значит намного меньше, чем это изображают в детективах.

Мотивом большинства его первых убийств было то, что мать нанимала его сделать эту работу. Последние убийства он также совершал, потому что мог на них заработать. И только у первого был реальный мотив: тот человек убил его отца и погубил жизнь Ричарда. Ему нужно искать не мотив. Надо искать опыт. Технический опыт. По системам жизнеобеспечения.

Он торопливо зашагал к вестибюлю, надеясь, что в паршивой и устаревшей базе данных Хансейкера найдется достаточно информации, чтобы решить эту задачку.

* * *

Истерики у нее не было. Если бы она закатила истерику, Хансейкер справился бы. Его этому обучали. В отелях высокого класса гости нередко закатывают истерики из-за всяких пустяков. А здесь, в отеле откровенно не шикарном, люди впадают в истерику... ну, просто потому, что они здесь.

У Сьюзен Кармайкл были причины для истерики. Она могла бы умереть в том номере, если бы Хансейкер ее не переселил. Но она к тому времени уже поняла, что может умереть, и вела себя спокойнее Хансейкера.

Она даже нашла способ связаться с отцом, настолько знаменитым вице-адмиралом, что даже Хансейкер о нем слышал. И отец выслал корабль, который будет здесь ровно через восемнадцать часов вместе с какой-то «поддержкой», которая решит проблему. Что бы это ни значило.

Но в свой номер она не вернется. И в любой другой тоже.

Ей хотелось остаться с Хансейкером - ей почему-то казалось, что Хансейкеру ничего не грозит. Он сидел в своем кресле возле стены, не знающий, где опасно, а где нет. А она - у его рабочего стола, как будто принимала гостей вместо него.

Он все еще обсуждал с ней, стоит ли эвакуировать всех остальных из номеров, когда ворвался Айликов.

- Мне нужна твоя база данных, - заявил он.

- А куда подевались «пожалуйста» и «спасибо», - буркнул Хансейкер и протянул ему планшет.

Айликов проигнорировал его замечание, но бросил взгляд на Кармайкл. Похоже, он не очень удивился, обнаружив ее здесь. Затем прислонился к столу и начал потрошить базу, работая пальцами с такой скоростью, как Хансейкеру и не снилась.

Пока Ричард работал, все трое молчали. Кармайкл наблюдала за ним. Хансейкер приглядывал за дверью и лестницей, хотя недавние события и показали, что толку от этого никакого. Тут Айликов взглянул на Кармайкл:

- Вы с Агатой когда-нибудь оставались наедине?

- Здесь? - уточнила она.

- На корабле.

Она опустила глаза:

- Я как-то раз с ней поговорила. После того инцидента... ну, сами знаете. Мне стало ее так жаль, что...

- Какого инцидента? - прервал ее Хансейкер. Это не стало бы его делом, если бы все события ограничились кораблем, но корабельные проблемы захлестнули его маленький курорт, и он решил, что имеет право знать.

- На корабле мы обедали по расписанию. Нас кормили в одно и то же время, а столовая была не очень большая. Нам пришлось узнать друг друга довольно близко, а это не всегда хорошо.

Айликов кивнул, но головы не поднял - он слушал, продолжая копаться в базе.

- Короче говоря, после смерти профессора Грове мы были очень взвинчены, и Агата завела разговор о том, что нам нужно выбрать человека, который бы нас возглавил и не допустил, чтобы стало еще хуже, и это окончательно достало Бантинга. Он заявил ей, что она любопытная и заносчивая старуха, которая понятия не имеет, как общаться с людьми, даже если ее этому специально учили, и что она, безусловно, не может ничего возглавлять, и он не верит ни одному ее слову, и... - Сьюзен покачала головой. - Поначалу я с ним соглашалась, она была женщина неприятная, и я отдала бы что угодно, лишь бы общаться с ней как можно меньше, но он все не замолкал, и к концу она выглядела совсем растоптанной.

Теперь Ричард оторвался от планшета. Хансейкера ее рассказ тоже удивил. Он просто не мог представить морально растоптанную Кантсвинкль.

- Я дождалась, пока все ушли, - продолжила Сьюзен, - и сказала ей, что у всех сейчас нервы на пределе, но Бантинг не имел права так обрушиваться на нее, а она расплакалась, и мне стало очень неудобно. Я отвела ее в каюту и посоветовала отдохнуть. Сказала, что к утру все наладится, и ушла.

- И что потом? - спросил Хансейкер, ожидая продолжения.

- Потом мы обнаружили тело Тристы и пожар и едва смогли выжить.

- У меня сразу же создалось впечатление, что вы не хотите общаться с мисс Кантсвинкль, - заметил Хансейкер.

Сьюзен взглянула на него с удивлением:

- Я старалась этого не показывать.

- Вы всячески избегали ее во время регистрации, - напомнил Хансейкер.

Сьюзен опустила глаза и вздохнула.

- Она была очень прилипчивая. Во время того спора я вдруг понял, что она такая напыщенная из-за своего одиночества, и я допустила огромную ошибку, попытавшись ее утешить. Окажись этот полет нормальным, я не смогла бы отделаться от нее до самого конца.

- Если бы это был нормальный полет, - вставил Айликов, - то вы вообще бы с ней не заговорили.

- И то верно, - согласилась Кармайл. Потом взглянула на него, нахмурившись. - А почему вы спрашивали про меня и Агату?

- У меня есть теория.

Но больше он ничего не сказал. И продолжил работать с планшетом, а это задело Хансейкера.

- Не хочешь поделиться своей теорией? - спросил Хансейкер.

- Я считаю: кое-кто решил, что вы что-то увидели, - сказал Айликов. - Могло быть такое?

Кармайл пожала плечами и покачала головой.

- Это могло случиться, когда вы с Агатой были вместе.

Она снова покачала головой:

- Ничего.

Он недоверчиво хмыкнул и продолжил работу. И после долгой паузы негромко проговорил:

- Ну вот, кажется, нашел.

- Что нашел? - спросил Хансейкер. Кармайл подседа ближе. Ричард ответил не сразу. Сперва он убедился, что никто не может их услышать - проверил двери и заглянул на лестницу.

Вернувшись к столу, он заговорил очень тихо. И объяснил свою идею - искать человека с опытом, а не мотив. Он не стал упоминать, как боялся, что база данных окажется неполной (так оно и случилось, но это уже не имело значения, потому что он все-таки нашел то, что искал).

- Когда я стал искать специалистов по системам жизнеобеспечения, то нашел два имени. Я ожидал, что хотя бы один окажется из экипажа, но ошибся.

- Какие имена? - Впервые за все время, что она сидела здесь, в голосе Сьюзен прозвучала паника.

- Уильям Бантинг и Лиза Ламфер.

- Бантинг... - сказал Хансейкер. - Это тот самый, что орал на Агату?

Кармайл кивнула.

- Но у того, кто убил Агату и нацелился на вас, Сьюзен, было для этого очень мало времени, - заметил Ричард. - Вас ведь уже расселили по номерам. Вы в свою комнату впускали кого-нибудь?

- Джанет Потсворт. Но я не оставляла ее в комнате одну, и к панели

управления она не приближалась.

- Кого-то еще?

Она покачала головой.

- Где вы были после того, как мы нашли тело Агаты?

- Я не выходила из номера.

- Выходили, чтобы купить одежду, - напомнил Хансейкер.

- Да, точно. Я покупала одежду. Но Бантинг в тот момент ничего не мог сделать. Он был в бутике вместе со мной.

Она произнесла слово «бутик» с легким сарказмом. Ричард на секунду нахмурился. Бантинг орал на Агату и заставил ее расплакаться. Она не подпустила бы его к себе. А вот другую женщину?..

- У нее были какие-нибудь стычки с Лизой? - спросил Ричард.

Кармайкл пожала плечами:

- Понятия не имею. Я даже не уверена, что они вообще разговаривали.

- А вы видели Бантинга или Лизу в тот вечер, когда остались наедине с Агатой?

- Лизу. Но тут не было ничего особенного. Она забыла что-то в столовой. Прошла мимо нас с немного озабоченным видом. Это неважно.

- Мимо вас откуда? - спросил он.

- Полагаю, из своей каюты.

- Но вы вели Агату в ее каюту?

- Да.

- Из столовой.

- Да.

- Но каюта Лизы была далеко от каюты Агаты.

Кармайкл взглянула на него.

- Ее каюта была совсем в другой части корабля.

- А пожар начался недалеко от каюты Агаты, - добавила Кармайкл.

Ричард кивнул. Теперь они знают, кто убийца. Лиза Ламфер убила Агату и собиралась убить Кармайкл, потому что они могли связать ее со всеми событиями.

- Все это звучит так гладко и логично, - возразил Хансейкер, - пока вы не вспомните, что Лиза едва не умерла, вдохнув тот же отравленный воздух, который погубил Агату.

- А она его вдыхала? - усомнился Ричард. - Она вошла в комнату Агаты, переключила панель управления, может быть, даже подождала, пока Агата умрет, затем переключила обратно. Подождала, пока воздух немного очистится, и разыграла спектакль. У меня предчувствие, что, если мы обыщем ее комнату, то найдем какую-нибудь компактную дыхательную маску, которую она спрятала, прежде чем вернуться и «обнаружить» Агату.

- Но зачем ей это было делать? - спросил Хансейкер.

Какие же они наивные. Или это он недостаточно наивен? Для него все выглядело очевидным. Едва увидев имя Лизы, он понял, как все было проделано. И немного - почему проделано.

- Чтобы ее не заподозрили. Вы навсегда вычеркнули ее из списка, даже когда я узнал о ее технической подготовленности, потому что она тоже пострадала. - Он едва не добавил, что так поступил бы любой профессионал. Но он этого не сделал. Все же он увидел, с каким выражением на него взглянул Хансейкер.

- Можно мне планшет? - спросил Хансейкер.

Ричард вернул ему планшет, готовясь к следующему вопросу, который последовал с предсказуемой быстротой.

- Полагаю, у тебя нет опыта работы с системами жизнеобеспечения? - спросил Хансейкер.

Ричард сдержал улыбку:

- Нет.

- Я проверю, - предупредил Хансейкер.

- Проверяй. Но вспомни, что я тебе уже говорил. Я бы не стал устраивать пожар. Чтобы покалечить корабль, есть способы и проще, и надежнее. Она не хотела, чтобы мы все умерли. Она знала, что мы поблизости от вашего курорта.

- Но зачем убивать пять человек? - спросила Кармайкл.

- Это я и собираюсь выяснить, - ответил Ричард.

Для этого пришлось поработать. В куче информации отыскалась единственная зацепка. Профессор-математик. Он шел на повышение, а Лиза считала, что это несправедливо. Когда-то он провалил ей защиту магистерской диссертации, сказав, что она небрежно работает. Тогда она перевелась на инженерный факультет и окончила его, хотя и без отличия и по не очень-то востребованной специальности. Чтобы добиться хоть какого-то успеха, ей требовалось дополнительное образование.

Она села на корабль, планируя долететь вместе с профессором до Ансари, а там постараться погубить его карьеру. А может, и убить его. Но ждать конца полета она не стала.

Триста умерла потому, что видела убийство профессора и не собиралась молчать. Лиза не предполагала, что тело Тресты будет найдено. Вероятно, она думала, что пожар обнаружат раньше. Но к тому времени, когда пожар заметили, весь корабль уже был охвачен паникой. А это, по мнению Ричарда, означало, что в своих расчетах она допустила ошибку. Получается, что профессор Грове оказался прав. Ее математических способностей не хватило, чтобы решить эту задачу.

Затем Агата Кантсвинкль и Сьюзен Кармайкл увидели Лизу в подозрительном месте. Если бы началось расследование, они могли упомянуть об этом. А рисковать она не хотела. Поэтому спланировала

два последних убийства, и они могли бы сойти ей с рук, если бы Хансейкер не переселил Сьюзен в другой номер.

Но чего Ричард не мог понять, так это почему она убила Реми Демопина.

- Я его не убивала, - огрызнулась Лиза. Они связали ее и отвели в бар вместе с остальными пассажирами. Никто больше не хотел оставаться в одиночестве. И все подозревали, что Ричард, Хансейкер и Кармайкл поймали не того человека, хотя Лиза с самого начала совершенно ясно дала понять, что они не ошиблись.

- Как это - не убивала? - воскликнула Кармайкл. - Мы знаем, что ты убила.

Лиза покачала головой:

- Он действительно покончил с собой. Фактически, он меня и вдохновил. Я подумала, что все станут искать связь между ним и профессором Грове. А потом начнется пожар, все забудут про убийства, и...

Она опустила голову. Наблюдая за ней, Ричард понял, что уже встречал подобных людей. Такие сперва представляют, что сделают, потом совершают задуманное и гадают, почему же все получилось не так, как они планировали.

- Тебе нужно было просто вышвырнуть его за борт через шлюз, - сказал Ричард.

Все повернулись к нему. Он понял, что ляпнул лишнее. И пожал плечами, изображая безразличие.

- Я имел в виду, что, если бы ты сделала что-нибудь простое, никто бы об этом и не задумался. А все эти хитроумные штучки тебя и погубили.

Но и это прозвучало скверно. Как будто один убийца давал совет другому. Хотя так оно и было.

Хансейкер скрестил руки на груди и наблюдал за Ричардом, слегка хмурясь. Анна Мария стояла в дальнем углу и слушала. Капитан все еще сидел за столиком, накачиваясь виски. Кармайкл посматривала на часы, с нетерпением ожидая прибытия корабля, посланного ее отцом.

Все прочие сидели как можно дальше от Лизы, как будто ее безумие было заразным.

Однако Ричард остался неподалеку от нее. При всех ее хитроумных способах убийств и ошибках она была такой, какой следовало быть убийце. Человеком, у которого имелась причина для совершенного, и причина веская. Личная причина. Важная. Нечто такое, что для нее было вопросом жизни и смерти. Поэтому и действовала она столь отчаянно.

Он больше не задавал ей вопросов. Отец Сьюзен может вывезти их всех на разных кораблях. А Лиза где-нибудь предстанет перед судом. Но не для всех это станет счастливым избавлением. Капитан потеряет

работу. Кармайкл вернется туда, куда явно не хотела возвращаться. А Ричард уже не сможет добраться до Ансари.

Не говоря уже о тех, кто погиб. Их семьи уже никогда не будут прежними.

Он подошел к Анне Марии Девлин. Красивая женщина. Или была бы такой, если бы не стала депрессивным алкоголиком. Сейчас она была трезва, но Ричард видел тенденцию. Она из тех людей, кто не хочет меняться, потому что не видит в этом смысла. Кроме того, меняться тяжело. И это с каждым днем становилось для него все яснее.

* * *

Корабли прилетели через пятнадцать часов, а не восемнадцать. Всем предложили лететь дальше, на выбор. Едва Хансейкер понял, кто такой отец Кармайкл - а он действительно оказался весьма влиятельным и безобразно богатым, - он намекнул на причиненный курорту ущерб и в какое неловкое положение вице-адмирал попадет, если всплывет, что на жизнь его дочери покушались. А когда этот намек не сработал, Хансейкер добавил, что всем будет очень неприятно узнать, что дочь адмирала была в бегах, когда это происходило.

За молчание Хансейкер получил щедрые откупные, которых хватило бы на обновление всего-курорта. И эта мысль ему понравилась.

Он захотел сделать свое заведение как можно более неуязвимым. Потому что подобная ситуация повториться не должна. Никогда.

Айликов не улетел вместе с остальными. Давать показания в суде он тоже отказался, хотя его и очень уговаривали. Теперь он сидел в баре и смотрел, как напивается Анна Мария - это стоило видеть. Несчастливым он не выглядел, но и счастливым тоже. Он ждал следующего корабля, чтобы улететь отсюда. Но было ясно, что он и сам не знает куда.

А Хансейкер все думал. Станция - это замкнутый мирок. Формально, любые происшествия здесь подпадают под юрисдикцию системы Коммонс, но никаких судебных преследований никогда не бывало.

Хансейкер не знал, что бы он стал делать, не окажись рядом Айликова. Тот не был силачом и не выглядел крутым. Но у него имелся опыт.

И он сделал все необходимое, чтобы сохранить мир и спокойствие.

«Тебе надо было просто вышвырнуть его за борт через шлюз».

Хансейкер никого бы не смог вышвырнуть через шлюз. Никогда. Но вот заплатить кое-кому, чтобы тот все это проделал, пока он сам смотрит в сторону, - на это он бы согласился. Разумеется, такое согласие в данных обстоятельствах не сработало бы. Зато могло очень

даже пригодиться в будущем.

И если Хансейкер чему и научился за свою жизнь, так это тому, что лучше быть ко всему готовым заранее.

Будь он готов, ничего этого не случилось бы.

Двери запирались бы, как положено, панели управления были бы современными, а все номера - чистыми и готовыми принять постояльцев.

Если бы да кабы...

Но он ни о чем жалеть не станет. А будет жить дальше.

Он расправил плечи и вошел в бар. Замер на краткий ревнивый момент, когда увидел, как близко от Анны Марии сидит Айликов. Потом увидел отвращение на лице Ричарда и понял, что она никогда его не заинтересует.

И тогда Хансейкер сел за их столик и предложил Ричарду работу.

И не удивился, когда Ричард сказал «да».

Перевел с английского Андрей НОВИКОВ

© Kristine Kathryn Rusch. Killer Advice. 2011. Печатается с разрешения автора.

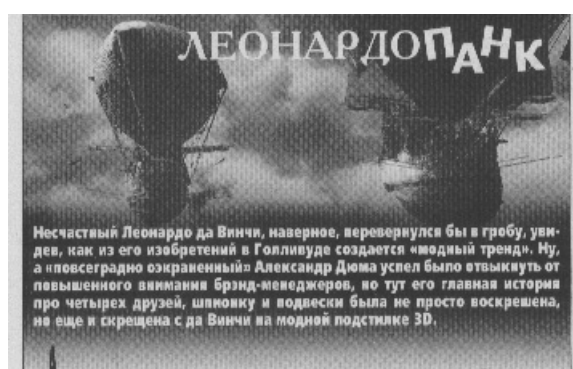
Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's SF» в 2011 году.

Видеодром

ХИТ сезона

ЛЕОНАРДОПАНК

Несчастный Леонардо да Винчи, наверное, перевернулся бы в гробу, увидев, как из его изобретений в Голливуде создается «модный тренд». Ну, а «повсеградно озкраненный» Александр Дюма успел было отвыкнуть от повышенного внимания брэнд-менеджеров, но тут его главная история про четырех друзей, шпионку и подвески была не просто воскрешена, но еще и скрещена с да Винчи на модной подстилке 3D.

Атос - прекрасный ныряльщик, но для секретных операций использует тяжелый металлический скафандр. Арамис в темном плаще прыгает по крышам над городом а-ля Бэтмен. Портос обладает огромной силой, вырывая цепи из стен. У них почти непосильная задача - украсть в Венеции секретные чертежи летающего корабля проекта Леонардо. Но представьте - удастся!

Правда, подруга Атоса, супершпионка, способная уворачиваться от пуль, оказывается двойным агентом. Это миледи, и работает она на герцога Бэкингема. Миледи похищает чертежи у мушкетеров, Англия начинает готовиться к войне с Францией и строит воздушный флот, Но перед нами не двойной агент - тройной! Она работает еще и на Ришелье..., И Франция, втайне даже от своего короля, молодого и придурковатого Людовика XIII, начинает создавать по чертежам свое супероружие...

А забросивших из-за неудачи активную деятельность и постепенно спивающихся трех мушкетеров возвращает к жизни вызвавший их всех на дуэль молодой гасконец...

Интригующая завязка... Да и в дальнейшем будет много событий, которые Дюма даже в босховских снах присниться не могли - один поединок летающих кораблей, гибридов парусника и дирижабля, с применением самого затейливого порохового оружия, чего- стоит. Некоторые критики поспешили назвать происходящее паропанком, однако где они там увидели пар, не очень понятно. Может, уместнее назвать все это действие «леонардопанком», ибо многие технические приспособления в этом альтернативном мире словно сошли с чертежей да Винчи.

«Мушкетеры в 3D» - именно так переделали отечественные прокатчики вполне традиционное название фильма «The Three Musketeers». Возможно, это и правильно, и не стоит окончательно унижать культовую книгу, связывая ее с подобным фильмом.

Однако при всем буйстве фантазии режиссеру удалось хоть в каком-то виде сохранить фабулу оригинального романа. Только не получилось сделать из Бэкингема жертву, он откровенный антагонист, поэтому история, с подвесками стала просто гнусной провокацией Ришелье. Подвески украла из покоев королевы супервумен-миледи, блестяще

сыгранная Миллой Йовович. Ну и раз уж Дюма не умел придерживаться современных голливудских схем, пришлось его поправить со смертями главных действующих лиц. Не волнуйтесь: Констанцию, взятую Рошфором в заложницы, brave мушкетеры спасут, миледи и Бэкингем уже задумывают планы мести на сиквел, Людовик выполнит совет Д'Артаньяна и признается Анне Австрийской в любви... Только злобному графу Рошфору не повезет стать другом Д'Артаньяна, как это случилось в книге, а придется оказаться жертвой системы производства блокбастеров (один из врагов должен быть уничтожен) и погибнуть на шпиле Собора Парижской Богоматери, Да и вид фехтующего Ришелье не всякий поклонник Дюма способен выдержать.

Тем не менее история, развивающаяся вроде бы на полном серьезе и потому поначалу воспринимаемая поклонниками творчества Дюма как тупой кич, в результате потихоньку превращается в ироничный глум - над классическим сюжетом, над штампами, над предыдущими экранизациями. И еще один плюс создателям фильма: наконец-то Д'Артаньяна играет не взрослый усатый мужик, пытающийся ужимками и кривлянием изображать восемнадцатилетнего юнца, а натуральный юнец - Логан Лерман, известный главной ролью в подростковой франшизе о Перси Джексоне, повелителе молний.

Можно посмеяться над тем, как режиссер «Обителей зла» Пол У.С.Андерсон демонстрирует свое отношение к классике, можно полюбоваться прыжками и кульбитами Миллы Йовович, можно повосхищаться замечательным Орландо Блумом в роли Бэкингема, а можно и просто насладиться масштабными 3D-файтингами. Но детям все-таки лучше перед просмотром дать книжку.

Тимофей ОЗЕРОВ

экранизация

НЕЧТО И НИЧЕГО

Выход на экраны фильма «Нечто», который является приквелом «Нечто» 1982 года, ставшего, в свою очередь, ремейком картины «Тварь из другого мира» 1951 года, заставляет задуматься не только о коммерческих ноу-хау Голливуда, раз в 30 лет переснимающего один и тот же сюжет с новыми актерами и спецэффектами, но и о том, как интересно в этих картинах отражается время их создания, как меняются расстановка акцентов и общий смысл лент.

Первый фильм в максимальной степени отличается от литературного первоисточника - повести Джона В.Кэмпбелла «Кто ты?» (1938). Режиссер Кристиан Ниби и сценарист Чарлз Ледерер безжалостно выкинули из сюжета все, что могло мало-мальски смутить тогдашнюю публику. И речи быть не могло о том, чтобы герои начали искать «чужих» среди самих себя: они только что вернулись с фронта, где сражались плечом к плечу и победили, предателей между ними нет! Акцент плавно сместился на отражение внешней угрозы, недаром лента получила название «Тварь из другого мира» (The Thing from Another World).

Что осталось от повести? Только общая канва: льды, инопланетный корабль во льдах, существо, выбравшееся из корабля... Действие было перенесено с Южного полюса к Северному, на Аляску. Причина та же: герои, ставшие из полярников военнослужащими, конечно же, должны были служить на Аляске, защищать небо Америки от Советов, ну и заодно от всяких нехороших инопланетян. Впрочем, совсем без отрицательных персонажей скучно, и ампула такового досталось ученому, доктору Каррингтону, руководителю научной экспедиции, которая и наткнулась на потерпевший аварию НЛО. Из-за его неуемной жажды познания, стремления вступить в контакт с пришельцем происходят всякие непотребства: гибнут собаки, затем люди, едва не проваливается главная попытка покончить с опасным «гостем»...

Вероятно, у публики это не вызывало удивления: от этих ученых

можно ждать любой пакости: вот только что они придумали и испытали атомную бомбу - и в результате человечество живет в постоянном страхе глобальной войны... И хотя сам страшный пришелец по сегодняшним меркам, скорее, забавен - этакая громадная человекоподобная морковь, которую нельзя ни застрелить, ни заморозить, ни сжечь, только испепелить электрическим разрядом, - фильм для своего времени был сделан на высоком уровне и даже одарил любителей фантастики запомнившимся лозунгом «Keep watching the skies!» («Продолжайте наблюдать за небесами!»).

Тем не менее ремейк 1982 года, выполненный талантливейшим Джоном Карпентером, на фоне своего предшественника кажется настоящим шедевром, А может, и не только «на фоне», но и по гамбургскому счету. Это уже не подростковая (по преимуществу) фантастика, но настоящая экзистенциалистская притча о жизни и смерти, о человеческом предназначении. Героям приходится платить за победу в схватке с нечеловеческим злом высшую цену - им необходимо пожертвовать собственными жизнями. А внешняя угроза оказывается столь же страшна, как и внутренняя, точнее, это одна и та же угроза в разных обличьях.

Как могла произойти такая метаморфоза? Изменилось само время. Что случилось в США с момента выхода первой картины? Убийство президента Кеннеди, Вьетнам, Уотергейт. Кажется, этого списка уже достаточно для того, чтобы стало ясно: от единения нации времен Второй мировой не осталось ничего, американская мечта умерла, каждый мог подозревать в любом негодяя и предателя рода человеческого. Эту атмосферу повседневной паранойи и воспроизвел Карпентер, заставив героев лихорадочно искать замаскировавшегося «чужого» среди друзей и коллег. В общем-то, он снял не столько ремейк, сколько новую экранизацию повести Кэмпбелла, причем значительно ближе к тексту, хотя от литературного хэппи-энда отказался. С точки зрения кассовых сборов это было неправильное решение: «Нечто» Джона Карпентера (уже без уточнения, что оно «из другого мира», просто «The Thing») вчистую проиграло в прокате подростковой сказке Стивена Спилберга «И.П.». С точки зрения художественной, решение было единственно возможным. Хотя стоит заметить, что Спилберг в известном смысле оказался радикальнее Карпентера, у которого жители Земли могли быть такими же страшными, как инопланетянин. Пришелец Спилберга не пугает вообще, а вот безжалостные, черствые земляне представляют собой угрозу.

Картина, появившаяся под конец прошлого года, формально приквел к ленте Карпентера, в действительности ее добросовестный ремейк с дословным цитированием отдельных кадров. Что нового привнесла она в знакомую тему? Честно говоря, ничего существенного. Та же

паранойя, та же беготня по темным коридорам полярной станции, те же утробные завывания инопланетной твари, Ну, появились женские персонажи, но они были и в фильме 1951 года. Ну, финальную сцену вынесли на борт инопланетного корабля, но мало ли картин, где мы вместе с героями попадаем на борт инопланетного корабля? Ну, еще не озаботились режиссер Маттис ван Хейнинген и сценарист Эрик Хайссерер непосредственной стыковкой с лентой Карпентера: откуда в начале второго «Нечто» взялись зараженная собака и охотившийся на нее экипаж вертолета, осталось где-то за кадром. Но это, в принципе, ерунда, а в целом картина сделана добротнo и вполне смотрибельно. Беда в том, что ни на что большее, кроме как развлечь на полтора часа зрителя, фильм не претендует, О нем не вспомнят уже через пару дней - никаких шансов, что его будут годами обсуждать и пересматривать, как это происходило и происходит с картиной Карпентера. Вина ли в том создателей новой ленты? Едва ли. Не им одним сегодня нечего сказать. Время на дворе - никакое. Уж сколько ругали Фрэнсиса Фукуяму, смело провозгласившего «конец истории», уже и сам он пересмотрел былые взгляды, а судя по фантастическому киноискусству, так оно и есть. Какие фантастические фильмы реально нашумели в последние лет 10-15? «Матрица»? Про то, что реальность не такая, какой кажется. «Начало»? Про то, что реальностей может быть сколько угодно, их можно создавать по вкусу. «Аватар»? Тут тоже герой имеет дело не с одной реальностью (в одной он спит, в другой совершает подвиги), но держится картина на старой идее о том, что корпорациям нельзя давать слишком много воли, не то они уничтожат все живое, Ну вот здесь хоть как-то ухвачен сегодняшний нерв, хоть какая-то переключка с жизнью за окном, финансовым кризисом 2008-го, рыночной нестабильностью и т.д. и т.п.

Можно предположить, что подобной «антикорпоративной» фантастики мы в ближайшее время увидим еще немало, Но это будут уже совсем другие сюжеты, а история с «Нечто», хочется надеяться, закончена навсегда. Впрочем, у Голливуда свое ноу-хау. И предсказывать, что там захотят снимать через 30 лет, было бы несколько опрометчиво.

Александр РОЙФЕ

рецензии

ВРЕМЯ

(IN TIME)

Производство компаний New Regency Pictures, Regency Enterprises и Strike Entertainment (США), 2011.

Режиссер Эндрю Никкол.

В ролях: Джастин Тимберлэйк, Аманда Сайфред, Киллиан Мёрфи, Алекс Петтифер, Шайло Уствальд, Джонни Галэки и др. 1 ч. 49 мин.

Время - единственная валюта. Люди перестают стареть в 25 лет, но каждый новый день, наступивший после прожитой четверти века, приходится зарабатывать, чтобы продлить собственную жизнь. Богатые стали почти бессмертными, а бедные падают замертво на улице, с нулевым таймером на руке...

В фильмографии новозеландца Эндрю Никкола меньше десятка фильмов, но почти каждый из них в свое время наделал много шума, вошел во всевозможные топы и в итоге стал культовым. В 1997 году новозеландец снял «Гаттаку», в 2002-м - «Симону», в 2005-м - «Оружейного барона», а в качестве сценариста работал над «Шоу Трумана» и «Терминалом», Последняя работа Никкола, где он выступил одновременно в роли режиссера, сценариста и продюсера, вряд ли обретет подобный статус, но, без сомнения, надолго запомнится зрителю.

Идея картины в очередной раз подтверждает тезис о том, что все гениальное - просто. Казалось бы, что может быть легче: заменить шелестящие банкноты на время жизни человека, заставить его ценить каждую секунду и проживать каждый день как последний...

Увы, великолепная идея не получила достойного воплощения. Хотя для ее реализации имелось все необходимое: фантазия сценариста, опытный оператор, бюджет и звездный актерский состав. Собственно, ни к оператору, ни к актерам никаких нареканий нет. Да и любой зритель поймет, что деньги ушли не только на гонорары именитых звезд, но и специалистам по спецэффектам тоже заплатили. Основная претензия относится к самому Никколу. Уж слишком он хотел затащить в кинотеатры и эстетов, любящих поразмышлять о вечном, и простых зрителей, жаждущих хлеба и зрелищ. Ближе к финалу картины стало очевидно, что довольными останутся только те, кто пришел приятно провести время. Фильм, начинаясь как антиутопическая драма, в итоге превратился в банальный боевик, но без полноценной кульминации. А проблемы несправедливости, неравенства современного общества так и остались без решения, уступив место взрывам, стрельбе и ярким вспышкам.

Степан Кайманов

ВОЙНА БОГОВ: БЕССМЕРТНЫЕ

(IMMORTALS)

Производство компаний Hollywood Gang Productions, Relativity Media и Virgin Produced (США), 2011.

Режиссер Тарсем Синх.

В ролях: Генри Кавилл, Стивен Дорфф, Люк Эванс, Изабель Лукас, Келлан Латс, Фрида Пинто, Микки Рурк и др. 1 ч. 40 мин.

Одержимый жаждой мести могущественный Гиперион желает уничтожить богов. Для этого ему нужно найти волшебный лук, способный освободить титанов от заточения. Но на пути у его армии встает отважный Тесей, за которым пристально наблюдают боги Олимпа...

Фильм «Война богов: Бессмертные» делался явно с оглядкой на «300 спартанцев» 2006 года. Те же красно-коричневые тона, ноль сцен, снятых за пределами студии, много рапида и крупные планы поединков со смакованием эпизодов членовредительства. Да и продюсировали картину те же люди, что и ленту о противостоянии горстки спартанцев и многотысячной армии персов.

Режиссеру Тарсему Синху сходства добиться удалось. Но, к сожалению, исключительно визуального. По всем прочим пунктам «Бессмертные» не только не превзошли предшественника, но и жестоко проиграли.

Во-первых, благодаря откровенно бредовому сценарию. И боги, и люди в фильме Синха совершают порой очень странные поступки, которым трудно найти мотивацию, а божественные запреты лишены всякой логики. Да и сам сюжет (найди то, пойдти туда) напоминает среднестатистический квест из ролевой игры. Во-вторых, персонажам явно не хватает харизматичности. Все герои, кроме жестокого царя Гипериона в исполнении Микки Рурка, лишены индивидуальности. Боги показаны очень схематично: мол, вот у него трезубец в руках, стало быть это Посейдон, а у другого на голове большая золотая шляпа с лучами - значит, Гелиос... Титаны и вовсе похожи на зомби. В-третьих, в отличие от «300 спартанцев» в картине Синха много лишних, спокойных кадров, не несущих никакой смысловой или сюжетной нагрузки.

Нет, от «Бессмертных» можно получить удовольствие, но только если не следить за тем, что делают и говорят герои, а относиться к фильму как к набору красивых, хорошо поставленных боевых сцен.

Алексей Старков

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТИНТИНА: ТАЙНА «ЕДИНОРОГА»

(THE ADVENTURES OF TINTIN)

Производство компаний: Amblin Entertainment, Paramount Pictures, Columbia Pictures и др. (США - Новая Зеландия), 2011.

Режиссер Стивен Спилберг.

**Роли озвучивали: Джейми Белл, Энди Серкис, Дэниэл Крэйг и др.
1 ч. 47 мин.**

Развлекательное кино нужно уметь снимать. Да так, чтобы зритель охал и ахал, тратил деньги на билеты в кинотеатры и на покупки дивиди с блюреями. Стивен Спилберг и Питер Джексон это умеют даже по одиночке: кассовые сборы их лент тому доказательство, а уж если они выступают вместе...

Рисованные истории бельгийского художника Жоржа Реми (более известного как Эрже) о журналисте Тинтине были весьма популярны в Европе с начала 30-х годов прошлого века. Да и в последующие десятилетия выходил либо фильм, либо анимационный сериал, а комиксов продали более 250 миллионов экземпляров во всем мире. В 1983 году, после смерти художника, Спилберг, которого Эрже считал единственно способным адаптировать комикс о Тинтине, получил права на экранизацию, а в 2002-м выкупил их заново. И вот спустя почти тридцать лет(!) осуществил давнишнюю мечту. И снял не просто приключенческий фильм, а шедевр семейно-приключенческого кино.

Журналист Тинтин покупает на блошином рынке макет парусника «Единорог» и становится мишенью охотника за сокровищами Ивана Сахарина. Вместе со своим новым другом, всегда пьяным капитаном Хэддоком, Тинтин должен разгадать тайну корабля, пережив множество приключений - морские битвы с пиратами, виражи на аэроплане и прочие кульбиты.

Снято все это действие с искрометным юмором, отличной графикой и визуальной убедительностью мокапа - метода захвата движений, впервые масштабного использованного Земекисом в «Полярном экспрессе». Конечно, здесь немалая заслуга специалистов CGI и оператора Януша Камински, работающего «взглядом» Спилберга последние два десятка лет. Без его операторского мастерства вся эта рисованная невероятность была бы не столь впечатляюща. Комикс не просто ожил, он почти превратился в реальность.

Вячеслав Яшин

тема

ФЭНДОМ-КИНО

Для кого снимаются фильмы? Что касается кино жанрового, то можно утверждать: в самую первую очередь оно снимается для своих фанатов.

Выражение «кино на любителя» давно изменило свой смысл, потому что любителей зачастую набирается многотысячная толпа. Они штурмуют кассы, выстраивая километровые очереди в дни премьер. Они делают сборы, посещая фильмы десятки раз. Они разносят информацию по своим блогам, твиттерам и прочим социальным сетям. Недаром крупные премьеры и анонсы теперь часто проводят на крупнейшем англоязычном конвенте «Комик-Кон»: продюсеры тестируют свои проекты на самой целевой аудитории, стараясь по ее реакции предсказать успех или провал.

Разумеется, фэны (а в последние годы за ними все больше закрепляется более широкое западное понятие «гики») не могли не стать киногероями. Итак, какими преподносят большой и малый экраны образы любителей фантастики? В этом путешествии нам придется выйти за рамки сугубо фантастических лент, ведь фэны и гики живут в повседневной реальности и часто выступают персонажами вполне приземленных сюжетов.

Star Geeks

Из всех западных фэнов самые зафанатевшие - это, пожалуй, поклонники «Звездных войн». Кто еще может месяцами жить в палатках у кинотеатров, чтобы занять первые места в очереди, ожидая новый эпизод? И кто в анкетной графе «вероисповедание» будет писать «джедай»? Более того, на примере успеха цикла Джорджа Лукаса кинобизнесу, похоже, стало понятно, какая сила таится в армии

поклонников. Несмотря на то, что задолго до них существовали, скажем, «треки», фанаты «Звездного пути».

Наступил двадцать первый век. «Звездные войны» перестали быть трилогией, а их создатель ухитрился заставить своих поклонников много-много раз заплатить за одни и те же фильмы в различных версиях. А фанаты стали не просто смотреть кино - они начали его снимать.

Речь идет не только о многочисленных любительских короткометражных лентах, которые по «картинке» и убедительности спецэффектов зачастую не уступают большому кино. Некоторые «звездные» гики превратились в профессионалов. Самый известный из них - комедиограф Кевин Смит, автор собственной локальной киновселенной Askewnivers, расположенной в его родном Нью-Джерси. Уже в своей первой, снятой за сущие центы и в черно-белой гамме, комедии «Клерки» Смит заставил героев, продавцов-лоботрясов из окраинного магазинчика, рассуждать о взрыве «Звезды смерти» в четвертом и шестом эпизодах и о моральной стороне дела.

Дальше - больше. В фильме с красноречивым названием «Джей и Молчаливый Боб наносят ответный удар» постоянные герои Смита (одного режиссер всегда играет сам) сражаются на лазерных мечях с Марком Хэмиллом, исполнителем роли Люка Скайуокера. Причем по сюжету Хэмилл приглашен на роль злодея в экранизации комикса о похождениях Джея и Молчаливого Боба, выведенных как супергерои Пыхарь и Хроник. Не обошлось и без cameo Кэрри Фишер, которая наотрез отказывалась сниматься, если Смит проведет какие-либо параллели с образом принцессы Леи. Тогда постановщик решил пойти навстречу пожеланиям и сделал ее... монахиней в непристойном экранном гэгге.

К слову, Джей и Молчаливый Боб еще и фанаты комиксов, как их создатель. Смит владеет собственным магазином комиксов, и хотя он предпочитает время от времени играть только Молчаливого Боба, не преминул сняться в небольшой роли в экранизации походов Сорвиголовы.

Нахрапистые голливудцы превратили в фаната «Звездных войн» даже литературного персонажа, появившегося за несколько сотен лет до рождения Джорджа Лукаса. Имеется в виду, конечно же, Лемюэль Гулливер. Новая версия с Джеком Блэком в главной роли как раз открывается сценой, когда живущий в наши дни Гулливер устраивает у себя дома нечто вроде кукольного театра с фигурками из всем известного киноцикла.

Поклонники «Звездных войн» сумели удостоиться даже отдельного художественного фильма о себе любимых. Ранее такую честь кинематографисты оказывали разве что битломанам. Фильм так и называется «Фанаты» и без всяких элементов фантастики повествует

о вояже нескольких гиков на знаменитое «Ранчо Скайуокера», чтобы правдами и неправдами показать смертельно больному лейкемией другу «Скрытую угрозу», ведь до премьеры тот не доживет. По пути их, разумеется, ожидает масса приключений, из которых самым ярким будет стычка с фанатами «Звездного пути». И, естественно, множество встреч с «двойниками» персонажей: от все той же Кэрри Фишер до капитана Кирка в лице актера Уильяма Шатнера. Несмотря на все комические ситуации и грустную подоплеку всего действия, «Звездные войны» уравнивают всех.

Гик без ВГИКа

Заметим: «родные» для кинематографа персонажи - это именно киногики. А едва ли не первый из них - реально существовавший режиссер и актер Эдвард Д. Вуд-младший, многими почитаемый как основатель направления «трэш-фантастики» и создатель легендарного «Плана 9 из глубокого космоса», удостоенного звания самого плохого фильма всех времен. Его имя обессмертил Тим Бартон в комедии «Эд Вуд». Нервом всей истории стал конфликт между бездарностью Вуда как кинематографиста и одновременно его интенсивным, по-настоящему творческим горением, а еще огромной способностью дружить и привлекать к себе людей.

Но фильм Бартона не фантастический. Иначе был бы соблазн применить излюбленный сценарный прием: столкнуть фэна с объектом его фанатичного отношения. Чаще всего в таких сюжетах участвуют дети или подростки. Малолетние любители «ужастиков» в «Отряде монстров» Фреда Деккера противостоят команде постоянных героев их любимых фильмов: Дракуле, Мумии, Человеку-Волку, Чудовищу из Черной Лагуны и монстру Франкенштейна. Выживут, разумеется, молодые и сильные.

Тинейджер-киноман становится напарником своего кумира, когда сначала попадает по ту сторону экрана, а затем переносится в реальный мир в «Последнем герое боевика» Джона Мактирнана. Еще один тинейджер, поклонник фильмов о кунг-фу, проваливается в волшебный мир древних китайских преданий, чтобы стать соратником Царя обезьян («Запретное царство» Роба Минкоффа).

Не менее распространен сюжетный ход, когда необычайное входит в жизнь гика во время съемок любительского фильма. Почему-то особенно популярны съемки хорроров, видимо, из-за малых затрат. В «Дневниках мертвецов» Джорджа Ромеро такая съемочная команда застаёт реальный зомби-апокалипсис. В «Супер 8» Джей Джей Абрамса гики-школьники, подражая «ужастикам» того же Ромеро, снимают на каникулах «зомби-фильм», но сталкиваются во время

съемок не с живыми мертвецами, а с агрессивным пришельцем из космоса. Картина Абрамса - запечатленное на пленку признание в любви кинематографу Спилберга рубежа 70-80-х годов прошлого века. Ведь и сэр Стивен - фактически гик-самоучка, в детстве снимавший 8-миллиметровой камерой...

Тем не менее Голливуд демонстрирует и отрицательные результаты бурной любви к фильмам ужасов и кинематографу в целом. В серии «Добро пожаловать в мой кошмар» из антологии того же Спилберга «Удивительные истории» подросток весь досуг проводит за просмотром «ужастиков» и однажды даже молится, чтобы жизнь была такой же интересной, как в кино. Молитва услышана: тот попадает в хичкоковский «Психоз» в роли жертвы. Угроза печального финала заставляет тинейджера пересмотреть отношение к жизни.

Значительно дальше заходят герои новеллы Джона Карпентера «Сигаретные ожоги» из цикла «Мастера ужасов». Богатый коллекционер оплачивает поиски ленты, показанной всего один раз, ибо вся публика погибла в ходе сеанса. Но фильм с маргинальным видеорядом, созданный при участии потусторонних сил - то ли ангелов, то ли бесов, беспощадно раскрывает зрителю все спрятанное от самого себя порочное нутро. Метафора выражена отталкивающе буквально в образе внутренностей коллекционера, намотанных на бобину кинопроектора...

В массовом кино самый яркий пример - серия Уэса Крэйвена «Крик». Практически в каждом фильме цикла очередные хоррор-гики устраивают кровавую игру «Какой твой любимый ужастик?», преследуя главную героиню и убивая ее друзей и знакомых. В четвертой серии Крэйвен со сценаристом Кевином Уильямсоном закольцевали сюжет: киноман-убийца оказывается поклонником экранизаций событий первых фильмов. А мотив уже вполне современен: «Мне не нужны друзья, мне нужны фанаты!...».

Гики в картинках

Армия западных гиков помешана на комиксах. Разумеется, бойцы прописались в сценариях и под объективами кинокамер. Двадцатый век относился к ним иронически и часто настороженно. В фильме Джорджа Ромера по сценарию Стивена Кинга «Калейдоскоп ужасов» мальчик, начитавшийся хоррор-комиксов, начинает экспериментировать с магическими ритуалами на собственном отце, пытавшемся отобрать у него эти «веселые картинки». Скрытая ирония авторов в том, что сообразительного мальчика играет родной сын Кинга - Джо, ныне тоже известный как писатель, работающий под псевдонимом Джо Хилл.

Непедагогичный эпизод «Время собирать зерна» из упомянутых «Удивительных историй» (при том, что сериал вообще-то отличался морализаторскими сюжетами) рассказывает историю маленького любителя комиксов, которому волшебный карлик дал «вредный совет». Следуя этому, выросший герой, - а во взрослом образе его играет Марк Хэмилл, - тунеядствует и бережно хранит свою детскую коллекцию... чтобы в старости разбогатеть на ее продаже.

Уже в XXI веке получили распространение фильмы о том, как обычные люди под влиянием комиксов надевают маски и выходят на ночные улицы бороться с преступниками. Фактически, это современный вариант сюжета о Дон Кихоте, который вместо рыцарских романов читает раскрашенные книжки про одетых в разноцветное трико бойцов со злом. Персонажей экранизации графического романа «Хранители» гиками никак не назовешь: это бывшие полицейские, облачившиеся в костюмы супергероев ради оказания морального давления на отморожков. Зато потом в облегающий «прикид» нарядились фанаты. Супергероем теперь может стать немного слабоумный дорожный рабочий («Защитнег»), подросток с обостренным чувством справедливости («Пипец») или скучающий богатый бездельник («Зеленый шершень», «Артур: Идеальный миллионер»).

В таких фильмах «бытовой супергероизм», как правило, все-таки романтизируется. Но появляются картины, которые деконструируют и этот новомодный миф, что «супергероем может стать каждый, кому хватит смелости». Популярный детективный сериал «Касл» включает эпизод «Герои и злодеи» о целой городской субкультуре ночных мстителей. В большинстве своем это неудачливые подростки, а единственный настоящий серьезный псевдосупергерой едва сам не становится жертвой криминальной «подставы». Персонаж австралийского фильма «Грифф-невидимка», казалось бы, начисто потерял связь между реальностью, где он рядовой телефонист, и своими фантазиями, в которых он ночной защитник справедливости в маске. Принимать его «ряженую» ипостась готова лишь девушка, тоже весьма нестандартная... у нее-то и открываются сверхвозможности.

Более трезво и без прикрас показывает эффекты ночного бродяжничества в облегающем костюме недавний «Супер» Джеймса Ганна. Хотя герой, скромный работник закуской, надевший маску выдуманного им самим Кровавого Болта, одерживает моральную и даже физическую победу над злодеями, это не помогает ему ни сохранить семью, ни защитить от пули напарницу.

В этом гике жажда бури

Отдельный и немногочисленный класс экранных фэнов - ролевики.

Подобно «бытовым супергероям» чаще всего они стали появляться в кино- и телефильмах в основном уже в новом веке. Причем опять-таки далеко не только в фантастических лентах,

В упомянутом сериале «Касл» эпизод с красноречивым названием «В стиле «стимпанк» посвящен расследованию убийства в среде фанатов. Сообщество «стимпанков» показано как группа «маргиналов наоборот». Это весьма дорогое удовольствие, которое могут позволить себе только сливки общества, хотя они и называют себя последними романтиками.

В другой серии постоянные герои, писатель Касл и его напарница Беккет, расследуют преступление в кругах современных вампиров. Эти любители ролевых игр даже имплантируют себе клыки.

Знаменательно, что в «Касле» практически никогда ролевик не оказывается убийцей, хотя часто является подозреваемым. Но это стало возможным в другом детективном сериале - «Кости». Здесь в четвертом сезоне демонстрировался эпизод «Принцесса и груша» об убийстве среди поклонников фэнтези, причем расследование происходит во время конвента. И хотя внешним мотивом для злодеяния стало обладание Эскалибуром из вымышленной первой в истории фэнтези-ленты, реальной причиной оказывается слишком большой диссонанс между романтикой и меркантильной реальностью в сознании преступника.

Ролевики-толкинисты выведены и в отечественной комедии Богдана Дробязко «Суперменеджер, или Мотыга судьбы». Здесь дана галерея фэнов самого разного вида: молодежь без определенных занятий, олигарх (его гротескно играет Иван Охлобыстин), милиционер и даже офицер ФСБ. Причем показана вся эта публика двояко. С одной стороны, они часто ведут себя неадекватно: так, интрига крутится вокруг фетишистского отношения олигарха-«гнома» к своему игровому артефакту, бутафорской Мотыге судьбы. С другой - их вольница искусственно противопоставлена рафинированному «офисному рабству», недаром в центре сюжета эволюция карьериста-менеджера в «боевого хоббита».

«Игровые» и «комиксные» гики - самый деятельный класс такого рода публики на киноэкранах. Они не ждут, когда их найдут неприятности и приключения, а сами себе организуют. Если в «Суперменеджере...» ролевики воюют с нечистыми на руку дельцами, то в еще не вышедшем на экраны комедийном хорроре «Рыцари Королевства Крутизны» сталкиваются с настоящим демоном, ими же вызванным в ходе «игрового» ритуала. Странно, что кино пока не обыграло сюжет о путешествии, скажем, тех же толкинистов в настоящую реальность меча и магии. Думается, и такой фильм не за горами.

Жили книжные гики, не знавшие битв...

В кино довольно редко встречаются образы любителей книжной фантастики - предмет не тот. Однако примеры все же есть.

Практически всегда используется один-единственный прием: книголюб на практике сталкивается с тем, о чем раньше только читал. Но именно его эрудиция порой дает возможность разглядеть «нереальную» угрозу. Так, в «Факультете» Роберта Родригеса старшекласница, читающая «Кукловодов» Роберта Хайнлайна, первой догадывается, что школу захватили инопланетяне, оккупирующие тела учителей.

В аналогичном молодежном триллере «Непристойное поведение», поставленном Дэвидом Наттером, одним из режиссеров «Секретных материалов», тоже есть «книжный червь». Им оказывается школьный сантехник, местный чудак и большой поклонник «Бойни № 5» Курта Воннегута. Именно этот гик распознает неладное с учениками школы, над которыми проводятся секретные эксперименты. В итоге сантехник даже находит оружие против новоявленных техногенных зомби и ценой своей жизни приводит его в действие.

Все больше на экране «мультигиков» - фанатов сразу нескольких тем, любителей одновременно фантастических книг, фильмов, сериалов и компьютерных игр. Такой типаж появляется в комедии «Папе снова 17». Лучший друг главного героя, в школе считавшийся пригодным только для того, чтобы носить воду баскетбольной команде, разбогател на одной-единственной компьютерной программе. Свой дом этот новоявленный миллионер превратил в музей фантастики, а свободное время тратит на компьютерные игры, чтение и коллекционирование фанатских безделушек вроде посоха Гэндальфа. Но именно на почве своей страсти к Толкину он в финале обретает даму сердца.

«Мультигики» выведены и в недавней комедии Грега Моттоллы «Пол», в отечественном прокате имевшей подзаголовок «Секретный материалчик». Два закадычных друга-британца, приехавших на «Комик-Кон», не только «молодые талантливые авторы» (один - писатель, второй - иллюстратор). Они запросто разговаривают и даже нецензурно выражаются на клингонском языке, как ярые фанаты «Звездного пути», и грезят о поездке по известным местам посадок НЛО. Во время путешествия герои встречают настоящего пришельца, скрывающегося от правительства.

Любопытна трактовка образа гиков. В отличие от ранее упомянутых фильмов, они вовсе не мизантропы, неудачники или «золотая молодежь». Это вполне нормальные современные мужчины за тридцать, не слишком успешные и даже не слишком «взрослые», иногда смешные, иногда простодушные, но отважные и готовые при необходимости брать на себя ответственность. А еще способные на

настоящую дружбу. Для контраста им противопоставлены не только бездушные правительственные сотрудники, но и религиозный фанатик, тоже своего рода «гик», только из другой области. В финале по всем канонам зрителя ожидает хэппи-энд, пришельца - спасение, а наших гиков - премия за книгу на основе своих приключений.

«Папе снова 17» и «Пол» - симптом облагораживания роли фэна в современном кино. Все-таки он «крупный покупатель» билетов, Но у всего есть две стороны. С одной, неплохо, что ценители фантастики стали оказывать влияние на кинопроцесс, Увы, пока только западный. С другой, если так будет продолжаться и дальше, кинофантастика однажды рискует замкнуться сама на себя... Впрочем, «обычных» зрителей всегда будет больше.

Аркадий ШУШПАНОВ

преьера

НЕ ТРОГАЙТЕ КУБИНСКИХ ЗОМБИ!

Предлагаем вашему вниманию традиционный обзор российских фантастических кинопремьер ближайшего полугодия. Даты премьер предварительные и могут быть перенесены.

Январский прокат в нашей стране ориентирован прежде всего на новогодние каникулы, а значит, на семейное кино и комедии. В начале месяца романтическую комедию о любви смертной девушки и ангела «*Мой парень - ангел*» представит российский режиссер Вера Сторожева. Еще одна российская комедия - современный взгляд на классическую сказку Астрид Линдгрэн о Карлсоне «*Тот еще Карлосон*» (именно так), - поставленная Сариком Андреасяном, собрала целый сонм комедийных звезд. Картина Мартина Скорсезе «*Хранитель времени 3D*» (*Hugo Cabret*) о мальчике Хьюго, живущем в начале прошлого века на парижском вокзале и нашедшем таинственный механизм, созданный самим Жоржем Мельесом, подходит именно для старта в каникулы. Любителям фантастики также будет интересно понаблюдать за игрой исполнителя роли Хьюго юного Асы Баттерфилда - ведь именно он утвержден на главную роль в наконец запущенной экранизации романа Орсона С.Карда «Игра Эндера».

Также в разгар каникул выйдет хоррор «*Шкатулка проклятия*» (*Dibbuk Box*). В середине месяца стартуют фантастическая мелодрама: «*Ева: Искусственный разум*» (*Eva*) и очередной раунд противостояния вампиров и ликанов «*Другой мир 4: Новый рассвет*» (*Underworld Awakening*). Крптоисторическую версию победы над Наполеоном предложит режиссер Марюс Вайсберг в комедии положений «*Ржевский против Наполеона*» уже под занавес месяца.

Самые холодные дни начала **февраля** прокатчики решили заполнить леденящими лентами - экзорцизмом «*Одержимая*» (*The Devil Inside*), фантастическим триллером «*Хроника*» (*Chronicle*) о студентах, обнаруживших зло в Сети, и хоррором «*Шрамы 3D*» (*Paranormal Xperience 3D*) о студентах, обнаруживших зло в пещерах. В середине месяца - продолжение приключений юного героя из «*Путешествия к центру Земли*» - «*Путешествие 2: Таинственный остров*» (*Journey 2: The Mysterious Island*). В это же время стартует еще один сиквел, на этот раз комикс «*Призрачный гонщик 2 в 3D*» (*Ghost Rider: Spirit of Vengeance*). Без паранормального не обойдется в лентах «*Искатели могил*» (*Grave Encounters*) и «*Красные огни*» (*Red Lights*): они погрузят зрителя в пучины бессознательного ужаса.

Март начнется также с хоррора - «*Охотники на ведьм в 3D*» (*Hansel and Gretel: Witch Hunters*). Однако центральное событие месяца наступит в женский день - именно тогда стартует в прокате экранизация знаменитого цикла Берроуза «*Джон Картер - марсианин*» (*John Carter of Mars*). В этот же день начнут шествие по экранам фантастическая мелодрама о любви «*Параллельные миры*» (*Upside Down*) и мистический триллер о последних днях жизни Эдгара Алана По «*Ворон*» (*The Raven*). В середине месяца - обновленная история Белоснежки «*Белоснежка 3D*» (*The Brothers Grimm: Snow White*) и испанская трэш-комедия «*Хуан - истребитель кубинских зомби*» (*Juan de los Muertos*). Завершают март триллер о смертельном реалити-шоу «*Голодные игры*» (*The Hunger Games*), а также эпический сиквел «*Гнев титанов*» (*Clash of the Titans 2*).

Апрель обычно беден на громкие премьеры - их берегут на май-июнь. Поэтому поклонников фантастики в этом месяце ждут лишь очередные злые рыбки «*Пирания 3D*» (*Piranha 3D: The Sequel*), хоррор «*Хижина в лесу*» (*The Cabin in the Woods*), история о том, как объединенный флот землян провел «*Морской бой*» (*Battleship*) против приводившейся в океане космической армады пришельцев, хоррор-катастрофа «*Цунами 3D*» (*Bait*), а также мистика «*Между*» (*Twixt*).

В начале **мая** выйдет один из самых дорогих и претенциозных диснеевских проектов: супергерои марвелловских комиксов объединятся в борьбе со злом в блокбастере «*Мстители*» (*The Avengers*). Через неделю можно будет посмотреть «*Дети полуночи*» (*Winds of Change*), канадскую экранизацию одноименного

букероносного романа знаменитого Салмана Рушди, а также вампирский ужастик «*Мрачные тени*» (*Dark Shadows*). Под конец месяца состоится еще одна громкая премьера: Томми Ли Джонс и Уилл Смит наконец-то вновь объединились под началом Барри Зонненфельда «*Люди в черном 3*» (*Men in Black III*).

В начале **июня** Ридли Скотт предложит своеобразный приквел к своему знаменитому «Чужому» - космический боевик «*Прометей*» (*Prometheus*), где действие происходит за 30 лет до полета «Ностромо». Оригинальный взгляд на сопротивление монстрам из моря - в британской ленте «*Грэбберсы*» (*Grabbers*): чудовища, напавшие на ирландскую деревушку, брезгают пьяными, поэтому выжившие жители организуют «нетрезвое сопротивление». Под занавес полугодия Тимур Бекмамбетов предложит зрителям долгожданный скандальный проект «*Авраам Линкольн: Охотник на вампиров*» (*Abraham Lincoln: Vampire Hunter*), Брайан Сингер - современную масштабную версию классической сказки «*Джек - убийца великанов*» (*Jack the Giant Killer*), а компания Диснея - анимационную фэнтези «*Храбрая сердцем*» (*Brave*).

Дмитрий БАЙКАЛОВ

журнал
Антиквариат
предметы искусства и коллекционирования

Ваш гид по рынку

Достоверная информация и реальные цены

Подписка:

- по каталогу ООО «Межрегиональное агентство подписки» (кроме Москвы) - индекс 99438;
- по каталогу «Пресса России» - индекс 45720;
- в отделе распространения, тел.: (499) 248-0890, факс: (499) 248-6819

Адрес: 119435, Москва, Б.Саввинский пер., 9.

Тел.: (499) 248-0576 (редакция), тел.: (499) 248-0890 (495) 585-7312 (отдел распространения),
www.antik.ru, e-mail: info@antik.ru (редакция),
sales@lubkniga.ru (отдел распространения).

ДЖЕРРИ ОЛШЕН

ШАРЛАТАН

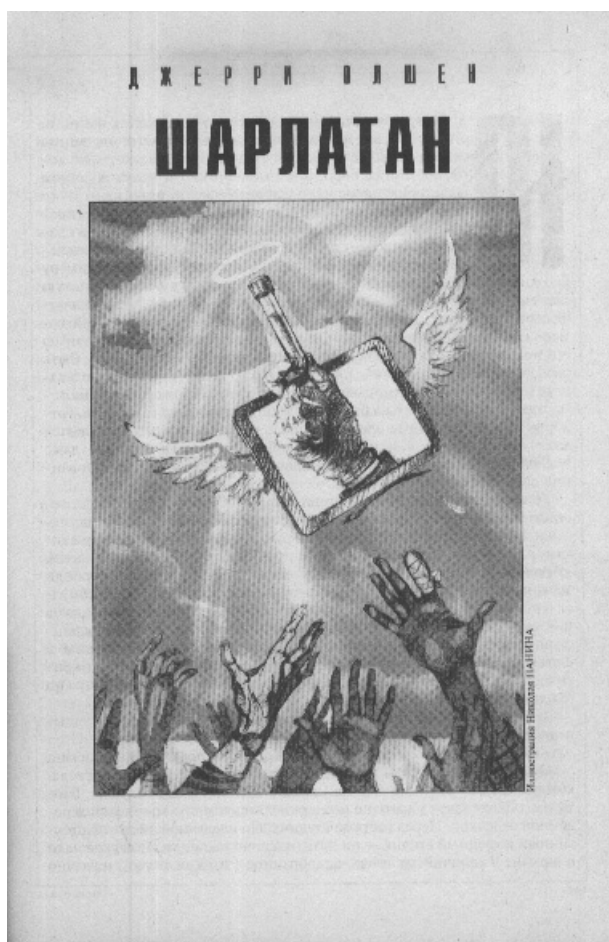

Иллюстрация Николая ПАНИНА

Юпитеры всегда заставляли Дастина потеть. Как бы то ни было, во внезапном всплеске влажности он винил именно прожектора телестудии, когда встретился лицом к лицу с очередным мошенником, практикующим «альтернативное направление» в медицине.

Соревнованием здесь и не пахло, ведь эти ребята - полные придурки. Они едва научились справляться со своими шнурками, а уже лезут на все каналы Национального телевидения обсуждать медицину. Взять к примеру сегодняшнего: гомеопат. Доктор - хотя как он получил медицинскую степень, Дастин с трудом мог себе представить - Натан Летурно, профессор медицины, дипломированный специалист классической гомеопатии, магистр фармации. Он и другие практикующие врачи из его позорной шарлатанской секты утверждали: лекарство может быть разбавлено в миллион раз - разведено настолько, что в конечном вареве не остается ни единой молекулы исходного вещества. Кроме того, они утверждали, что их

безлекарственная панацея столь же благотворна, как и настоящее средство: после разбавления она становится даже более полезной и целебной, добавь туда хоть сколько, даже 99,999999 (и сколько угодно еще девяток) процента дистиллированной воды. Полная ерунда!

Летурно казался довольно приятным человеком. Придя в студию, он пожал Дастина руку и был «очень рад познакомиться». Когда техники продергивали шнур у него под рубашкой и прикрепляли к лацкану микрофон, он вовлек их в короткий разговор, потом сказал: «Проверка... проверка... Проверьте, пожалуйста», чтобы настроили звук, и добавил по-французски: «Гарсон, счет, пожалуйста», улыбнулся и пояснил: «Так, маленькая шуточка». У него не наблюдалось тиков или каких-то других очевидных проявлений невроза, которые демонстрируют столь многие сторонники альтернативной медицины в случае столкновения с тщательным научным расследованием и критическим ее рассмотрением. Дастин уже почти жалел, что придется на публике разорвать гостя на куски.

- Любопытно видеть те уголки студии, куда никогда не заглядывают камеры, не правда ли? - обратился Летурно к Дастину.

- Весь шоу-бизнес предстает в новом свете? - предположил Дастин. Они сидели под углом друг к другу по обе стороны пустого кресла, которое позже, во время дебатов, займет Шелли Нгуен, ведущая. Бархатная обивка кресел выгодно подчеркивалась темно-коричневой деревянной отделкой. Перед гостями студии сиял идеальной чистотой стеклянный кофейный столик - ни пятнышка, ни пылинки. Пол украшало покрытие в коричневых тонах, подобранное с тонким вкусом и удачно дополнявшее все элементы мебели, а задником служила полупрозрачная панель, на которую проецировался вечерний вид города с какого-то далекого холма. Вся студия была залита ярким белым светом восьми или десяти прожекторов, четыре из которых свисали с больших, похожих на зонты рассеивателей, чтобы свести к минимуму тени. В сторонке, вне зоны видимости камер, стояла потрепанная железная тележка с таким же стареньким телевизором, показывающим людям на подиуме, как они выглядят на экранах. Провода от него змеились к пульта управления - четырехфутовой панели переключателей и бегунков в сколоченной из бруса рамке, которая больше походила на гаражный стенд, чем на высокотехнологичный информационный центр. Под пультом провода свисали в гнездо и служили подставкой для ног звукотехнику.

По бетонному полу тут и там были разбросаны тряпки, чтобы заглушать эхо. Тряпицы висели и на фанерных листах, со всех сторон окружавших сцену, также укрепленных деревянными брусками.

Заметив взгляд Дастина, Летурно сказал:

- Я ожидал звукоизоляцию от «Сонекс». Тончайшая скорлупка пенки...
- «Сонекс» дорог, - фыркнул Дастин.

- Ах, ну да, - Летурно казался разочарованным этим откровением. Дастин был удивлен не меньше, когда пришел сюда на свое первое ток-шоу. Каждый аспект телевизионного производства представлялся ему просто осыпанным богатством, но вскоре стало ясно: деньги уходят к владельцам и звездам. Студиям достается лишь минимум, необходимый для функционирования, и ни цента больше. А люди вроде него, случайные гости, вообще ничего не получают, кроме глубокого удовлетворения от речей в пользу научной правды перед лицом грандиозного невежества публики.

Шелли проскользнула в студию - само движущееся совершенство. Ее черные волосы были пострижены каскадом и словно случайно растрепаны ветром, но Дастин знал наверняка, что каждый локон тщательнейшим образом уложен. Темно-коричневые брюки молодой женщины были достаточно узкими, чтобы выгодно показать плавные изгибы ее бедер, голубая блузка с широким вырезом открывала еще больше округлостей, а крошечный черный микрофон примостился на бледной возвышенности ее левой груди, словно родинка-мушка - символ красоты.

- До эфира две минуты, господа, - предупредила Шелли, усаживаясь, и вставила тонкий штекер микрофона в гнездо, свисающее с проводка с одной из сторон своего кресла, потом подтянула шнур и спрятала его позади себя. - Всем удобно?

- Все отлично, - ответил Дастин.

- Все хорошо, к эфиру готов, - провозгласил Летурно.

- Помните, - наставительно произнесла она, - смотрите друг на друга или на меня, но не в камеры.

Дастин взглянул на две камеры, до смешного миниатюрные штучки, похожие на обычные, непрофессиональные «мыльницы», вознесенные на огромные штативы-тележки, способные удержать настоящие исследовательские телескопы, с рукоятками типа мотоциклетного руля, торчащими в стороны, чтобы операторы могли плавно поворачивать камеры туда-сюда и следить за снимаемым объектом.

Он снова посмотрел на Летурно, потя под осветительными приборами.

- Удачи, доктор, - пожелал он.

Звукооператор встал позади монитора на тележке и сказал:

- Готовность - пятнадцать секунд... десять... пять... - Потом переключился на жестикуляцию и молча показал четыре пальца, три, два, один и зажатый кулак.

- Здравствуйте, вас приветствует «Второе мнение», - заговорила ведущая. - Я Шелли Нгуен, сегодня вечером у нас в гостях доктор Дастин Вегнер из Центра инфекционного контроля и доктор Натан

Летурно из Института комплексной натуропатии*¹⁵. - Она кивнула каждому по очереди, потом посмотрела прямо в камеру слева. По всей видимости, хозяйке шоу дозволено это делать. - Перейдем к делу. Доктор Вегнер верит в то, что мы называем классической медициной. Доктор Летурно верит в то, что мы называем медициной неофициальной. Он специализируется на гомеопатии, терапии лекарствами, настолько разбавленными, что ученые затрудняются отличить их от дистиллированной воды. Доктор Летурно, не соблаговолите ли немного конкретизировать, как действует гомеопатия?

Летурно рассмеялся:

- Я бы с удовольствием, но любые толкования, которые я могу предложить, - полная чепуха. Дело в том, что ни я, ни другие гомеопаты не знаем, как она действует. Любой, кто уверяет в своем понимании процесса - натуральный обманщик.

Дастин ощутил, что у него участился пульс.

- Эй, это были мои слова! - якобы возмущенно воскликнул он и рассмеялся под прицелом камеры. Однако на самом деле ему было совсем не смешно: что задумал этот парень?

- Примите мои извинения, доктор, - сказал Летурно. - Поверьте, можно много чего наговорить в том же духе, а я не позволю себе спорить с вами о научном подходе или отсутствии такового в области медицины, который почти полностью зависит от доказательств, построенных на отдельных наблюдениях. Поэтому я хотел бы все это пропустить, допуская, что науки здесь крайне недостает, и перейти к более интересной и, возможно, более плодотворной теме нашей дискуссии.

- И что это за тема могла бы быть? - осведомилась Шелли с легким холодком в голосе. Ей не нравилось, когда перехватывали ее инициативу.

- Факт, что гомеопатия работает.

- Могу с этим поспорить, - улыбнулся Дастин.

- Совершенно в этом уверен, - откликнулся Летурно. - Значит, я заранее соглашусь со всеми вашими доводами. Конечно, в огромном числе случаев гомеопатия не работает. Ее действенность, возможно, лишь чуточку выше, чем эффект плацебо. Как научный метод медикаментозного воздействия это в лучшем случае грубая шутка. Это...

Дастин подался вперед:

- Вы уверены, что я здесь еще нужен?

---

¹⁵ * *Эклектическая альтернативная медицинская система, не признанная наукой, сосредоточенная на природных средствах и жизненных способностях организма исцелять и поддерживать себя. (Здесь и далее прим. перев.)*

Летурно энергично кивнул:

- Вы нужны мне до зарезу, доктор. Вы сможете помочь мне понять, почему она работает, когда работает, и почему не работает, когда не работает.

- Не работает, потому что это не наука, - ответил Дастин. Он откинулся в кресле, снова почувствовав себя на родной почве, но не успел с энтузиазмом пуститься в заученную говорильню о том, что есть наука, как Шелли его перебила.

- Звучит как вызов, - сказала она. - Доктор Летурно, вы серьезно просите доктора Вегнера сотрудничать с вами в научном исследовании гомеопатической медицины?

- Да, именно этого требует гомеопатия, а на самом деле - вся так называемая альтернативная медицина. Мы знаем так ма...

- О нет, совершенно не требует, - возразил Дастин. - Я не хочу быть втянутым в дурацкую попытку узаконить дикарскую медицину, размахивая над ней куриными потрохами от науки.

Подобное утверждение обычно подталкивало честного верующего, провоцируя праведные проповеди, исполненные напыщенного пустословия, которые доктор Вегнер мог опровергать пункт за пунктом в течение оставшегося часа, но Летурно попросту кивнул, словно Дастин во всем был с ним согласен, и сказал:

- Без человека, обладающего вашим авторитетом, который бы принял участие в исследовании, куриные потроха останутся вечным уделом гомеопатии. Если я сам как практик этого непонятого, к сожалению, искусства представлю даже самое совершенное в истории медицины исследование двойной анонимности, мои результаты все равно будут подозрительными. Но если в проведении экспериментов, сборе данных и их толковании будете участвовать вы, то, возможно, мы сумеем по-настоящему понять, что происходит. Или не происходит.

Дастин снова откинулся в кресле, ошарашенный внезапной переменой ролей. Как этот... шарлатан... сумел перехитрить его?

Шелли учуяла запах крови и жадно, с инстинктом настоящего тележурналиста, схватилась за свежачок.

- Это невероятное предложение, - подхватила она. - Что вы об этом думаете, доктор Вегнер? Согласны ли вы сделать ставку реальным вкладом, а не на словах, как у нас говорят?

«Спасибо, Господи», - подумал Дастин. А вслух произнес:

- Кстати, о деньгах. Как вы намерены финансировать исследования? Настоящая наука требует средств.

Летурно кивнул:

- Конечно, требует. Поэтому на исследование гомеопатии, да и других натуральных лекарств, средства выделяются гомеопатическими дозами, простите за каламбурчик. Вследствие чего я предлагаю продюсерам программы «Второе мнение» финансировать нашу

совместную затею. Вы будете творить историю медицины, мисс Нгуен. Вы сможете раз и навсегда либо доказать, либо развенчать пользу целой отрасли нетрадиционной медицины.

Шелли побледнела:

- Вы хотите, чтобы мы оплачивали исследования?

Дастин не смог удержаться и сказал:

- Это звучит как вызов. Согласны ли вы сделать ставку реальным вкладом, а не на словах, как у нас говорят?

Шелли глянула на него так, словно он предложил ей раздеться перед камерой. Потом расхохоталась:

- У вас хоть есть представление, сколько денег дает это шоу? Или следует сказать - не дает.

- Оно дает две целых и три десятых миллиона долларов поступлений от рекламы за один выпуск программы, - ответил Летурно. - Я взял на себя смелость просмотреть кое-какую информацию. А ваш гонорар - семьдесят шесть тысяч за выпуск, это чуть больше тысячи долларов за минуту. Исследование, которое я предлагаю...

- Стоп! - крикнула Шелли. Она вскочила со своего места, шнур микрофона зацепился за подлокотник кресла и дернул ее блузку вниз, моментально открыв гораздо больше, чем она предполагала продемонстрировать. - Отключите камеры! Запускайте рекламу!

Техник за пультом управления хлопнул по выключателям и повернулся к Шелли:

- Я выключил на словах «за минуту». Сожалею, но мы на короткой задержке с тех пор, как сломалась космическая станция.

Ведущая сердито посмотрела на него, потом на Летурно:

- Да черт побери, кем вы себя возомнили?! Какое вы имеете право разглашать в эфире мой гонорар?

- Я практикующий медик, которому нужна ваша помощь. И ваша, - добавил он, кивнув Дастину.

- У вас чертовски необычный способ просить о помощи, - заметил Дастин.

Летурно пожал плечами:

- А что, любой из вас помог бы мне, используй я более традиционные методы?

- Вы сумасшедший! Здесь вам помогут только вылететь за дверь. Сэмми, проводи этого психа до его машины.

Один из операторов выступил было вперед, но звукотехник за пультом вдруг сказал:

- Ух ты, Шелли, телефоны просто раскалены. Все восемь линий заняты. Не думаю, что ты хотела бы вернуться в пустую студию и сама отвечать на телефонные звонки оставшиеся сорок минут.

Ведущая поразмыслила.

- Ты прав, этого я не хочу.

Она отцепила микрофон и сошла со студийного подиума, но техник сказал: «Девяносто секунд», - и она остановилась в раздумье. Дастин подсчитал: две целых три десятых миллиона рекламных баксов, пусть не пройдет даже всего две трети от общей суммы, если программа не выйдет в эфир всю остальную часть часа. Если она закатит истерику, перед ней замаячит перспектива потери более полутора миллионов долларов. Ей придется отрабатывать долг, и даже при семидесяти шести тысячах за передачу ведущая не расплатится до конца года.

- Используйте звонящих, - предложил Летурно. - Бросьте вызов им.

Две с половиной минуты спустя, после дополнительной минуты социальной рекламы, пока Шелли спорила по телефону с продюсером, все снова вернулись на свои места.

- Эфир через пятнадцать... десять... пять... - и безмолвный обратный отсчет.

Шелли сидела в кресле, безупречная, как всегда. Большая красная телефонная трубка стояла на стеклянном столике.

- Добро пожаловать на второй раунд передачи «Второе мнение», - поприветствовала она зрителей. - Для тех, кто недавно присоединился к нам, повторяю: справа от меня доктор Дастин Вегнер, а слева - доктор Летурно. Доктор Летурно предложил, мягко говоря, интересный эксперимент: он призвал доктора Вегнера ассистировать ему в научном исследовании гомеопатической медицины, чтобы оно проходило по строжайшим стандартам Центра инфекционного контроля и финансировалось «Вторым мнением». Хотя я не слишком довольна тем, что мой гонорар объявили во всеуслышание, должна признать: наш гость добился своего - я могу позволить себе сделать ставку материальным вкладом, а не на словах. Поэтому здесь и сейчас я согласна внести свой полный гонорар за сегодняшнюю передачу в проект доктора Летурно.

Она широко улыбнулась и снова обратилась прямо в объектив камеры:

- Но только в том случае, если вы сделаете то же самое. Я передаю вызов каждому из наших слушателей: согласны ли вы сделать ставку не на словах, а на деле? Согласны ли вы вложить реальные деньги? Сейчас сотни из вас берут телефонные трубки и набирают наш номер, чтобы высказаться о необходимости финансировать этот проект. Доктор Вегнер согласился принять в нем участие лишь в том случае, если финансирование будет достаточным для тщательного и правильного выполнения всех работ. Значит, дело за вами. Готовы ли вы вложить зарплату за один день в науку, чтобы прояснить одну из величайших тайн в истории медицины?

Когда это Дастин согласился участвовать в нелепом проекте? Он не говорил, что будет, но потом бросил Шелли вызов, и она спокойно могла посчитать это готовностью сотрудничать. Честно говоря, ему уже

начинала нравиться мысль доказать ложность гомеопатии раз и навсегда. Если Шелли машет перед ним пачкой баксов, он с удовольствием проведет тестирование двойной анонимности. Шелли взяла телефонную трубку.

- Здравствуйте, вы в эфире, - сказала она. - Вы хотите поддержать нашу попытку раз и навсегда ответить на этот вопрос? Мы предлагаем каждому звонящему пожертвовать на исследования свой дневной заработок. Один день на науку. Вы с нами?

Последовало долгое молчание. «Интересно, - подумал Дастин, - там трубку повесили или связь со студийным оборудованием отключилась?..» Но вдруг донесся нерешительный голос:

- Ну... я не слишком много зарабатываю в «Макдоналдсе», но думаю, я, конечно, могу...

К концу передачи собрали два миллиона долларов. Аванс, по большей части оплаченный кредитными картами. Когда техник молча отсчитал на пальцах секунды до конца передачи «четыре-три-два-один-ноль», Шелли потянулась к Летурно и смачно поцеловала его в губы.

- Вы даже не подозреваете, насколько сейчас помогли нашему телеканалу, - сказала ведущая. - Когда новость пойдет в народ, количество зрителей удвоится. - Потом она обратилась к Дастину. - Прошу вас, раздавите гомеопатию, как мелкую мошку. Жду вас в студии с отчетом через три месяца.

- Трех месяцев недостаточно даже для исследования ушибленного пальца, - возразил Дастин.

- Этого должно хватить, чтобы вколотить последний гвоздь в крышку гроба гомеопатии, - ответила она.

- Это не научно, - сказал Летурно. - Чтобы выяснить, как это работает, нам потребуется примерно около года. Возможно, даже два. Если вообще мы сумеем прояснить суть.

Шелли отсоединила микрофон и встала.

- Ладно, тогда даю вам шесть месяцев. Каждую неделю будете давать отчет в эфире в течение 60 секунд. Иначе публика забудет, кто вы такие.

Дастин кивнул. С подобным отчетом он уж точно справится. По сравнению с тем контролем и в каких условиях ему приходилось в свое время отрабатывать гранты, тут была полная халява.

Он прошел вместе с Летурно на парковку.

- Без обид, - сказал он, - но я себя чувствую, будто меня только что вовлекли в голосование за республиканцев. Черт побери, как вы это сделали?

Летурно ухмыльнулся:

- Обычное вуду. У меня в офисе висит маленькая куколка на веревочках, изображающая вас.

- Ах, ну да, конечно.

Но по пути домой Дастин серьезно призадумался.

В офисе Летурно они встретились через три дня. Если там и находилась куколка вуду, то в глаза она не бросалась. На самом деле вся эта альтернативная клиника с виду походила на обычную поликлинику: две медсестры за стойкой регистратуры, ассистенты врачей и нянечки, которые сопровождали пациентов туда-сюда по коридорам, считали их пульс, прослушивали дыхание, измеряли температуру и давление, доктора, торопящиеся к пациентам. Однако, наблюдая Летурно за работой, Дастин заметил одну важную особенность, выгодно отличающую этого гомеопата от коллег, традиционных, классических медиков: он тратил больше времени на разговоры с пациентами о лекарственных средствах, которые они принимали.

- У вас мышечное напряжение, - сказал он одной женщине, которая жаловалась на боль в челюсти после визита к стоматологу больше месяца назад. - Поэтому я собираюсь сделать вам раствор вещества, называемого чилибуха аптечная, который является мощным средством для сжимания челюстей. В большой дозе он может так плотно сжать мышцы, что раздробит кость. Однако я разбавлю его в миллионы раз, и фактически к моменту готовности средства чилибухи там не останется. Но вода, которой я буду разбавлять лекарство, сохранит память о свойствах препарата, и когда я введу ее вам в мышцы челюсти, она найдет то, что заставляет их сжиматься, и растворит это вещество.

Дастин фыркнул. Летурно одарил его сочувственным взглядом, и Дастин объяснил:

- Простите, видимо, это моя аллергия..

- Могу вам помочь, - откликнулся Летурно и снова повернулся к пациентке. - Главное, о чем надо помнить: лекарство, которое я вам дам, позволит мышцам расслабиться, и уже к утру вы будете чувствовать себя лучше.

«Он рассчитывает на эффект плацебо», - смекнул Дастин. Если пациент с субъективным недомоганием верит, что его лечат, то симптомы часто исчезают. Все это он высказал Летурно, когда они остались одни. Он подозревал, что оппонент станет все отрицать, но гомеопат просто кивнул и сказал:

- Это единственное логическое объяснение происходящего. Я хочу знать, действительно ли оно единственное, и если так, как сделать его более надежным в действии. Ведь пока положительный эффект достигается в семидесяти процентах случаев.

- В скольких?!

- В семидесяти.

- Вы имеете в виду на двадцать процентов больше случайного

совпадения, а не 70 процентов ваших пациентов.

- Нет, именно у 70 процентов моих пациентов отмечалось улучшение самочувствия. Случайность дала бы мне что-то вроде пяти или десяти процентов.

- Не могу поверить, что у вас такой коэффициент успеха.

Летурно улыбнулся:

- Я был бы таким же скептиком, как и вы, если бы не наблюдал результатов снова и снова. Итак, давайте организуем исследование, которое убедит вас или изобличит во мне шарлатана.

Разработка исследования двойной анонимности, в котором ни экспериментатор, ни пациенты не знали, кто записан в контрольную группу, оказалась несложным процессом. А вот ее осуществление было не в пример труднее. Человеческие болячки не появляются стандартными комплектами, как не бывает и бесконечного запаса одинаковых жалоб, доступных для сравнения. Наконец Дастин решил остановиться на простом качественном анализе фактора боли: пациент или чувствовал облегчение, или нет. Половина всех пациентов в исследовании получит настоящие гомеопатические средства, в то время как другой достанется обычный физраствор, которого до проведения эксперимента не было в арсенале ни у самого Летурно, ни у его коллег. Каждая группа делилась на подгруппы, из которых одной скажут, что они принимают настоящее лекарство, а другой - что они принимают раствор. Всем зададут по несколько вопросов, чтобы в общей массе затерялись те, ответы на которые Дастин и Летурно заносили в документ. Таким образом, пациенты не узнают, на какие вопросы какие ответы врачи хотят услышать.

Дастин ожидал, что результаты окажутся в совершеннейшей гармонии с испытаниями плацебо, где около тридцати процентов пациентов почувствовали улучшение, даже когда им не проводили никакого настоящего медикаментозного лечения. Однако с самого начала он получил доказательства обратного. Все оказалось совсем не так. Если уж на то пошло, утверждение доктора Летурно о 70 процентах было несколько занижено. Коэффициент приближался к 77. Интенсивность боли также не соотносилась с коэффициентом эффективности: самые трудноконтролируемые заболевания реагировали точно так же, как и обычные.

Двойная анонимность подразумевала: нельзя вскрыть изначальные записи и узнать, какие пациенты что получали, до того как все данные будут собраны. Но только наивысший показатель успешных результатов смог бы поразить обоих медиков.

- Здесь что-то не так, - задумчиво проговорил Дастин перед лицом неопровержимых фактов.

- Я тоже так думаю, - откликнулся Летурно. - Должно бы приближаться к 90 процентам, если в действительности что-то происходит. Или к

тридцати, как в обычных экспериментах с плацебо, если не происходит ничего.

- Три четверти. Это существенно. Что мы делаем три четверти времени?

Они снова перелопатили все данные, но пока не вскрыли записи и не поместили, кто что получал и кому что говорили, могли лишь бесконечно чесать в затылке.

Итак, они сняли шестидесятисекундное видео, где оба чесали затылок, и передали материал Шелли для эфира в самом конце передачи. Рейтинг «Второго мнения» поднялся на 30 процентов.

Чем больше Дастин наблюдал за работой гомеопата, тем меньше понимал происходящее. Исполненный своих лживых измышлений, Летурно во время той или иной промежуточной стадии разжижения раствора постукивал склянкой по столешнице, объясняя, что этот процесс был назван встряхиванием. Якобы таким образом вода лучше запомнит бесконечно малую дозу растворенного вещества.

- Вы же понимаете, что это не имеет никакого смысла, - увещевал его Дастин. - Даже еще меньше, чем никакого.

- Понимаю, - ответил Летурно. - Но я знаю следующее: у меня больше положительных результатов, когда я это делаю, чем когда не делаю. Впрочем, это происходит только с некоторыми препаратами.

- Вам нужен еще один тест двойной анонимности, чтобы посмотреть, правда ли это.

- Конечно. Поскольку наше первоначальное исследование заканчивается, мне бы ужасно хотелось попробовать и это. Естественно, мне придется испытывать каждый препарат, который я готовлю, а также варьировать процесс приготовления на каждой стадии разжижения. Количество комбинаций почти бесконечно. - Он поднял желтоватую смесь к свету, потом стукнул склянкой по столу на полдюжины раз больше. - Здесь и кроется объяснение, почему в нашей области используются дешевые процессы приготовления лекарства, которые работали для других людей в недалеком прошлом. Так трудно разграничить все вариации... Большинство практиков просто соглашается с тем, как предписано работать.

- Если только вы верите в магию... - усмехнулся Дастин.

- Всегда надо рассматривать и этот фактор, - покачал головой Летурно. - Некоторые из нас, уверен, шарлатаны. И это создает дополнительные трудности.

Месяц назад Дастин мог бы ответить на это кое-чем ехидным и презрительным. Теперь он лишь кивнул и сказал:

- Ваша область тут не единственная. В традиционной медицине их тоже хватает. Просто выявить их проще.

Интересно, сколько людей в связи с экспериментом пыталось до него докопаться. Распространялось мнение, что он сбрендил, тем самым

совершив профессиональное самоубийство. Коллеги завалили его электронную почту вопросами «ЧП?» или «МЧС?» («Что происходит?» и «Мужик, что случилось?») в строке «Тема». Другие обзывали его продажной шкурой, мошенником и шаромыжником. Фактически они травили его так же, как он сам бывало преследовал представителей нетрадиционной медицинской ориентации.

Однако он не мог игнорировать факты. Результаты говорили сами за себя. Доктор Летурно - и теперь он величал коллегу этим званием безо всякой иронии - определенно добился большего, чем случайное совпадение или обычный эффект плацебо. Все, что оставалось сделать, это точно вычислить, как именно действует его метод. Если они с этим справятся и смогут уверенно воспроизвести эффективное лечение, Дастин окажется одним из тех, кто посмеется последним.

Исследования плотно велись все шесть месяцев, так как требовалось собрать достаточно информации, чтобы не голословно, а самым убедительным образом демонстрировать итоги исследования. Оба врача - и Дастин, и Летурно - ожидали результатов со спокойствием и терпением кипящего чайника, а их еженедельные отчеты «Второму мнению» становились все более и более неистовыми, потому что они дико фантазировали и сыпали безумными умозрительными заключениями о происходящем. Зрительский рейтинг неделя за неделей поднимался, пока Шелли не решила, что пора бы уже вскрыть пакет исходных данных в прямом эфире.

- Вы оши... подумайте еще раз, - пытался вразумить ее Дастин. - Потребуется несколько дней, чтобы разобраться с цифрами, и еще недели, чтобы понять их значение, если там вообще есть осмысленные соотношения.

- Даю вам час, - заявила она. - Можете распечатать данные в начале шоу, и мы будем время от времени прерывать дебаты между двумя вашими коллегами, чтобы пару минут понаблюдать за вашей работой. Это удержит публику в напряжении. Потом, в конце передачи вы объявите свои предварительные выводы.

- Научные открытия так не вершатся! - запротестовал он, но Шелли лишь покачала головой:

- Зато так вершится журналистика, а поскольку счета оплачиваем мы, то мы хотим видеть итоги к концу часа.

- А я хочу, чтобы результаты были подлинными. На карту поставлена моя профессиональная репутация.

- Так же, как и моя, - холодно откликнулась Шелли. - Надо ли мне напоминать вам, кому принадлежит эта информация? Если в моей программе материалы не станете анализировать вы, я найду кого-нибудь еще.

Дастин был сражен: проделать огромную работу, подобраться к истине так близко и нарваться на запрет лично вскрыть данные - это

наихудший из возможных сценариев, даже хуже, чем узнать о подлинности гомеопатии как науки. Сомневаться не приходилось: если он откажется, скандальная девица тут же передаст его дело кому-нибудь другому.

К вечеру дня великого разоблачения они с Летурно сидели рядом за столом в кабинете директора по рекламе, единственном, кроме эфирного подиума, местечке в студии, которое смотрелось достаточно презентабельно. Видеокамера стояла в дверном проеме и показывала миру обоих докторов и широкоэкранный монитор, подключенный к наладоннику Дастина. Для вскрытия статистических данных не требовалось суперкомпьютера, нужны были лишь огромная развернутая таблица и немного интуиции.

Прожектора включены. Камеры включены. Шелли и два ее гостя - на основной съемочной площадке в другом конце коридора, оттуда проведены аудио- и видеопровода к небольшому экрану, стоящему в уголке, поодаль от Дастина, Летурно и их громадного монитора. Оператор в дверях отсчитал от пятнадцати до эфира точно так же, как и звукотехник в основной студии, затем Шелли провозгласила:

- Здравствуйте. Добро пожаловать на «Второе мнение», где сегодня в прямом эфире мы собираемся доказать раз и навсегда, можно ли нетрадиционный подход к лечению назвать настоящей медициной. Доктор Дастин Вегнер и доктор Натан Летурно сейчас находятся за компьютером, где они вскрывают данные, которые собирали последние полгода, и будут их анализировать, пока сегодняшние гости вечера, доктор Фредерик Хелмс из Комитета научных исследований по претензиям к паранормальным явлениям и доктор Диана Вестморланд из Северо-западной коалиции врачей натуропатических методов, размышляют о том, какие тайны скрываются в этой нашей статистической информации. К концу передачи, в зависимости от обстоятельств, одного из этих замечательных ученых закидают помидорами. Господа, вы готовы?

Дастин удивился: когда исследование успело превратиться в гонку? Но услышал свое: «Готов», когда Летурно, Хелмс и Вестморланд сказали то же самое.

- Тогда начинаем. Марш! - воскликнула Шелли.

Дастин кликнул на таблицу, подготовленную совместно с Летурно, потом ввел туда данные из файла, который собрали их ассистенты из закрытых терапевтических записей. Ячейки таблицы заполнились информацией: кодовые номера пациентов, номера контрольных групп, условия лечения и так далее. Автоматические настройки, которые Дастин разработал за последний месяц, окрасили в разные цвета успешные результаты экспериментов против провальных, и Дастин смог немедленно убедиться: факты распределились далеко не случайным образом. В таблице имелись плотные скопления цвета,

которые показывали, что определенные исследования оказались более успешными, чем другие. Здесь явно присутствовал некий настоящий феномен. Вся штука в том, чтобы его вычислить.

- Поставьте наиболее успешное лечение наверх, - попросил Летурно, и Дастин нажал нужные клавиши.

Цвета сгруппировались в колонках более явно. Дастин ожидал, что эти колонки означают выдаваемое гомеопатическое средство в противовес контрольному солевому раствору, но с препаратом они вообще не соотносились. Наибольшие взаимосвязи отмечались с колонкой, озаглавленной: «Убежденность пациента». Это не было одним из основных параметров, просто малозначащий вспомогательный показатель, дополнительно введенный в форму для выявления эффекта плацебо. Исследователи ожидали стандартного тридцатипроцентного увеличения доли положительных результатов внутри этой группы, но то, что они увидели, более приближалось к 99 процентам. И почти в каждом «плюсе» - высокое доверие пациента к гомеопатии.

- Черти небесные, - проговорил Дастин, как только это увидел. - Да это же распухший на стероидах эффект плацебо!

- А каков процент заметивших улучшение самочувствия, которым сказали, что они получают плацебо? - спросил Летурно.

Дастин поискал нужный цвет для такого варианта и нашел его в самом низу таблицы.

- Совсем невелик, - ответил он. - Но посмотрите на это: здесь почти нет взаимосвязи между успехом и тем, что они в действительности получали. Имеет значение только то, что им сказали.

Летурно покачал головой:

- Значит, вы были правы. Все разбавления, размешивания и встряхивания - полное шарлатанство. Имеет значение только личная вера пациента в лечение.

- Давайте не будем делать поспешных выводов, - предложил Дастин. - Наверняка этому имеется множество других объяснений.

Но чем дальше они исследовали факты, тем более утверждались в своем первоначальном мнении.

- Убежденность, - проговорил Дастин. - Все сводится к этому. Вы исцеляете верой. И это чертовски эффективно, простите мой французский.

- Вера, - с заметным отвращением произнес Летурно. - Вот дерьмо, пardonьте и вы мой франсе. Я думал, что занимаюсь наукой. Пограничной, но все-таки наукой.

- Да так и есть. Посмотрите на эти цифры! Фирма «Пфайзер» за такие мощные взаимосвязи убьет любого. Это отнюдь не то, чего вы ждали от науки.

Беспокойный шум из студийного монитора привлек внимание Дастина:

на экране разгоряченные словесной перепалкой доктор Хелмс и доктор Вестморланд с красными лицами кричали друг на друга, а Шелли пыталась их успокоить. Он услышал ее слова:

- Давайте прервемся, чтобы послушать доктора Вегнера и доктора Летурно. Как ваши дела?

- Надо ли ей говорить? - прошептал Летурно. - Это убьет последнюю надежду альтернативной медицины.

- Чепуха, - сказал Дастин вслух. - Она станет массовой.

- Что станет массовой? - ухватилась Шелли. Вместе с ее голосом доносились звуки перебранки двух ее гостей. Что-то грохнуло, словно опрокинулось кресло, но экраны показывали только Дастина и Летурно, сидящих спиной к зрителям.

Дастин повернулся на стуле лицом к камере и дернул Летурно, чтобы он сделал то же самое.

- Гомеопатия, натуропатия, рэйки*¹⁶... - ответил Дастин. - Да, черт побери, возможно, даже вуду. У нас тут такие взаимосвязи выявляются, что вы просто обалдеете.

- Не надо, - проговорил Летурно, - подумайте о своей карьере.

- Подумайте о карьере каждого, - парировал Дастин. - Это революция! Когда осядет пыль, медицина окажется на расстоянии световых лет от того, где мы находимся сейчас.

- Что? - заволновалась Шелли. - Что вы обнаружили?

Дастин снова крутанулся в кресле и указал на экран.

- Сделайте это покрупнее, - попросил он оператора в дверном проеме.

- Здесь нет ничего сложного, любой разберется.

Бегущая строка выдавала комментарий: «Доктор потерял разум при решении безумного вопроса» и «Второе мнение: он шарлатан». Дастину было все равно. Эксперимент можно было повторить. Это наука. И ведь удар нанесен по всему, что практически каждый якобы знал о медицине из воды.

Беда в том, что подавляющее большинство склонялось к существующему положению вещей и намеревалось с ходу отвергнуть открытие Вегнера и Летурно. Через пару секунд после их заявления враждующие гости Шелли Нгуен объединили силы для разоблачения защитников гомеопатии, обвинив их в мошенничестве, крюкотворстве и вообще в должностном преступлении, и это было лишь верхушкой айсберга.

Дастин описал результаты совместного эксперимента в статье и попытался куда-нибудь ее пристроить, однако отказы в публикации последовали и от «Журнала Американской медицинской ассоциации»,

---

¹⁶ * *Рэйки* - духовная практика, основанная в 1922 году японским буддистом Микао Усуи. В ней используется техника так называемого «исцеления путем наложения рук».

и от «Природы», и от «Медицинского журнала Новой Англии». Ее не взял даже «Ланцет».

Шелли Нгуен проявила милосердие - или она просто умела привлекать зрителей где угодно и когда угодно - и вернула Дастина в шоу, но теперь доктор Вегнер оказался по другую сторону баррикад: он пытался убедить скептически настроенного врача традиционной медицины, что факты исследования подлинны, и пока стойко выносил не возражения по существу, а личные выпады касательно своей честности, принципиальности и умственных способностей, в общем, все то, что он с наслаждением высмеивал в других не так давно.

Наконец ему это надоело. Прервав своего мучителя на полуслове, он сказал:

- А знаете ли вы, что на самом деле есть наука?

- Естественно, знаю, - ответил доктор Уоррен Морган из Национального института здоровья и качества медицинской помощи Великобритании. - И кто об этом забыл, так это точно вы.

- Что бы вы сделали, если бы имели неопровержимое доказательство, что вера лечит?

- У вас нет такого доказательства. И я как раз...

- Я спрашиваю не об этом. Я спросил, что бы вы сделали, если бы оно у вас было? Что бы вы как ученый сделали с фактами?

- Вопрос не имеет смысла. Таких фактов не существует. Не может существовать. Это...

- Значит, вы признаете, что закоснели в собственном консерватизме до полной невозможности умозрительно представить свои действия при наличии фактов, которые противоречат той якобы истине, в которую вы верите.

- Я ничего такого не признавал, - быстро проговорил доктор Морган.

- Тогда ответьте на вопрос. Если бы у вас было доказательство, что излечение верой существует, что бы вы сделали?

- Конечно, - начал доктор Морган, - совсем не то, что пытаетесь сделать вы. Хождением в народ с этим вашим плохо проведенным экспериментом вы подрываете веру в традиционную, научную медицину.

- Так проблема в этом? Я заставляю людей утратить веру? - Дастин рассмеялся. - Значит, вас беспокоит не наличие веры, а ее предмет? - Он подался вперед, не давая Моргану возразить. - Вы будете скрывать факты, которые конфликтуют с вашим видением мира, ведь это приведет к тому, что люди потеряют веру в систему. И вы называете это наукой?! Я вам покажу науку. - Он обратился прямо в камеру, держа перед собой рукопись своей статьи. - Здесь у меня содержатся данные, которые без тени сомнения доказывают: вера человека в лечение исцеляет в 99 процентах случаев. Не имеет значения...

- Ерунда! - воскликнул Морган.

- ...во что вы верите, если вера ваша крепка. Могу с уверенностью сказать, что если вы положите руку на экран телевизора, пока я держу статью с описанием исследования перед камерой, то вы излечитесь от бессонницы, и если вы поверите в это, то так и случится.

- Вы не сможете этого доказать, - проворчал доктор Морган.

- Смогу. Давайте попробуем. Спорим на тысячу баксов, что по меньшей мере 80 процентов людей, кто сделает это, завтра позвонят и расскажут, как крепко и сладко они спали. Я бы поставил на 99 процентов против некоторого числа неприкаянных душ, которые больше поверят вам. Но здесь у меня чистые научные данные, и держу пари, что люди скорее примут правду, чем мнение любого количества так называемых ученых, прячущих голову в песок при появлении фактов, которые им не нравятся.

- Вы хотите продемонстрировать лечение верой? - вмешалась Шелли.
- Прямо здесь и сейчас?

- Почему бы и нет. Лично я уверен в действенности этого метода. И факты это подтверждают. Готов держать пари, что многие люди вне нашей студии тоже в это верят. По всей вероятности, сегодня вечером я могу помочь большему количеству людей, чем вылечил за всю свою медицинскую карьеру.

- Это не то, чем нужно хвастаться, - фыркнул доктор Морган.

- Завтра утром посмотрим, кто здесь хвастает, - парировал Дастин. - Итак, дело в следующем, - сказал он в камеру, и миллионы людей внимали ему. - Если вы страдаете бессонницей, встаньте и подойдите к телевизору. Если вы не можете встать, просто потянитесь к экрану. Я взмахну рукописью три раза, и поскольку вы верите, что так гласит научно разработанный эксперимент двойной анонимности, это подействует - ваша бессонница будет излечена.

- Это просто смешно, - скривился доктор Морган.

- Перед нами будущее медицины, - произнес Дастин. - Принимайте или отвергайте, вы останетесь динозавром. Все готовы? Положите руку на экран! Потянитесь к силе науки! На счет три... Один... два... три!

- Он трижды взмахнул рукописью. - Ваша бессонница уходит. Теперь идите спать, добрых вам снов. Завтра утром позвоните мне и расскажите, как вам спалось.

Слева раздалось необычное мягкое шуршание, Дастин тут же повернул голову и увидел, что Шелли сползает с кресла, безвольно свесив голову набок. Вместе с доктором Морганом они бросились и успели подхватить ее, пока она не стукнулась о подлокотник. Инфаркт? Инсульт? Годы практики помогли Дастину за несколько секунд определить состояние журналистки. Она в полном порядке. Просто заснула.

- Ну, доктор, - сказал он Моргану, - какие еще вам нужны доказательства?

Доктор Морган. взглянул на тихонько посапывающую ведущую. Потом на рукопись в руке Дастина.

- Думаю, я бы хотел поподробнее ознакомиться с вашими фактами, - кивнул он.

Перевела с английского Татьяна МУРИНА

© Jerry Oltion. Quack. 2011. Печатается с разрешения автора.
Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2011 году.

СТИВЕН БЁРНС

ЖДИ!

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Президент Соединенных Штатов, явственно взволнованный только что услышанным, подходит сзади к эмиссару Плохих Земель.

Наклоняется и нюхает его.

Когда же он выпрямляется, выражение у него задумчивое и озадаченное. Эмиссар в тревоге замирает.

- Сэр? - нервно спрашивает он.

Неожиданно президент обезоруживающе улыбается. Он хлопает эмиссара по плечу:

- Да уж, задал ты мне задачку. Мне необходимо какое-то время, чтобы поразмыслить над ней.

- Конечно, сэр. Это... э-э... очень важная новость.

- Именно. Мой помощник проводит тебя в комнату отдыха, а я пока обдумываю, как реагировать на предложение, которое ты принес.

В глазах эмиссара вспыхивает искорка страха.

- Сэр?

Президент обнимает его за плечи.

- Ты почетный гость Белого дома, друг мой. Здесь тебе не причинят вреда, и ты можешь оставаться столько, сколько захочешь.

И снова легендарное обаяние президента творит чудо. Эмиссар благодарно улыбается и кланяется:

- Благодарю вас.

- О нет, это тебе спасибо. - Он поднимает руку, подавая знак, чтобы посетителя увели, как следует напоили и накормили и одновременно с этим осторожно прозондировали его мозг на предмет полезной информации о враге.

Когда эмиссара уводят, я снова захожу в Овальный кабинет. Президент уже вернулся к своему столу. Он садится медленно и осторожно, словно опасаясь, что все те новости, которыми загружена его голова, вдруг перемешаются.

- Ну? - вопрошает он, когда я предстаю перед ним.

- Он верит в то, что говорит, - отвечаю я.

Кивок.

- Я тоже так считаю.

- Но сам он не видел предлагаемого.

- Нет. Он лишь посланник, - президент пожимает плечами, - и может искренне верить в то, что ему велели сообщить. Но я не оставил бы его хозяина наедине с овцой.

Я усмехаюсь подразумеваемому заключению, что овца наверняка будет изнасилована или съедена - а скорее всего, и то, и другое.

Миг потехи проходит, и президент вздыхает:

- Если все это правда, то перед нами грандиозное...

- Затруднение? - предлагаю я.

- Завернутое в передрагу и посыпанное сверху дилеммой. Любое соглашение приведет...

Именно так он обычно и выясняет мое мнение. Не напрямую, но предоставляя мне возможность вставить слово для обобщения данной

ситуации.

- К проблемам?

Он отзывается смехом:

- Милое словечко для обезьяньей ловушки из колючей проволоки*¹⁷.

- И все-таки это хоть какая-то возможность.

- Да, но какая? - Он заглядывает мне в глаза. - Ну так как, по-твоему, нам поступить?

Ответ на его вопрос очевиден, хотя он и не из тех, что мне особенно нравятся.

- Нам придется проглотить наживку и все выяснить. То есть сыграть по правилам Вольфа.

- И если предлагаемое существует...

На этот раз подходящего слова я не нахожу. И вместо этого говорю:

- Ты хочешь, чтобы я отправился немедленно. - Это даже не вопрос, а заключение.

- Да. Как можно скорее.

Важность и безотлагательность моей поездки президент подчеркивает, предоставляя мне самолет с пилотом.

Я с облегчением узнаю, что летчиком будет Хлоя - лохматая, не ведающая покоя и не отличающаяся особой почтительностью сука-дворняжка, как она сама представляется. Она любит полеты, живет ради них. В отличие от большинства нашего племени.

- Эй, босс! - весело вопит она, завидев меня. - Ну как, готовы поматросить облака? - и для пущей наглядности покачивает бедрами.

- Готов как никогда, - отвечаю я скорбно. - Я уже переписал завещание.

- Круто! А мне что-нибудь оставили?

На самом деле мы играем. Я летал с Хлоей множество раз. Она лучшая из корпуса летчиков Белого дома. Хотя не то чтобы у нас их так много - мы не слишком доверяем небесам.

- Нет, конечно, - отвечаю я. - Ведь если мы разобьемся, то погибнем оба.

- Тогда лучше не разбиваться.

- Можешь заверить это распиской?

Когда нам навязали Перемену, наша физиология была перестроена, дабы полностью соответствовать физиологии пришельцев, которые нас «освободили». И она, как бы смешно это ни звучало, является частичным отражением и физиологии наших прежних хозяев. Мы стали выше. Теперь нам не составляет труда держаться прямо, а передние

---

¹⁷ * *Обезьянья ловушка - сетчатый садок с бананом внутри, отверстие которого достаточно большое, чтобы в него прошла лапа обезьяны, но не настолько, чтобы животное могло вытащить лакомство. (Здесь и далее прим. перев.)*

лапы превратились в руки с пальцами. Был переделан и речевой аппарат, чтобы мы могли разговаривать.

Наш разум - разнородная смесь того, кем мы были прежде, и разума исчезнувших людей.

Как это было проделано?

Мы понятия не имеем, и отнюдь не потому, что не размышляли над этим. Просто в науке и технологиях мы все-таки новички: вплоть до самой Перемены никто из нас не мог даже заказать пиццу по мобильнику - теперь-то мы проделываем это с легкостью.

Благодаря этому новому навыку пиццерии стали одним из наших самых быстрорастущих секторов экономики.

...Взлет ужасен, но без осложнений. Он и посадка, по моему мнению, - две составляющие полета, которые более остальных заигрывают с самоубийством. У посадки, по крайней мере, есть то преимущество, что после нее можно выбраться наружу и поцеловать землю. Моя любовь к твердой почве будет оставаться неразделенной на протяжении нескольких часов.

Сверху Вашингтон выглядит в основном так же, как и до Перемены, и все же есть заметные отличия. Транспортный поток гораздо слабее, передвигаются больше пешком да на велосипедах. Вид города подпорчен обугленными руинами зданий - рубцами от несчастных случаев, имевших место в ходе Перемены. Их компенсируют лоскуты свежей, яркой зелени там, где природе позволено вернуть себе участки, некогда закатанные под бетон и асфальт.

- Бывали в Колорадо раньше? - интересуется Хлоя, отрывая меня от созерцания земли.

- Вообще-то, да. Еще до того...

- И как оно - «до того»?

Я помню бег по снегу и небо - такое большое, что, казалось, никогда не кончится. Я помню, что был безумно счастлив и совершенно беззаботен. Я отмахиваюсь от видений, опасаясь погрузиться в ностальгию, и угрюмо отвечаю:

- Теперь это не имеет значения.

- Потому что теперь это часть Плохих Земель.

- Самая их черная суть.

- Там все так скверно, как говорят?

Я смотрю, как Вашингтон под нами становится все меньше и меньше, и у меня возникает отчаянное чувство, что я покидаю его навсегда.

- Скоро мы это выясним.

Страна - или, другими словами, нация - понятие для нас не столь естественное, в отличие от менее абстрактных представлений о сфере влияния и территории обитания.

Мы унаследовали страну, которая называлась Соединенные Штаты Америки. Мы вовсе не строили ее, не изменяли, и хотя здесь к тем, кем

мы были раньше, относились получше, чем во множестве других мест, она все-таки не была нашей, пока ее нам не вручили.

подавляющее большинство из нас было убеждено, что сверхстая или метастая под названием Америка должна сохраняться как можно больше похожей на ту, каковой она была до Перемены. Почему?

Я много думал об этом и провел бесчисленное количество часов, подробно обсуждая данную тему с президентом. Однако так и не пришел к какому-либо твердому заключению. Возможно, отчасти подобный подход можно объяснить чувством преданности нашим бывшим хозяевам и тому, что было для них важно. А отчасти можно списать на интеллектуальное наложение, доставшееся нам от них.

Вот и вся подоплека того, как нам случилось обладать столь удачным и действенным многообразием увлечений и занятий и почему у нас есть фермеры, полиция, политики, медики, учителя, повара и даже пивовары. Перенос.

Вот так, я уверен, нам и достался самозванный генерал Вольф, злобный сепаратист-головорез с теми же первобытными манерами и жестоким характером, коими обладал его бывший владелец.

А может, мы столь отчаянно пытаемся поддерживать прежнее в тайной надежде, что создавшие его однажды снова вернутся?

Я просыпаюсь и обнаруживаю, что повис вверх тормашками в натянувшихся ремнях, а в какой-то паре метров от моей головы несется растрескавшийся бетон. Я издаю визг и вцепляюсь в кресло, не сомневаясь, что через миг погибну в огненной катастрофе.

- Эй, босс, - радостно окликает меня Хлоя. - Как поспали?

- Какого черта ты делаешь? - захожусь я воем.

Она хмурится на меня, не понимая, с чего это я бьюсь в истерике. Затем ее глаза расширяются:

- То есть почему мы так летим?

- Да! - рычу я, стараясь не смотреть вверх... или вниз.

- Сейчас, дайте-ка. - Мой желудок выворачивается наизнанку, когда земля отдаляется, и потом еще раз, когда самолет переворачивается. Мы снова в горизонтальном полете. - Вот. Так лучше?

Вообще-то испугать меня не так просто, и к бурным реакциям я тоже не склонен, однако пробуждение на грани смертельного опыта все-таки изрядно напугало меня, а жизнерадостная интонация Хлои немедленно разожгла во мне пламень гнева.

- Плохая собака! - ору я. - Да ты хоть... - Ее морда принимает потрясенный и уязвленный вид, и до меня доходит, какую непростительную вещь я только что сказал.

Моя ярость исчезает так же внезапно, как и вспыхнула.

- Прости, - говорю я. - У меня вырвалось. В качестве оправдания: я чуть не обделался от страха. Тебе повезло, что мое кресло не надо отмывать.

- Я вовсе не хотела этого, - отвечает она кротко. - Правда.

- Знаю. Уверен, у тебя есть все основания летать вверх тормашками в двух метрах над землей со скоростью около двухсот километров в час.

- Я выдавливаю из себя улыбку. - Хотелось бы их услышать.

Хлоя не из тех, кто держит зло подолгу, и я вижу: она сожалеет, что так меня напугала. Я прощен, а это многое значит.

Радио издает какое-то бормотание, пытаюсь привлечь ее внимание, но она пропускает звуки мимо ушей.

- Ну, вы знаете: что-то у нас получается, а какая-то фигня нет. И обслуживание аэропортов у нас, если честно, как раз полный отстой. Вот я перед посадкой и проводила тщательный осмотр взлетно-посадочной полосы.

- Перед нашей посадкой все должны были привести в порядок.

- Так и есть, босс. Я связывалась по радио. Разрешение на посадку есть. Заправщики наготове. Они организовали прием с едой и прочим. - Она качает головой. - Но я не сажаю эту развалюху, пока не убеждаюсь, что какой-нибудь придурочный кобель не оставил дерьма на моей посадочной полосе.

- Весьма хорошая практика.

- Да уж, не сомневайтесь. В прошлом месяце я спаслась только чудом. Так и не поняла, было это халатностью или диверсией, да и не моя это печаль. Главное - сесть так, чтобы потом было чему взлетать.

- Спасибо за твое... внимание к деталям, - говорю я. - Но в следующий раз не могла бы ты все-таки предупредить меня заранее?

Ко мне обращается светящийся радостью глаз:

- Думаете, поможет?

- Наверное, нет, - отвечаю я с таким унынием, что она взрывается смехом.

Хлоя сообщает, что аэропортом в Топике заведует лохматая помесь по имени Фрэнни. Сверху все выглядит вполне пристойно. Посадка проходит гладко, и с диспетчерской вышки нас направляют в частный сектор, поменьше размером и более закрытый.

Изъян в организации под управлением Фрэнни становится очевиден, только когда мы вступаем в зал прилета. Новость о нашем прибытии уже просочилась, и нас поджидает мэр Топики.

Он налетает на меня, как кошка на мышь, весь извергаясь гостеприимством.

- Добро пожаловать в Топику! - ревет он, схватив и энергично встряхивая мою руку. Хлоя благоразумно держится позади, предоставив мне страдать от сюсюканий в одиночестве.

- Спасибо, - отвечаю я, пытаюсь высвободить руку. Разум мой более занят тем, как бы отлить да перекусить, нежели строить из себя политика.

- Пожалуйста, сэр! Я всегда рад, когда кто-нибудь из Капитолия

навещает нас здесь, в глубинке! - Сие провозглашается, словно некое воззвание, и я уже начинаю ожидать, что мне вот-вот вручат ключ от города.

На выручку приходит Фрэнни, сама учтивость, с извиняющимся выражением на морде:

- Сэр, мы понимаем, что у вас был долгий перелет. Туалет вон там, а затем вы можете перекусить, пока ваш самолет будут дозаправлять.

- Точно! - энергично поддакивает мэр. - Сходите задрать лапу, а потом возвращайтесь и отведайте лучшей еды, которую может предложить Топика! У нас все готово для пира!

- Спасибо, - бормочу я, направляясь в указанную Фрэнни сторону и отдавая себе отчет, что мое бегство будет лишь временным. Я пытаюсь утешиться новостью, которую принес мой нос: я чую бифштекс.

* * *

- М-да, ну и потеха была, - ворчу я, когда мы снова оказываемся в воздухе.

- Простите, босс. Предполагалось, что мы сядем и взлетим без всякого шума, но кто-то проболтался. Хотя не могу сказать, что удивлена.

- Почему же?

Она смотрит на меня как на полного идиота.

- Вы из Капитолия, босс.

- И?

- Мне как летчику приходится путешествовать, так? А места здесь весьма изолированы. И самолеты с народом из Вашингтона или откуда-нибудь еще появляются отнюдь не каждый день.

- Не так уж они и отрезаны, - не соглашаюсь я. - Есть телевидение, радио и интернет. Поезда ходят достаточно регулярно. А на дорогах еще и автобусы, и личный транспорт.

- Ну да, но мобильность все-таки низкая. Поэтому вы, большие шишки, так заметны. У нашего вида особые потребности. Нам нужно... - Она умолкает, подбирая подходящие слова. Я жду: мне любопытно, что же она скажет. - Мы намного больше зависим от... м-м... социального контакта первого порядка. Ну, лицом к лицу. Увидеть позу, разглядеть глаза и хвост, блин, обнюхать. Ваш прилет из Вашингтона подтверждает, что столица действительно существует. А то будет, как с Распадом.

- Что ты имеешь в виду? - Распадом прозвали прилегающую к Плохим Землям территорию. Ту область, где, вопреки всем нашим усилиям, продолжает распространяться влияние Вольфа.

- Военные и полиция не справляются, так ведь? Агенты Вольфа внедряются в Распад и впаривают, как, по их мнению, нужно править. Распространяя недовольство. Или страх, если другое не срабатывает. Они говорят, что вас - правительство - ничто не волнует. Вы ведь знаете об этом?

- К нам поступают такие сведения.

Она насмешливо фыркает:

- Босс, наши носы остались при нас. Мы чуем пук за километр и узнаем, что издавший его съел на обед. Я говорю, чего они на самом деле стоят. Вы хотите выпереть задницу Вольфа из Распада? Пошлите туда народ из Вашингтона и благополучных штатов. Покажите им, что США нечто большее, нежели пресловутый затхлый пук, что они все нюхают, от обеда, которого им не отведать.

- Это, несомненно... интересный подход к проблеме.

Хлоя пожимает плечами.

- Я всего лишь говорю, что вижу.

- Или чуешь.

Она кивает:

- В самую точку.

Плохие Земли от остальной страны не отделяются ни стеной, ни оградой, ни песчаной полосой, ни желтой оградительной полицейской лентой, ни проволочным ограждением. Я узнаю, что мы уже влетели во владения Вольфа, только потому, что об этом говорит Хлоя. Она продолжает объяснять, что мы должны следовать весьма специфичному курсу, высланному ей.

- Это чтобы уклониться от других самолетов? - спрашиваю я.

- Не-а. Во всяком случае, мне неизвестно, что у Вольфа есть летчики.

Подобное я уже слышал.

- А почему?

- Потому что пилот должен соображать, - самодовольно сообщает она.

- Забавно. Я слышал, что квалификацию получают только те пилоты, у кого достает ума не высовывать голову из окна во время полета.

Она смеется.

- Неплохо, босс.

- Ну так почему же здесь нет летчиков?

- Как я сказала, пилоты сообразительны. Все, кому хватало ума, чтобы выполнить взлет, смылись, как только Вольф поднял вой.

- Почему же?

- Клоун вроде него, лишь только заполучив летчиков, сразу же начинает думать о военных самолетах. Стрелять? Бомбить? Нет уж, спасибо. Полет - слишком увлекательная штука, чтобы портить его подобным дерьмом.

- Тебя и твоих коллег стоит похвалить за ваше здравомыслие. Зачем

же тогда извилистый намеченный курс?

- Тут, внизу, одни чокнутые. Говорят, они стреляют по всему, что движется, и съедают то, что после этого остается. И в обстановке полной паранойи блестящий самолет вроде нашего наверняка примут за часть вторжения - и за приглашение на обед с доставкой по воздуху.

Подобное доходило и до меня. Нам удалось внедрить несколько информаторов в Плохие Земли, и большинство из них сообщали о случаях до безумия острого реагирования на мнимые угрозы, а каннибализм становится даже меньшим преступлением, чем передвижение.

Не очень-то многие из нас копаются в шестеренках и винтиках - точнее, в крови да кишках - человеческой истории.

Я копаюсь. Да я просто удержаться не могу, совсем как когда-то не мог устоять перед провокациями белок. Вольф не испытывает недостатка в предшественниках из чужой расы. Испытавшие его правление на себе, как правило, разделяются на два лагеря: запуганные и истинно верующие. Его фанатичные последователи, особенно извлекающие выгоду от режима, под надлежащим образом действий понимают все, что помогает им удержаться у власти.

Человек по фамилии Голдуотер^{*18} однажды произнес фразу, ставшую крылатой: «Экстремизм в защиту свободы - не порок». Звучное, потенциально смертельное заявление, согласно которому экстремист заведомо является тем, кто отстаивает смысл оправдывающей все и вся свободы. Вольф, как и многие до него, оправдывает жестокость собственной концепцией свободы. Полпотовское самообеление. До белизны груды черепов.

- И где мы приземляемся?

Хлоя качает головой.

- Может, в Нетландии^{**19}. Мне предоставят необходимую информацию, только когда мы достаточно углубимся в воздушное пространство Плохих Земель. Когда у нас, по их подсчетам, не останется топлива на возвращение, как я думаю.

- Вот это параноики, вот это я понимаю. А у нас будут проблемы с топливом?

- Не-а. Для этого-то мы и заправлялись в Топике. Так что запаса дальности мне вполне хватит, чтобы по-идиотски покружить да попетлять здесь, и еще останется, чтобы покрыть кучу километров между нами и этой свалкой.

---

¹⁸ * *Барри Моррис Голдуотер (1909-1998) - американский политик, придерживавшийся реакционных взглядов.*

¹⁹ ** *Нетландия - вымышленная страна из произведений шотландского драматурга и романиста Джеймса Мэтью Барри (1860-1937) о Питере Пэне.*

- Похвальный подход.

- О, мой звездный час, босс. - На миг она умолкает. - А наша миссия действительно столь опасна?

- Мы вроде висим на высоте в треклятом разреженном воздухе, находясь в чертовой стальной трубе?

- Чувствовали бы себя спокойнее в метре от земли?

- Спасибо, не надо. Что касается твоего вопроса, все, что я могу сказать: у Вольфа дела идут отнюдь не гладко, и даже хуже, чем это известно массам. Из-за нашего эмбарго и их жалких мер нехватка продовольствия становится все острее. Из-за утечки мозгов и отсева у них осталось крайне мало тех, кто знает, как эксплуатировать и восстанавливать ключевые узлы инфраструктуры. Множество важных постов розданы лояльным, а не сведущим. Он впадает в отчаяние. В такое отчаяние, что связался с нами и предложил кое-что на обмен.

- Наверняка кое-что особое.

- Да.

- И что же?

- Предпочитаю не отвечать. Пока.

- Вы мне не доверяете?

Я покачал головой.

- Тебе я полностью доверяю. Я себе не доверяю.

И это полная и неприкрытая правда.

Мы кружим над аэропортом. Хлоя несколько минут спорит с кем-то, считающимся наземной службой управления, настаивая - весьма громко и порой до умопомрачения грубо - на хотя бы одном низком проходе перед посадкой для визуального контроля посадочной полосы. Однако в этом требовании ей упрямо отказывают.

Она бросает взгляд на меня, дико вращая глазами и делая неприличный жест. Я беру свисающий рядом головной телефон, прилаживаю микрофон и затем говорю ей:

- Дай-ка я.

Она вопрошающе вскидывает голову. Я киваю. Тогда она ухмыляется и произносит:

- Ну держись, тупица. С тобой хочет поговорить мой босс.

Когда мой микрофон включается, я призываю свой лучший глас альфа-самца:

- С кем я разговариваю?

- Это Ральф, - отвечает голос, елейный от услужливости.

- Это Мерлин, личный представитель Президента Соединенных Штатов. Выбирайте из двух, Ральф. Либо сейчас же удовлетворяете просьбу моего пилота, либо начинаете обдумывать, как вы объясните тем, перед кем в ответе, почему мы развернулись и полетели обратно в Вашингтон, не встретившись с генералом Вольфом, как было договорено.

- Подождите... - голос Ральфа дрожит в явной панике.
- Мы уже достаточно ждали, - отрезаю я так сурово, что шестерка в башне, наверное, обмочился. - Пилот, разворачивайте самолет.
- Я вовсе не... - Пауза. - Эх, даю добро на пролет и проверку взлетно-посадочной полосы.

Я стягиваю наушники. Хлоя едва сдерживает смех:

- Обследую вашу полосу через минуту, - говорит она. - ВВС 10, конец связи. - Она убирает микрофон, и рот ее растягивается в хитрющей улыбке. - За это я совершу облет правым бортом вверх.

- Буду крайне признателен, - отвечаю я.

Наш вид большей своей частью не страдает тем увлечением и любовью к оружию, что выказывались людьми. Однако в Плохих Землях оружие, судя по всему, вновь восстановило свой статус. По выходе из самолета нас окружают более десятка вооруженных до зубов псовеков - все кобели, стая мастиффов, питбультерьеров и доберманов.

Хлоя ловит мой взгляд. Я догадываюсь, что она прикидывает, не стоит ли нам поднять руки перед таким грозным приемом. Сначала я слегка качаю головой, а затем широкими шагами стремительно подхожу к вожаку. Опознать его весьма просто, поскольку он является гордым обладателем самого неприятного хмурого вида, наибольшего количества оружия и кричащих знаков отличия.

- Ну? - резко требую я.

Его вид становится еще более хмурым.

- Что?

- Вы здесь, чтобы отвезти нас куда-то, или же вам лишь приказали стоять вокруг с видом, как будто вы и вправду крутые?

Мастифф ощетинивается.

Я обнажаю зубы.

Приверженность к стайному порядку, эта система «доминирование-подчинение», так и осталась частью нашей души - и в период Перемены, и после нее. Но лишь те из нас, кто обладает склонностью к наукам, удостоили ее размышлений.

Внутри всех нас сосуществуют примитивное и цивилизованное. Напряженные узы между ними создают нечто вроде психологической болевой точки. И ее понимание, и способность ею манипулировать весьма полезны - как если владеешь особой формой поведенческого кунг-фу.

Милиционер, перед которым я стою, в звании майора. Он крупнее меня, тяжелее, вооружен так, словно ожидает начала войны в любую секунду, и его поддерживает группа склонных к насилию животных, обладающих теми же особенностями.

И все же он не более чем представитель среднего ранга в мощной организационной структуре-стае, подчиненный неизвестно скольким

вышестоящим. Я же, с другой стороны, ответственен только перед одним лицом - перед самим президентом. Даже здесь я воспринимаю этого майора с доминирующей позиции, без восхищения, уважения, дружелюбия и согласия с его задачами и используемыми им средствами для их выполнения. Без всякого страха или любого другого чувства подчиненности.

Это не оспаривается. Мастифф съезживается, его хвост опускается.

- Ну? - снова говорю я, еще резче.

- Сюда, пожалуйста, - отвечает он с подобострастной улыбкой.

Хлоя и я сидим на заднем сиденье длинного черного лимузина, огражденные от жары и пыли, пока он мчит по пустынному шоссе через бесплодный ландшафт. К пункту назначения спереди и сзади нас сопровождают несколько военных автомобилей.

Присутствие Хлои - результат короткого и тихого спора. Она хотела остаться со своим драгоценным самолетом, дабы никакому «безмозглому сурку» не вздумалось подурачиться с ним. Я настаивал, чтобы она меня сопровождала. Хотя мне достаточно было отдать приказ (впрочем, с весьма низкой вероятностью, что она ему подчинилась бы), я все же назвал одну из нескольких причин, почему ей следует оставаться со мной: если мы во что-нибудь вляпаемся, нам будет легче найти другой самолет, нежели мне найти другого пилота.

Теперь она смотрит в окно, выискивая подходящие заблудшие самолеты, я же занят своим ноутбуком. С него выйти на связь я не могу, поскольку в Землях нет сотовой связи - ее обрубил. Кое-какие проводные линии все еще работают, и весь трафик по ним тщательно отслеживается. И все же благодаря моему спутниковому телефону кое-какая возможность у нас есть. Я допускаю, что салон, в котором мы едем, нашпигован жучками, и поэтому работаю над правительственным докладом о психологической модели псовеков, родившихся после Перемены. Тех, кто не помнит прежнего.

Я хотел, чтобы Хлоя была со мной, не только из-за ее умения управлять самолетом. Она сообразительна, уравновешена, проницательна и забавна, а ее непоколебимая непочтительность - своего рода оружие. Дружественная морда послужит поддержкой в недрах распадающейся империи Вольфа. Наконец, есть и еще одна причина, о которой я умолчал. Я не уверен, что в аэропорту ее защитила бы дипломатическая неприкосновенность, которой мы вроде бы обладаем. Хищность и несдержанность, как сообщали, являются характерными признаками вольфовской элиты.

- Босс? - голос ее необычно напряжен.

Я отрываюсь от ноутбука и прослеживаю направление ее взгляда.

К телефонному столбу приколочена необструганная деревянная балка. На ней висят шесть тел - вероятно, семья, судя по размерам трупов. Когда мы проезжаем мимо, лимузин замедляет ход, дабы мы

полюбовались зрелищем.

- Видать, они вкусили все прелести пресловутой системы правосудия, установленной после введения военного положения, - говорю я тихо.

- Это ужасно, - хрипит она.

- Да. Это и должно потрясать и ужасать. Заметила что-нибудь еще? Она снова разворачивается, чтобы посмотреть в черное окно.

- Вроде чего?

- Куча тел, а стервятников нет.

- И что это означает?

- Согласно сообщениям, они съедают все, что ни забредет в Земли, наряду с тем, что могут убить или выкопать здесь. Если осмотреть местность, то наверняка можно обнаружить снайпера, поджидающего какого-нибудь падальщика, привлеченного вонью.

Она шокирована моими словами. Я сам был шокирован, когда впервые прочел об этом.

- Эти тела... приманка?

- Помимо всего прочего... вроде рекламы стоимости испорченных отношений с политикой Вольфа.

- Это ужасно!

- Для всех, кто замешан, - соглашаюсь я. И умалчиваю о том, что они вдобавок отстреливают и едят наших родственников, койотов.

* * *

Мы прибываем на военную базу, погребенную в недрах горы, - пережиток времен до Перемены.

Степень и род активности, на которую мы наталкиваемся по пути, предполагают, что это и есть официальная резиденция Вольфа. Сей факт несколько не удивителен. Подобные ему склонны укрываться в крепостях, словно черви под камнями.

Эта поездка впишет последнюю страницу в неясные сообщения за трехлетний срок, что у Вольфа в рукаве якобы припрятан туз, который он намерен выложить в нужный момент.

Теперь-то этот туз и разыгрывается.

Собаки играют в покер^{*20}. Бешено популярная картина в эпоху после Перемены.

Она была бы забавной, если бы не навевала столько воспоминаний.

Нас везут в недра горы, через многочисленные уровни защиты, такую запутанную полосу препятствий, словно намекающую на раскручивающуюся спираль паранойи Вольфа. Я замечаю: чем глубже

---

²⁰ * *Серия картин, нарисованных американским художником Кассиусом Маркеллусом Кулиджем (1844-1934).*

мы продвигаемся, тем меньше вооруженной милиции. Видимо, мы приближаемся к той части базы, которую Вольф называет своим домом. Вряд ли кто в его положении желал бы, чтобы в непосредственной близости находились вооруженные особи, за исключением личных телохранителей. Стоит устроить переворот - и обзаводишься страхом, что начал цикл, который тебя переживет.

Хлоя грустнеет с каждым мигом. Не могу винить ее за это - с едва ли не целой горой над головой она не счастливее меня в километрах над поверхностью земли. Это как раз одно из тех мест, где псовекам приходится иметь дело с двумя противоположными побуждениями. С одной стороны, нас до сих пор тянет укрыться в логове, в каком-нибудь безопасном и неуязвимом месте. С другой же - мы испытываем величайшие неудобства при стеснении свободы, будь то клетка или загон.

Что до меня, то поводов для беспокойства и без того слишком много.

Автомобиль останавливается. Милиционеры, встретившие нас у самолета, высыпают из джипов и грузовиков и окружают наш лимузин. На этот раз оружия при них поменьше, и к тому же все оно убрано в кобуры.

Майор-мастифф, которого я запугал в аэропорту, отрывистым жестом, словно мы заставляем его ждать, указывает:

- Сюда.

Нас ведут еще глубже в гору через широкий залитый светом туннель. Звук наших шагов едва слышен, сапоги же эскорта отдаются громким топотом. Место источает запахи стали, бетона и страха, глубокого и гнетущего.

- Мне нравится, как вы обустроили старое место, - бодро провозглашаю я. - А тебе, Хлоя?

- На свету мой мех плохо выглядит, - ворчит она.

- О, зато от него у тебя глаза блестят.

- Не разговаривать, - рычит мастифф.

- Почему? - спрашиваю я. - Опасаешься, вдруг мы скажем нечто такое, что смутит твою разношерстную стайку? Например, что за пределами вашей маленькой дерьмовой республики каждый, а не только кое-как состряпанные подделки солдат, может есть все, что хочет?

- И не забудьте про закон об обязательном воскресном мороженом, босс, - со смехом подключается Хлоя. - Причем не ароматизированном стервятниками.

- Я сказал не разговаривать!

- Но орать-то можно? - вопрошает Хлоя с насмешливой наивностью.

Я не могу сдержать улыбку и похлопываю ее по руке:

- Молчание - золото.

Она фыркает:

- Ага, и еще моча на снегу.

- Наверное, это-то здесь и считается мороженым.

Наш смех отдается звучным эхом, и охранники хмурятся.

Нас подводят ко входу еще более засекреченной зоны. Изначальный эскорт передает нас десятку невозмутимых и молчаливых доберманов, вооруженных электрошокерами и дубинками. Они уводят нас еще глубже в лабиринт туннелей.

Я из тех, кто всегда взвешивает положение. Порой я могу даже чересчур долго обдумывать ситуацию.

Как я поступлю с тем, что ожидает меня, - это занимало мои мысли с тех самых пор, как я впервые услышал о доставленном эмиссаром послании и предложении Вольфа.

Но я все так же не имею представления, что буду испытывать, как действовать или как вообще поступать со сделкой, которую должен заключить.

Наш новый эскорт скуп на слова. Они отпирают тяжелую стальную дверь и жестом велют нам входить.

Дверь за нами закрывается, оставляя нас в залитом тусклым светом зале, некогда служившем чем-то вроде склада. Я чую старость и страх. Заплесневелую бумагу и затхлую пищу. Раздается хриплый голос:

- Кто там?

- Мерлин и Хлоя, - отвечаю я. - Кто вы?

Из груды одеял и подушек в углу, тяжело дыша и постанывая, выбирается и поднимается нечто лохматое и сутулое.

- Бадди.

Обладатель голоса - древний ньюфаундленд, с седой широкой мордой и слезящимися глазами. Он приближается к нам, двигаясь одеревенело и медленно.

- Мы здесь, чтобы увидеть их, Бадди, - говорю я мягко.

Его глаза встречаются с моими.

- Мне сказали... Мне сказали, что кто-то придет наконец-то. Увидеть их. Вы... Вы заберете их?

- Я не знаю, - отвечаю я, пытаюсь отделить надежду от отчаяния в его глазах.

Бадди подступает ко мне поближе, его голос падает до шепота. Он поднимает на секунду глаза вверх, словно выискивая невидимых слушателей.

- Надеюсь, заберете. Они... Они умирают здесь. Не быстро, нет, но верно.

- Ты их слуга? - спрашиваю я, чтобы понять, что он испытывает относительно своей роли в этой крепости, помимо очевидной преданности и участия.

- Слуга. Сторож. Тюремщик. - Он плачет. Не все из нас способны на это. - Я их друг. Единственный, который у них есть.

Словно в благословение, я глажу его по голове.

- Я верю. Мы все невыразимо обязаны тебе.

Он тяжело опускается под моей рукой, и по его согнутой спине я чувствую, как же сломила его эта доля.

Одна, последняя дверь.

Я делаю глубокий вдох и затем открываю ее, зная, что вхожу в миг, где сталкиваются прошлое, настоящее и будущее.

Последствия этого столкновения совершенно неясны.

Эмиссар Вольфа сказал правду. Я явился сюда не в погоне за ложью или мечтой. Меня пробивает дрожь, когда я сначала чую, а затем вижу то, о чем еще буквально вчера сказал бы, что это совершенно невозможно.

Я вижу людей.

Позади меня Хлоя выдавливает из себя:

- Ну ни фиги себе!

Я мог бы выразиться не хуже, позволь себе неконтролируемую реакцию. Для сохранения хладнокровия требуются значительные усилия. Передо мной призраки во плоти, покойники, вернувшиеся из пустоты, которой их предали.

- Здравствуйте, - говорю я, отмечая не без удовольствия, что голос мой совершенно не отражает внутреннего смятения. - Меня зовут Мерлин. Я представитель президента Соединенных Штатов.

Четыре женщины и трое мужчин одеты в какие-то робы не по размеру. Выглядят и пахнут они плохо. Цвет нездоров, кожа дрябла, взгляд пуст и безжизнен. Мое появление вызвало среди них переполох, от страха они сбились в кучу.

- Босс, они настоящие? - шепчет у меня за спиной Хлоя.

- Настоящие, - отвечаю я. - И нас послали им помочь.

Самый старший из них, женщина с небрежно подрезанными седыми волосами, поднимается и делает шаг в мою сторону. Я вижу страх в ее глазах, но еще и слабый проблеск надежды.

- Меня зовут Виола, - говорит она тихим, хриплым голосом. Ее лицо слегка перекошено: по-видимому, лицевые или челюстные кости были сломаны и плохо срослись. - Виола Спунер.

- Госпожа Спунер. - Я чуть кланяюсь. - Очень рад с вами познакомиться.

Моя вежливость придает ей уверенности. Она приосанивается и смотрит на меня уже с меньшим страхом.

- Вы вправду от президента?

- Да. Скажите мне, мадам, сколь много вы знаете о том, что произошло, и нынешнем положении вещей?

- Немного, - отвечает она горько. - Мы заперты здесь от всех и всего. Ни телевидения, ни радио, вообще никаких контактов. - Она сникает. - Иногда мы думаем, не сошли ли с ума...

- Почему? - спрашиваю я мягко. Она пытается улыбнуться.

- Нас схватили говорящие собаки и сюда привели тоже говорящие собаки. Бадди - еще один говорящий пес - приносит нам еду и старается заботиться о нас, но он слишком запуган, чтобы рассказывать хоть о чем-нибудь. Он единственный, кого мы видели после пленения.

- И вот появляюсь я. Еще одна говорящая собака.

Печальный кивок.

- Да. Либо мир сошел с ума, либо мы.

- Вы не безумны. Вам многое предстоит узнать. Вы хотите чистую правду или же мне ее подсластить?

Она оборачивается на своих товарищей и потом снова переводит взгляд на меня.

- Полагаю, вам лучше говорить прямо. Мне кажется, мы слишком отупели для тонкостей.

Я ставлю обветшалый армейский стул для нее и другой для себя. Хлоя смотрит на меня в ожидании распоряжений.

- Хватай стул, - говорю я, - и садись рядом со мной. - Я хочу, чтобы Хлоя расположилась таким образом, потому что от нее не исходит никакой угрозы. Напротив, она по-житейски источает расположение к себе, что поможет облегчить разговор.

- Кстати, - говорю я, когда она направляется за стулом, - эта очаровательная девушка - мой пилот Хлоя.

- Собаки и летать умеют? - с сомнением спрашивает Виола Спунер.

- Уж лучше мы, чем свиньи, - со смехом отвечает ей Хлоя.

После того как все расселись, я кратко излагаю историю последних пяти лет. Свою лекцию я адресую Виоле Спунер. Если у меня получится объяснить произошедшее ей, то потом она поможет справиться с ситуацией своим товарищам.

Я, как и просили, прямолинеен.

- Нас, то есть планету Земля, захватили пришельцы.

В обращенном на меня взгляде я читаю вопрос, еще прежде чем она озвучивает его:

- А вы...

- Пришелец? Нет. Но они действительно весьма походили на собак своим видом и поведением. Так вот, они явились, и им не понравилось то, что они здесь обнаружили.

- В смысле?

- Всем заведуют люди, а собаки - домашние животные, имущество, собственность. Для них это было... кощунство. Нестерпимое надругательство. Нечто настолько преступное, что позволить подобному сохраняться для них было непозволительно.

- И что же они сделали?

- Вы должны понять, что, когда это произошло, я и все остальные, жившие в ту пору, были лишь собаками. Поэтому наше понимание - и

выводы, которые мы можем извлечь, - до некоторой степени ограничены. Наш вид был для этих существ такими же пешками, как и люди.

Виола Спунер хмурится.

- Вы готовите меня к чему-то плохому.

- Да. По существу, людей списали. Их интеллектуальный уровень до некоторой степени передали нам. Благодаря чему мы обзавелись способностью к речи, образованностью, приобретенными навыками, мыслительными процессами и даже некоторыми манерами.

- Под «списали» вы подразумеваете... - Ей трудно выдавить из себя это слово. - Истребили?

- Да. Сожалею.

Она качает головой, пытаясь постичь катастрофу умом. Ей это не очень удается, так же, как не удалось и нам. Весь первый год мы провели под черной тучей неверия и скорби, обремененные чувством вины, пускай даже от нас ничего и не зависело.

- Почему же они сотворили такое?

- Они считали, что восстанавливают надлежащий порядок вещей. Псовые на вершине, приматы внизу. Они не тронули мартышек, горилл и прочих. Уничтожили только людей. Мерзких, чванливых приматов, свершивших грех становления господствующим видом. И еще они не тронули наших диких собратьев - волки, койоты и прочие остались такими же.

- Это безумие!

- Да, мадам, безумие, - соглашаюсь я. - И мы ни о чем не просили. Нам навязали это для нашей же пользы. - Я воздеваю руки. - Нас изменили и физически. Предоставили способность ходить прямо. Наши лапы превратились в руки. Наш мозг изменился, чтобы работать почти как ваш. Все это было сделано над нами посредством технологии, которую мы так и не смогли понять, и нас швырнули в новую жизнь практически в одночасье. Они проделали все это с нами, со всей планетой, а потом просто оставили, чтобы мы сами разбирались, как сможем.

Виола Спунер глубоко вздыхает, прежде чем спросить:

- А президент. Он - собака?

Я улыбаюсь.

- Он был собакой. Термин, который мы используем для описания того, чем мы стали - «псовек». Сочетание псового и человека. «Собака» теперь считается уничижительным словом.

Она бледнеет.

- Я не хотела вас оскорблять.

Моя улыбка становится шире.

- Я понимаю. Думаю, вам понравится президент Билл. Он смесь колли и лайки, не породистый. Он проникателен и любит пошутить, а как

президент старается управлять самой большой и странной стаей, которые когда-либо существовали, и делает все, что в его силах, чтобы сплотить нашу страну.

Она качает головой.

- Это похоже на плохое кино.

- «Планета собак», - с усмешкой предлагает Хлоя. - «Рассвет псов».

- Не настолько уж все и плохо, - тоже посмеиваясь, говорю я. - Вот только гарантии счастливого конца нет.

- Или попкорна, - соглашается Хлоя.

Я наклоняюсь вперед, сожалея, что приходится обрывать миг веселья, но мне неизвестно, сколько у меня остается времени на общение с ней, а у меня есть вопросы, требующие ответа.

- Так как же вы здесь оказались?

- Волей случая, как я понимаю. - Она корчит мину. - Хотя не знаю, счастливого или же нет. Судя по тому, что вы только что рассказали мне, во время вторжения мы находились в нескольких километрах под землей, проводя долгосрочное исследование экосистемы комплекса пещер.

Пожалуй, это все объясняет. В первые дни поступали сообщения о людях, которым удалось избежать «списания», поскольку они находились в глубоких шахтах. Сообщения из Китая и Южной Африки считались вполне достоверными, из других же мест не столь надежными. Во всех случаях, о которых я знал, люди, обнаружившие по выходу наружу вместо людей псовеков, впадали в истерику и в последующем хаосе не выживали.

- И что произошло, когда вы вышли?

- Говорящие собаки... - Взгляд искоса. - Простите, псовеки схватили нас и взяли в плен. - Она прикоснулась к своему лицу. - Они не особенно миндальничали. Нас привели сюда, заперли, и с тех пор мы здесь и сидим.

- Возможно, слово «собаки» как раз и уместно для ваших тюремщиков, - говорю я, чтобы несколько разрядить атмосферу. - В этом районе перед Переменной находился оплот движения «Патриоты крови».

- Я помню их. Кучка сепаратистских параноиков, борцов за выживание.

- Она грустно усмехается. - Конечно, так я воспринимала их, всю свою жизнь слушая NPR и сотрудничая с Южным центром правовой защиты нищеты*²¹.

---

²¹ * *NPR (National Public Radio) - Национальное общественное радио, крупнейшая некоммерческая организация, собирающая и распространяющая новости почти с тысячи радиостанций США. Южный центр правовой защиты нищеты (Southern Poverty Law Center, SPLC) - американская правозащитная организация, известная своими образовательными программами толерантности и судебными разбирательствами с расистскими и экстремистскими*

- SPLC несколько уменьшился по сравнению с тем, каким был раньше, NPR же практически не изменилось, - говорю я ей. - Ваше описание очень точное. Некоторые псовеки этого района подхватили дело своих хозяев, организовали стаю - милицию - и захватили власть. Когда это произошло, мы оказались не готовы. И теперь мы большей частью стараемся лишь сдерживать их. Как это характерно для районов, управляемых фанатиками, все здесь разваливается. Вольф хочет использовать вас и ваших друзей, чтобы предотвратить полный крах. Вождь всего этого дерьма - самозванный генерал Вольф.

- Вы здесь потому, что он утрачивает свою власть?

- У него проблем выше головы, и он хочет продать вашу безопасность.

- Мы всего лишь товар?

- Больше у него ничего нет. Помните Северную Корею? Вот здесь нечто вроде нее. Основное ядро - фанатичные верующие, а население жметя по углам. Инфраструктура рушится. Постоянная нехватка продовольствия, воды и топлива. Энергетическая система разваливается. Остальная же страна продолжает традицию рынка, что была до Перемены. А здесь экономическая черная дыра. Мы отказывались от всех предложений торговать с Вольфом. Но вы - то предложение, от которого, как ему представляется, отказаться не сможем.

- Продажа... - Она хмурится. - Вы сказали о продаже нашей безопасности.

Я киваю.

- Что это означает?

- Эта фраза прозвучала, когда нам сообщили о вашем существовании.

Что до ее смысла... - Я поднимаюсь. - Я собираюсь узнать об этом.

Она поднимает на меня глаза.

- Вы нас вытащите отсюда?

- Я не знаю, смогу ли, - не скрываю я.

Взмахом руки она указывает на своих товарищей.

- Мы умираем здесь.

При ответе мне трудно сохранять спокойствие:

- Я знаю.

Когда мы возвращаемся в зал, Бадди уже не один. Он забился в угол, изгнанный новыми посетителями. Вид у него испуганный и измученный.

- Трогательные создания, а? - говорит Вольф, когда Хлоя закрывает за нами дверь.

- Печально, конечно, - отвечаю я, впервые видя правителя Плохих Земель воочию. Все его изображения, распространяемые отсюда, несут на себе печать пропаганды. На каждом из них он выглядит, будто позирует для памятника или же словно аверс на монетах.

На деле же он менее выразителен. Не такой крупный. Старее. Челюсти у него обвислые и убелены сединой. Вольф восседает на стуке, которую можно описать не иначе как паланкин. Я сразу же задумываюсь, носят его для вычурности или же он не может ходить. По сторонам и позади него стоит охрана - тоже доберманы, с электрошокерами, дубинками и холодными отталкивающими взглядами.

Вольф жестом приглашает нас сесть (чтобы не приходилось поднимать на нас глаза, ясное дело). Я подтаскиваю стул и устраиваюсь напротив него. Хлоя размещается сбоку и чуть позади меня.

- Билл не стал терять время с посланцем, - ухмыляется Вольф.

Я пожимаю плечами.

- А зачем тянуть? У нас есть средства для быстрого и эффективного передвижения. - Это отклонение от темы и укол: в нашем распоряжении есть самолеты и летчики, а у него нет.

- Наверняка они вам очень нужны.

- Мы хотели убедиться в их существовании.

Глаза его собираются в линию:

- Моего слова недостаточно?

Как легко и приятно было бы ему сообщить, что цена его слову - как остаткам в кошачьем лотке после съеденной мышки, но уклонение от прямого ответа на вопрос его разозлит не меньше:

- Вы наверняка ожидали, что кто-нибудь явится посмотреть на них. Может, не столь быстро, но все равно придет.

Он хмурится и выдавливает улыбку.

- Итак, вы видели мой небольшой зверинец.

- Видал.

- И?

Я развожу руками:

- Я видел их.

- Ладно, - бросает он нетерпеливо, - во что вы их оцениваете?

Я молчу достаточно долго, чтобы раздражение его выросло еще больше, и ответ мой не рассчитан на улучшение его настроения:

- Мне кажется, правильно вопрос будет сформулировать следующим образом: во что вы их оцениваете?

Он снова хмурится и качает головой:

- Я задал вам вопрос, отвечайте на него.

- Ответа у меня нет. Вы связались с нами, сообщили, что у вас есть люди-заключенные, и предложили переговоры об их безопасности. На основании этого мы пришли к выводу, что вы наверняка держите в голове определенную цену за них. И вот я здесь, чтобы решить, стоит ли ее платить.

Вольф не привык, чтобы его слову и делу перечили, и ему не нравятся

мои позиция и ответы. Он скалится.

- Это место принадлежит мне. Правила здесь устанавливаю я. На моей земле и на этих переговорах.

- Тогда установите правила для стоимости людей. Если они чего-то стоят.

- Чего-то? Да они очень дорого стоят!

- Неужто? - качаю я головой. - Это больше не их мир, и места для них в нем уже нет. Их недостаточно, чтобы расплодиться и создать жизнеспособную популяцию. В лучшем случае, их можно выставлять диковинками. Экспонатами. Лабораторными образцами. Пока мы превосходно обходились и без них.

Вольф вцепляется в ручки кресла, глаза его округляются от возмущения, вызванного подобной пренебрежительной оценкой.

- Но это же люди!

Мы созданы охотиться, отслеживать добычу и вцепляться в малейшую слабость. По одному лишь этому слову, по тому, как он произносит его, по его осанке и запаху я вижу и понимаю все, что мне нужно. Я словно превратился в ищейку-бладхаунда, и вот теперь след прямо перед моим носом, светящийся и осязаемый.

- Вы никогда не подходили к ним, так ведь? - спрашиваю я насмешливо и в то же время с удивлением. - Просто заперли их, с глаз долой.

Его поза - воплощенное негодование.

- С какой стати?

- Потому что вы боитесь их. - Вот это одновременно и вызов, и обвинение.

- Не смешите, - рычит Вольф, но его отрицание звучит столь фальшиво, что даже охранники начинают тревожно переминаться с ноги на ногу.

- Тогда вы не будете возражать, если я попрошу одного из них присоединиться к нашей беседе.

- Не вижу необходимости в этом.

- Зато я вижу. Мы обсуждаем их стоимость. И нам следует услышать, что один из них думает о собственной цене. - Я поворачиваюсь к Хлое:

- Пожалуйста, попроси Виолу Спунер зайти сюда.

Она немного хмурится, гадая, что же у меня на уме, но начинает подниматься. Ее нерешительность как раз то, что мне нужно.

- Все будет хорошо, - говорю я ей. - Если госпожа Спунер боится, объясни ей, что хуже того, чем закончился наш пролет над Топикой, не будет.

Она не дает явно понять, что уловила мои скрытые инструкции.

- А не надо быть такой тряпкой, как вы, - заявляет она.

Я смотрю на Вольфа:

- Вы, конечно же, ручаетесь за ее безопасность.

Вожак бунтовщиков выглядит так, словно ткнул носом во что-то мерзкое.

- Я по-прежнему не вижу в этом необходимости.

- Вы хотите заключить сделку. Это и будет частью торга, или же мы возвращаемся в Вашингтон.

- С пустыми руками.

Я пожимаю плечами.

- Именно так мы и явились. Вы предлагаете такое, без чего мы пока прекрасно обходились. Это вам что-то нужно за этих заключенных. Может, мы и хотели бы их заполучить, но необходимости в них не испытываем.

Он ничего на это не отвечает, и я киваю Хлое. Она идет за Виолой Спунер.

- Дела действительно идут весьма неплохо, - говорю я, снова обращаясь к Вольфу. - Поначалу было очень трудно, понятное дело, но с каждым днем мы все более организованы. Продовольствия более чем достаточно. Даже обычные граждане легко могут найти и позволить себе за вполне разумную цену такое удовольствие, как свежая говядина. И даже вырезку.

Стоит мне произнести это волшебное слово, и в глазах всех трех охранников Вольфа появляется мука. Один даже облизывается.

- Есть пиво, - продолжаю я, рассевшись. - И мороженое тоже. В большинстве населенных пунктов свой собственный медицинский центр. А еще сходят с ума по кошкам, даже выставки устраивают.

На протяжении всего этого повествования Вольф, не отрываясь, таращится на меня.

- Зачем вы рассказываете мне все это дерьмо? - угрюмо спрашивает он.

- Просто убить время. Мне неизвестно, какие новости до вас доходят.

Вольф хочет что-то сказать, но качает головой.

- Хватит. У меня есть вопросы, и хочу получить на них ответы.

Я устраиваюсь поудобнее.

- Спрашивайте.

Он наклоняется вперед, словно пытаюсь прищипить меня взглядом.

- Почему сюда послали именно вас?

Я смеюсь.

- Очень просто. Я оказался под рукой.

На его лице нет и следа улыбки.

- Не несите ерунду. Вы, несомненно, входите в близкое окружение Билла. В ответ на ваш предыдущий вопрос: я слежу за тем, что вы называете новостями. Вы в них не упоминаетесь.

Я снова смеюсь.

- Я не делаю ничего, достойного упоминания.

- Или же ничего, что просачивается в прессу.

- Вы переоцениваете мою важность. Меня послали, потому что я бросовый, большей частью я лишь историк. Во избежание ошибок прошлого и всякое такое.

Вольф качает головой, не веря мне.

- Я не дурак. Билли посылает здоровую, упрямую, дерзкую немецкую овчарку, и я должен поверить, что это какой-то дармоед? Если б вы были бросовым, вы бы оказались чихуахуа.

Я грожу ему пальцем.

- Да вы борец за породу, - выражаюсь я мягко.

- Избавьте меня от вашей душещипательной требухи, - раздраженно клацает Вольф. - Лучше быть большим, крепким и породистым, чем какой-то маленькой и слабой дворняжкой.

Я улыбаюсь.

- Мне понятно, на чем вы основывались, когда строили свое утопическое общество.

Уши у доберманов встают торчком, когда возвращается Хлоя вместе с Виолой Спунер. При виде человека их уши обвисают. Ноздри Вольфа расширяются, и он тревожно ерзает в своем кресле.

Я поднимаюсь, чтобы поприветствовать человека, и гостеприимно ей улыбаюсь.

- Спасибо, что присоединились к нам, госпожа Спунер.

Она нервно кивает:

- Не за что.

Я обращаю ее внимание на нашего хозяина.

- Представляю вам генерала Вольфа. Он ваш владелец de facto и, кажется, считает вас весьма ценным товаром.

Она откашливается, потом спрашивает:

- Наше мнение будет как-то учитываться?

- Нет, вероятно.

Она обращается к Вольфу:

- Я надеюсь, у вас хватит духу освободить нас из этого бессовестного заключения.

Он смотрит на нее - морда бесстрашна, тело напряжено.

- Вас не подвергают жестокому обращению.

- Не считая избиения, когда нас схватили. - Она касается рукой перекошенного лица. - Но с нами не обращаются надлежащим образом. Скверная пища, ограничение свободы, отсутствие медицинского ухода. Один из нас уже умер, а состояние остальных оставляет желать лучшего. Вы не имеете права так обращаться с нами.

Вольф щурится:

- Не имею права? В этом месте правлю я, и это единственное право, которое мне требуется. Я мог бы всех вас вывести наружу, расстрелять и оставить на корм стервятникам. И мой приказ будет выполнен

немедленно, потому что слово мое - закон.

- Чувак, стервятников уже не осталось, - услужливо подсказывает Хлоя. - Вы их всех сожрали. Что до меня, то я предпочитаю жареную курицу. Ела вот две ночи назад, такую хрустящую, да еще с печеньем и спаржей. - Она качает головой. - Штука в том, что спаржу я люблю почти так же, как и курицу. Чудно, правда?

- Заткнись, - рычит Вольф, разозленный, что его угроза была столь искусно сведена на нет поразительной способностью Хлои применять свою непочтительность в качестве особого боевого искусства. - Я убью их, если не получу того, что хочу.

Я смотрю на него и развожу руками:

- Тогда мы вернулись к самому началу, так ведь? Вы до сих пор не сказали мне, чего хотите. Перестаньте тратить время на угрозы и назовите вашу цену.

Прежде чем заговорить, Вольф обдумывает свои слова, шевеля при этом челюстями, словно обгладывая кость. В его прикрытых глазах я вижу жадность, питающую его расчеты. И я уже догадываюсь, что он собирается потребовать - его желания продиктованы его положением, точно так же, как провалившийся в глубокую яму наверняка попросит веревку или лестницу.

- Я хочу... много чего. Я хочу, чтобы эмбарго было отменено и начались регулярные поставки продовольствия. Я знаю, что на моей границе концентрируются войска... - Тяжелый взгляд в мою сторону. - Я хочу, чтобы их отозвали и был подписан пакт о ненападении. Я хочу, чтобы отремонтировали сотовую связь. Это только начало списка.

- Я понимаю, - говорю я, тщательно отмеряя в словах сарказм. - Вам необходимы средства, чтобы удержать ваш дешевый аттракцион по образцу Талибана от падения.

Ему требуется видимое усилие, чтобы не ответить на мое оскорбление.

- Называйте, как хотите, - произносит он наконец. - Я получаю, что мне нужно, вы получаете людей. Если я не получаю, чего хочу, - они покойники.

Я даю угрозе повисеть миг-другой, а затем начинаю усиливать нажим:

- Вы не сделаете этого. Прекратите нести чушь.

Глаза его вспыхивают.

- Сделаю!

Я качаю головой.

- Нет, ладно еще казнить того, кто пугает вас или не соглашается с вами, но подобную позу приберегите для своей игрушечной армии. Я не куплюсь на это.

- Не вынуждайте меня! Я предупреждаю!

- Так я и поверил! Я не из тех легковерных болванов, которыми ты себя окружил. Так что вытряхни дерьмо изо рта, старая ты баба, и

говори как есть.

Вольф вскакивает на ноги, губы его оттопыриваются в рычании.

- Я убью их лично! Я предупреждаю!

Я смеюсь ему в лицо.

- Не надо ля-ля, старое кастрированное трепло!

Вольфа буквально трясет от ярости. Его телохранители неуверенно дергаются. Никогда прежде у них на глазах с их хозяином не обращались подобным образом, и теперь они понятия не имеют, как поступить. Хлоя тарашится на меня, не понимая, зачем я дразню чудовище. В углу Бадди тихонечко скулит от страха.

Виола Спунер на миг встречается со мной взглядом. В ее глазах глубокий ужас, но также и понимание той игры, которую я веду, и своей роли в ней.

Эта храбрая женщина поворачивается к Вольфу и делает шаг к нему.

У него вздымается загривок, он предостерегающе рычит.

Она поднимает руку. Направляет на него палец.

Рык Вольфа становится все более угрожающим, он сжимается перед прыжком. Его охранники обнажают зубы.

- Нет! - кричит она решительно, а затем произносит слова, которые я и ожидал: - Плохая собака!

Вольф валится, как подстреленный, грохается о пол и съеживается. Охранники позади него скулят и опускают головы.

- Плохая, плохая собака! - шипит на него Виола Спунер, и бич ее недовольства сдерживает Вольфа и охранников, пока Хлоя, Бадди и я окружаем их, чтобы лишить возможности причинить вред. Один охранник пытается сопротивляться и с оскалом двигается на Виолу Спунер, но Бадди обрушивается на него, словно концертный рояль на спичечный табурет - старый защитник людей не дрогнул в своей преданности.

* * *

Мы добиваемся лучшего разрешения проблемы Вольфа и его узников, чем я мог даже надеяться, однако лично для меня гораздо более худшего.

Мой торг трансформировался в переворот. Теперь я вожак Плохих Земель. Не та должность, которой я страстно добивался. Однако уже весьма скоро вновь обретенной власти находится применение.

Хлоя посажена в машину, ее везут назад к самолету. И мне оказалось гораздо труднее убедить ее следовать этому приказу, нежели дать понять служившим Вольфу милиционерам, что их новым вожакотныне являюсь я. Ей не хотелось оставлять меня на этой древней военной базе.

Да мне и самому не хотелось.

Мой человек, которого в бытность свою собакой я любил за всеми пределами разумности, умел многое. Он был воином, высокопоставленным офицером и последние годы своей жизни посвятил размышлениям и сочинениям о том, как сделать войну ненужной. Он был ученым, и его мнение ценилось во властных кругах.

Он был патриотом.

Я - это все, что осталось от него, и все, чем он был. Он не оставляет мне другого выбора, кроме как исполнять то, что я считаю своим долгом.

Проследив за отъездом Хлои и объявив отбой по всей организации, некогда подчинявшейся Вольфу, я медленно разворачиваюсь и иду внутрь - поговорить с Виолой Спунер.

Она пристально смотрит на меня, обиженная и озадаченная.

- Итак, вы нас не отпускаете, - говорит она полным отчаяния голосом.

- Нет, боюсь, что нет. Мне очень жаль.

- Но почему?

Я вздыхаю, уставший от всего пережитого. Как жаль, что нет никакой возможности избежать того, что сделать необходимо.

- Вам придется остаться здесь, потому что вы боги прошлого.

Она хмурится и качает головой.

- Я не понимаю.

- Я знаю. Хотел бы и я не понимать. - Как же ей объяснить? - Посмотрите, что вам удалось сделать с Вольфом. Он вас боялся, и не без причины. Вы уничтожили его всего лишь несколькими словами. Может, сейчас наш вид свободен и доминирует, но где-то внутри нас все еще остается любовь и покорность - поклонение! - которыми мы жили до Перемены.

- Но ведь это вы через Хлою велели сказать мне те слова. Вы знали, что мой крик на Вольфа окажет именно тот эффект, который мы получили.

- Знал? - усмехаюсь я. - Да, я был почти уверен. Меня пугала встреча с вами, и когда я наконец увидел вас... Я едва не утратил все свое достоинство. Вы были нашими богами. Не каждый при встрече со своими богами может устоять и не преклонить перед ними колен. И еще меньше может выдержать недовольство этих богов.

Я выжидаю немного, чтобы она прониклась сказанным, и продолжаю:

- Нравится вам или нет, но этот мир теперь наш. Мы об этом не просили, и временами я спрашиваю себя, способны ли мы вообще справиться с ним. Мы отчаянно ищем свой путь. И если бы вы и ваши друзья стали частью этого процесса, то он в корне переменялся бы. Мы постоянно ожидали бы вашего одобрения и изменили бы свое поведение, лишь бы избежать вашего недовольства.

В ее глазах появляются слезы.

- Но нам незачем вмешиваться подобным образом.

- У вас просто может не оказаться выбора. Мощность, которой вы владеете, превращает вас в оружие Судного дня, в точности как ракеты, которыми управляли отсюда. Наш нынешний президент вдумчивый и великодушный. Но что, если следующий президент или глава переворота будет подобен Вольфу? Вдруг он станет показывать вас по телевизору, чтобы запугать массы и склонить их перед своей волей? Или же он может использовать вас в качестве заложников, как делал Вольф. Вы представляете собой, пользуясь фразой из прошлого, «явную и непосредственную опасность»^{*22} для общества, которое мы пытаемся построить. По этой причине ваше существование придется сохранять в тайне, и вы должны оставаться в каком-то безопасном месте, которое устоит против любых попыток захватить вас.

Виола склоняет голову. Последняя надежда покинула ее.

- Я останусь здесь с вами, - говорю я мягко. - Я не Вольф. Это место больше не ваша тюрьма, а ваше убежище. Я связался по телефону с президентом. Экстренные поставки продовольствия уже в пути. Хлоя вернется и привезет лучшего врача, какого мы только сможем отыскать. Мы проведем вам радио и телевидение, вы сможете видеть, что представляет собой наш мир. Когда в этот район вернется порядок и установится надежный режим безопасности, мы все сможем выходить наружу и проводить время в окружающей местности. Мы организуем видеосвязь с Вашингтоном. Я хочу, чтобы вы и ваши друзья поговорили с президентом, и я должен предоставить ему возможность поговорить с вами.

Мои заверения и планы принесли ей некоторое облегчение, даже надежду, но теперь она снова выглядит озадаченной.

- А как же насчет того, что вы не хотите рисковать нашим одобрением или неодобрением?

- Я рискну. И он рискнет. Нам всем придется быть крайне осмотрительными в общении друг с другом, но я убежден, что мы достаточно цивилизованы, чтобы справиться с этим. По-другому нельзя. То, кем вы являетесь, и то, что вы знаете, слишком ценно, чтобы терять это.

Она ожидает дальнейших объяснений. Я всячески стараюсь угодить ей, пытаюсь перевести внутреннее ощущение в рациональную трактовку.

- Мы рискуем в том случае, если ваши оценки возьмут верх над вашим будущим. Мы все еще... все еще как дети в некотором отношении. Мы

---

²² * Фраза принадлежит Оливеру Уэнделлу Холмсу-младшему (1841-1935), американскому юристу и правоведа, много лет являвшемуся членом Верховного суда США.

почти избавлены от грехов наших отцов.

- То есть нас.

Я торжественно киваю.

- Да.

Выражение ее лица задумчивое, и явно не от счастливых мыслей.

- Вы не бросали атомные бомбы на города. Не устраивали геноцид. Не создавали инквизицию.

- Пока нет. Но здесь, в Плохих Землях, воскрешалось древнее зло рабства. Вольф продержался так долго, используя обычный набор приемов деспотов, жестокую политику и презрение к окружению. Нам нужно знать о подобных вещах больше. Нам нужно знать, почему они столь притягательны, почему они возникают с такой легкостью и столь устойчивы к искоренению. Вы - наше последнее связующее звено со старым миром. Нам нужно учиться у вас, но не у ваших ног. Вы понимаете?

Виола Спунер грустно улыбается мне.

- Боюсь, что да. - Она поднимается. - Думаю, мне лучше пойти рассказать остальным о нашем будущем.

Встаю и я.

- Я могу пойти с вами, чтобы помочь. Ответить на вопросы и тому подобное. Убедить, что их ожидают перемены.

- Спасибо, я не против.

Мы отправляемся бок о бок.

Рука Виолы тянется ко мне, и ее пальцы ложатся на мех моего плеча.

Я даже не пытаюсь подавить прилив удовольствия, не сдерживаю виляющий хвост. У собак и людей была долгая история товарищеских отношений. Теперь же какое-то время будут товарищами люди и несколько отобранных псовеков - новые отношения для создания нового мира.

В прошлом была одна команда, которой я теперь должен подчиниться, словно мне ее отдал мой исчезнувший хозяин: жди!

Я буду ждать здесь вместе со старыми богами, почитать их, заботиться о них, учиться у них.

Ждать, пока они не исчезнут с лица Земли навсегда.

Перевел с английского Денис ПОПОВ

© Stephen L.Burns. Stay. 2011. Печатается с разрешения автора.
Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2011 году.

АЛЕКСАНДР ЯБЛОКОВ

КАНАТНЫЕ ДОРОГИ: ДЕНЬ ПОСЛЕДНИЙ

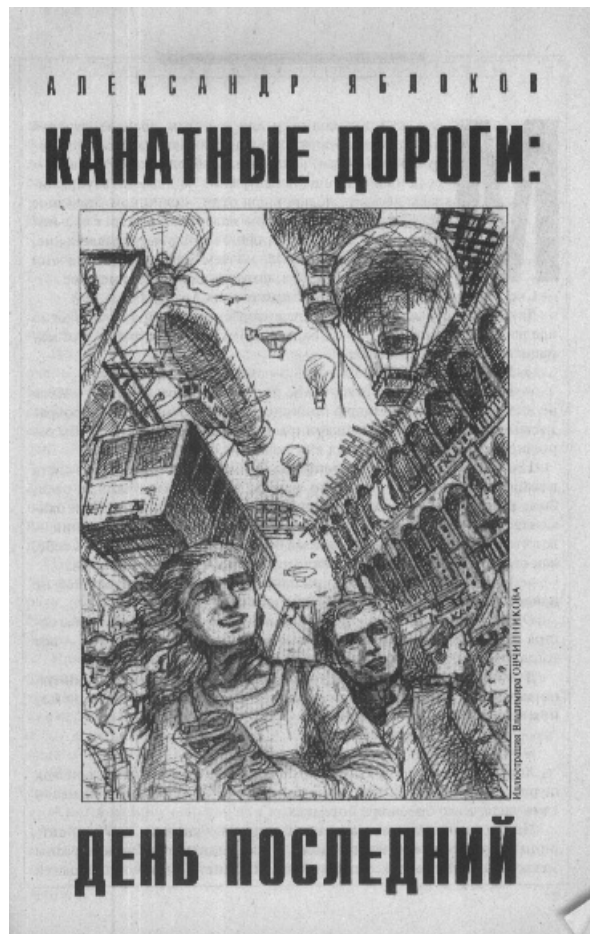

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

Мама купила машинку для очистки дренажных труб и отправилась домой, ну а детям было дано важное поручение. Правда, лучше бы Арабелла помогла маме - ведь нынче прощальный ужин, но девочка заупрямилась: дескать, подарок для отца - слишком серьезное дело, и в одиночку Эндрю наверняка выберет что-нибудь не то. Мать уступила. Ребята уже не маленькие, в переходном возрасте, но чем меньше времени они проводят вдвоем, тем, похоже, для них безопаснее.

- Светильники вроде наверху, - припомнила Арабелла.

- Да разве тут бывает что-нибудь интересное? - Эндрю неохотно плелся по лестнице. - Типовое барахло. По своей воле папа в этот магазин даже и не заглядывает.

- Ну, посмотрим, мало ли что... - сказала сестра.

- Нам надо искать что-то такое... в техническом стиле... - Идея не вызвала отклика, и Эндрю принялся подробно описывать воображаемый подарок. - Латунь, шарниры и линзы Френеля. Ну, чтобы серьезно смотрелось, даже когда выключено.

Его болтовню Арабелла пропускала мимо ушей. Солнечного света в

кабинет попадало изрядно, но хватало и темных закутков, и отец, бывало, пенял, что приходится тащить какую-нибудь карту или окаменелость к большому столу. Элегантный переносной светильник - вот что ему нужно. Ей вдали от дома будет приятно представлять себе, как он пользуется подарком и вспоминает дочку добрым словом.

- Насчет лампы - идея классная. Но если здесь подходящей не найдется, - брат глянул вверх, - испробуем другой вариант.

Отдел давно не работал, и Эндрю знал об этом, но хотел, чтобы сестра хорошенько прониклась желанием купить для отца лампу - вот тогда-то она, глядишь, и согласится с его замыслом.

Двойняшки появились на свет с разницей в пятнадцать минут, но характеры им достались совершенно непохожие, и оттого между ними постоянно шла тихая война.

- Что еще за вариант?

- А вот увидишь. Идем, идем!

Хорошо бы назло братцу поартачиться. Но жалко папу: вон как щурится, глазки напрягает за работой. Может, даже сердится на нее - сама ушла, а его бросила в потемках.

Ничего не поделаешь, надо идти вверх. А ступеньки все уже, витрины все скромнее и незатейливее, в них сенные прессы и образцы мешковины. И никаких светильников. На окне лестничной площадки толстенный слой пыли, и дохлые мухи валяются на подоконнике. А свет через стекла сочится желтый-прежелтый, и такое чувство, будто ты, шагая по ступенькам, ностальгически вспоминаешь этот уже не раз проделанный тобою подъем.

Наверху крутились тяжелые колеса, Арабелла улавливала их дрожь. Вон, даже штукатурка на стенах растрескалась от вечной вибрации.

- Неужели канатная дорога еще работает?

Самый тупой способ разозлить Эндрю - притвориться незнайкой. Будь время, она бы придумала что-нибудь потоньше.

- Как раз сегодня последний день! Что, ты в самом деле...

- А раз так, вперед! - На слове «вперед» Арабелла припустила бегом, и брат спохватился не сразу.

Но вот он тяжело затопал следом. Эндрю мальчик крупный и не очень ловкий, с густыми светлыми волосами, а у Арабеллы - тонкие, вьющиеся, черные. Но сейчас он двигался на диво быстро, и сестра секунда за секундой проигрывала свою фору. В дверь они врезались вместе, и на крыше универмага, на площадке канатной дороги каждый объявил о своей победе.

Стены из шпунтованной доски не раз перекрашивались: краски все дешевле, а слои все толще. Арабелла замечала розовые, синие и зеленовато-желтые разводы, проступавшие через серый с красноватым отливом последний слой. Декоративная плитка с крестового свода станции осыпалась, оставив белесые цементные

пятна.

Целыми оставались билетный киоск с латунным каркасом и расписной маковкой да еще защитный барьер, похожий на алтарную ограду, вот только кто-то сшиб почти все деревянные завитушки между балясинами. Объявление, что станция закрыта, валялось на полу, помятое, с темными следами подметок.

Наверху медленно вращалось в горизонтальной плоскости металлическое колесо шкива, принимая и стравливая трос. Канаты пересекали весь город вдоль и поперек, перетаскивая с крыши на крышу легкие деревянные кабины с пассажирами. Та, которую ждали брат и сестра, должна была прийти с крыши конторского здания, там тоже виднелась станция канатной дороги.

Под несущими канатами двигались тяговые, провисавшие под собственным весом; всего канатов было четыре.

А вот и кабина - нырнула с конторской крыши и скользит к ним. Трудяга шкив временами глухо постанывал: подшипники просили смазки. Кабина опустилась до нижней точки своего маршрута и паучком поползла вверх, к двойняшкам. За трос она держалась чем-то вроде согнутой руки со скрюченными пальцами. Ролики катились по несущему канату, а тяговый удерживался специальным зажимным аппаратом, попросту говоря - замком.

Замок взвизгнул - это вагоновожатый отпустил тяговый канат. Инерция несла кабину на колесо шкива, но тут ролики съехали на стационарный рельс, и миниатюрный вагончик остановился. Раздвинулись двери, одни пассажиры вышли, другие вошли.

Чернявый вагоновожатый возвышался позади всех на своем насесте. Нынче у него последний рабочий день, а ему хоть бы что, совсем не видно, чтобы переживал. Сидит, поглядывает сверху вниз, следит, чтобы никого дверью не прихватило. Арабелле парень показался знакомым, но сколько ни всматривалась, так и не припомнила, где и когда видела его. Следом за братом она прошла к деревянной пассажирской скамье.

Теперь кабине можно скользнуть по наклонному рельсу, миновать шкив и снова ухватиться за тяговый канат. Тихо, но быстро она поехала прочь от станции, заполняясь по пути золотистым осенним светом.

Кабина пересекла широкую улицу: внизу полно трамваев и пешеходов. Проплыл застекленный купол, и Арабелла успела заглянуть в комнаты с миниатюрными манекенами и манекенами в полный рост. В одном ателье блеснула лысина - портной, стоя на коленях, закалывал булавками подрубочный шов. Окружавшие купол кариатиды воздевали руки, как будто в безмерном изумлении, а не для поддержки медной позеленевшей крыши. Поверх каменных греческих хитонов сидели матерчатые лифчики - показ моделей нынешнего года.

- Вот закроют канатку, шмотки тоже выставлять прекратят, - шепнула Арабелла. - Кто их увидит снизу?

- Преступление, самое настоящее, - проворчал брат.

Арабелла оглянулась на вагоновожатого. Темные глаза, волевой подбородок. Может, просто видела в прежних поездках таких вот мужественных? Говорят, в канатчики набирают по внешнему виду.

- А ты знаешь, почему закрывают? - спросила она.

Эндрю мрачно кивнул:

- Слишком жирно получается. Возят нас туда-сюда, по разным интересным местам. Кое-кому это не по нраву. Кое-кто предпочел бы, чтобы мы от этих мест держались подальше. А то, мол, происходит нарушение личного и общественного покоя. Ну, еще деньги. Канатный транспорт, говорят, слишком дорого обходится. Такие вот объяснения.

Канат пошел кверху, к большой станции со стеклянными навесами и узорчатым кованым ограждением. На ней вращались могучие приводные шкивы, не чета натяжным, тем, что на площадке универмага. Когда кабина остановилась, сразу ощутилась вибрация машины.

Эндрю выпрыгнул первым, сестра вышла вслед за ним. Вдали, по другую сторону главного торгового района, серой глыбой высился покинутый ими универмаг. Пестрели на стене рекламные надписи, но с такого расстояния не разобрать ни слова.

Опустевшая кабина с шумом въехала на стрелку, отпустила тяговый трос, прокатилась несколько футов под уклон по рельсу, ухватилась замком за другой канат и скрылась из глаз вместе с вагоновожатым.

- Ну, ладно, - вздохнула Арабелла. - Дальше-то что?

- Лампы, - бодро ответил Эндрю. - И всякое прочее. Ищем подарок.

* * *

По идее, в магазине должны царить тишина и порядок. Но здесь брат с сестрой застали сущий бедлам: витрины нараспашку, экспонаты извлечены и разложены там и сям, на полу несколько приказчиков запихивают в коробки смятые газеты.

Красотка в длинной юбке, с пыльным платком, обмотанным вокруг головы, на вопрос Эндрю только пожала плечами.

- К переезду готовимся, вот уж... сколько, Грег? - кто-то отозвался, но Арабелла не разобрала слов. - Неделю. У нас же хрупкое все. И ждать нельзя.

- Но почему? - спросил Эндрю. - А, Джилл? Почему съезжаете?

- Так не будет больше канатных дорог. Откуда покупатели возьмутся? В холле есть грузовой лифт, но это сколько от него шагать! Много ли найдется желающих? Вот и приходится собирать манатки. Да ты не

волнуйся, постоянным покупателям мы оповещение разошлем с новым адресом. Открытие устроим, все чин-чинарем... Скажи, какая лампа, а я уж подберу из лучших моделей.

- Но это ж когда будет, - в отчаянии развел руками Эндрю. - Лампа мне сегодня нужна.

- Ну ладно, походи, посмотри. Может, и попадется что-нибудь. А мне недосуг, извини...

Но вместо того чтобы заняться не терпящей проволочек упаковкой витринных экспонатов, Джилл удивила Арабеллу: застыла посреди зала, склонив голову, будто прислушиваясь, а потом устремилась к выходу. У Арабеллы создалось впечатление, что Эндрю привык получать от этой женщины куда более радушный прием. Порой он приносил домой видавшие виды штуковины - вот, стало быть, откуда взялись по крайней мере некоторые из них.

Сейчас Эндрю стоял в полной растерянности.

- Ну, и чего ждем? - спросила Арабелла.

- Езжай домой, если торопишься, - огрызнулся брат. - У тебя ж отвальная нынче. Куча дел.

Арабеллу и впрямь ждала куча дел. А уж при виде кипучей деятельности в магазине и вовсе стало стыдно за свою нерасторопность. Эта Джилл за пятнадцать минут навела бы в комнате Арабеллы полнейший порядок.

Но нельзя возвращаться с пустыми руками! Никак нельзя.

Завтра утром поезд увезет Арабеллу в горы, в новую школу. Этого не отменить, но надо постараться, чтобы не пропали зря последние часы перед разлукой с единственным городом, который она знает.

- Эндрю! Эй!

Звала Джилл, она держала в руках что-то, завернутое в старую газету.

- Вот, нашла на складе, в дальнем углу с неликвидным хламом. Если подойдет, забирай.

Продавщица развернула газету, под ней оказался темный металлический цилиндр этак в фут длиной и дюйма два диаметром. Смахивал он и на дубинку, и на ручку какого-нибудь инструмента. Скорее всего, ни то, ни другое - очень уж хрупкий на вид.

По лицу брата Арабелла поняла: раздумывает - не притвориться ли, что загадочный предмет ему знаком.

Джилл избавила его от соблазна солгать:

- Это электрод для дуговой лампы. Причем редкий, магнетитотитановый. Откуда он у нас, даже не спрашивай.

- Но ведь... для дуговой лампы этого мало. А где все остальное?

- Почему я знаю? Хочешь, забирай - необычная вещь. В газету загляни, может, что интересное найдешь. - Джилл снова умолкла. На этот раз она явно что-то уловила, некую перемену в вибрации и стуке канатной дороги. - Ну, или положи возле двери. Приходи в новый магазин,

купишь что-нибудь получше.

На этот раз она удалялась целеустремленно - прямо к выходу, к лестнице.

В газете Арабелла заметила рисунок на всю полосу. Какая-то авария: сломанные балки, дерущиеся на руинах люди. Но толком разглядеть не удалось - Эндрю обмотал бумагой цилиндр. Решил все-таки взять. Да и что ему оставалось?

Он огляделся.

- Может, еще поищем...

- Ничего мы здесь не найдем. Пошли.

По возрасту они различались на каких-то пятнадцать минут, и родители скрывали, кто появился на свет раньше. Но брат всегда безошибочно угадывал, когда следует признавать авторитет сестры.

* * *

Они поднялись на площадку. Вагоновожатый, тот самый черноволосый, в начищенных до блеска ботинках, уже подогнал другую кабину, старую, крашеную алым лаком и оттого весьма помпезную на вид. Она свисала с несущего каната, а парень возился с замком. Кабина так и манила прокатиться, но этот маршрут вел в противоположную сторону от универмага, а значит, и от дома двойняшек. А ведь там столько дел! И до чего же неохота за них браться...

Этой-то кабины, как поняла Арабелла, и дожидалась Джилл. Она стояла на краю площадки под солнцем, стряхивая мелкие обрывки пергамента с жакетки. Платок продавщица успела снять; ее каштановые волосы были заплетены в две толстые косы и уложены бубликом.

- Отправление через пять минут! - оповестил вагоновожатый.

Вставший было с лавочек на площадке люд расселся обратно. Даже в пору расцвета подвесного транспорта пассажирам было не обойтись без стоического спокойствия и неусыпной готовности к любым малоприятным случайностям.

Вагоновожатый лихим прыжком покинул свою кабину и зашагал к Джилл. Вот они облокотились рядышком на перила, глядят на городской ландшафт. Далековато, ни слова не слышно, а подойти поближе - непременно выдашь свое любопытство. Арабелла решила его «переключить».

- Дай-ка на электрод взглянуть.

- Чего глядеть-то? Электрод как электрод.

- Покажи!

С нарочитой почтительностью Эндрю вручил штуковину сестре, и та

сняла обертку. Электрод Арабеллу интересовал мало, другое дело - газета, а точнее, картинка, столь высокомерно оставленная братом без внимания. А ведь Джилл более чем прозрачно намекнула: дополнительные сведения можно найти именно там. Пусть Эндрю дольше знаком с этой особой, зато Арабелла куда лучше понимает таких, как она.

Газетный рисунок изображал окутанные туманом развалины станции канатной дороги. Можно различить стальные шкивы и лопнувшие тросы. Сверху нависала стена из массивных каменных блоков. Усердия художник не пожалел, каждую расколотую доску, каждую скрученную железку изобразил во всех подробностях.

«ОБРУШИЛАСЬ СТАНЦИЯ «КАРЦЕРНАЯ» - сообщал заголовок.

Над главным рисунком, посвященным сцене катастрофы, расположены пять маленьких, в овальных рамках. Та же станция, на ней потасовка. У дерущихся людей в вечерних костюмах длинные резкие черные тени - сверху падает свет какого-то мощного прожектора.

В другом овале - станционный шкив и паровая машина в клубах дыма и пара.

Третья картинка показывает бал: люди в элегантных нарядах столпились у окна, на что-то смотрят. У них тоже черные длинные тени, но не такие контрастные, как у дерущихся среди балок и тросов.

А вот в тумане какой-то бородач падает навзничь. У него откинута рука, другой он держится за голову - то ли растяжкой шарахнуло, то ли стойкой.

А на самой верхней картинке дева в бальном наряде управляется с большущим прожектором: трудно ей, вон как налегла всем весом на рычаги, в один даже уперлась туфелькой на шпильке.

* * *

Картинки Арабелле понравились. Здорово нарисовано. Только зачем на прожектористке бальное платье? Для такой тяжелой работы совсем неподходящее облачение.

- Это и есть твоя лампа? - ткнула пальцем в барышню Арабелла.

- Что? Где? - Эндрю повернул голову, уставился в газету.

И надолго уставился, на несколько минут. Пока он смотрел и что-то бурчал, сестре ничего не оставалось, как подглядывать за Джилл и вагоновожатым.

Джилл, сложив на груди руки, сидела на скамье. А вот парень исчез.

И куда же он мог запропасться? Не уехал же без них? Конечно, не уехал, вот она, красная кабина, висит под рельсом, а вот и пассажиры нетерпеливо расхаживают по площадке.

Вдруг девушка запрокинула голову, и Арабелла, проследив за ее взглядом, увидела чернявого. Он слезал с крыши - в руке ведро, за тужурку уцепилось несколько птичьих перьев, и еще два-три планировали к земле. Арабелле показалось, что Джилл собирается отряхнуть форменную куртку канатчика, но та лишь заглянула в ведро и отвернулась.

- Похоже, это та самая ночь! - Эндрю электродом указал на рисунок, и случайный ветерок смахнул газету с его колен.

Она птицей порхнула к ограждению площадки, но шустрый вагоновожатый вмиг оказался на ее пути. Аккуратненько сложил добычу и вручил... нет, не Эндрю, растерянному застывшему с электродом в руке, но Арабелле. Да еще и слегка поклонился при этом. У него было очень выразительное лицо, со вздернутыми будто в удивлении бровями и теплым взглядом карих глаз.

А ведь она и впрямь уже где-то видела этого парня.

- Куда путь держите, ребята? - поинтересовался он. - Многих маршрутов уже нет, смотрите, как бы не застрять у черта на куличках.

- Домой, наверное, - вздохнула Арабелла. - Мы тут настольный светильник искали, что-нибудь необычное, в подарок. А магазин закрылся...

- Так вам надо на рынок воздухоплавания. Знаете такой? За необычным только туда. - Он посмотрел за спину Арабелле.

- Мне пора. - Карманные часы Джилл держала в кулаке на манер оружия. - Товар паковать. Как говорится, успеха тебе во всех начинаниях.

Возле лестницы она на секунду остановилась, но вагоновожатый лишь плечами пожал.

- Эта кабина как раз и пройдет через рынок, - обнадежил он Арабеллу. - Поторопитесь, если хотите ехать сидя.

И в два шага взобрался на свое место.

- Кстати! - подал голос Эндрю. - «Карцерная», что на рисунке, была как раз напротив рынка, через площадь. Когда я заинтересовался канатными дорогами, папа рассказал про эту аварию, я помню.

- Вожатый сказал, на воздухоплавательном светильники есть.

- А домой тебе разве не надо?

- От судьбы не уйдешь... Давай-ка объясни, при чем тут электрод.

Едва они забрались в кабину, зажимной аппарат с коротким визгом ухватился за трос.

* * *

- Насчет электрода объяснить у меня вряд ли получится, - усомнился Эндрю.

- Тогда остальное расскажи.

- Не знаю, когда и почему папа занялся историей канатных дорог. Может, с самого начала ими увлекался. - Пассажиров в кабине было битком, и двойняшкам пришлось забраться в угол, как раз под сиденье вагонновожатого. - В общем, он про это дело очень много чего узнал, и не только из книжек, но и от людей.

Арабелла кивнула: у папы всегда хватало знакомых. Что ни званый ужин, то толпа гостей, и один-два обязательно застрянут в кабинете. Как будто для отца вечеринка всего лишь предлог, чтобы заманить собеседников. Нередко Арабеллу среди ночи будили негромкие дискуссии.

- Людям понадобился быстрый способ передвижения по городу, - приступил к рассказу Эндрю. - Улицы-то сплошь в заторах. Кто-то поглядел однажды на крыши и нашел простейшее решение. А когда конструкторы придумали, как соединить тросы, шкивы и кабины, транспортные фирмы наперегонки кинулись строить канатные дороги. Шкив смонтировать нетрудно, а если в здании крепкие перекрытия, то можно установить небольшую паровую машину.

Первыми кабинами были старые обрезанные вагоны, только «лапу» на крышу приделать. И дешево, и сердито, а побьются, легко заменить.

Берем два дома, ставим по опоре на каждую крышу, протягиваем канат - вот тебе и дорога, самый короткий путь между двумя точками.

Вскоре паутина тросов оплела весь город. Образовались новые транспортные компании, каждая открыла сколько-то линий, ну и, понятное дело, не обошлось без борьбы за маршруты. Самая крупная фирма, прибравшая к рукам много выгодных направлений, - «Дерн» - «Скотобойня» - «Портовые службы». Но и конкурентам досталось пять длинных линий.

Ох, и бодались же они! Средств не выбирали, даже до саботажа и диверсий доходило. Представь: вдруг маршрут временно закрылся по техническим причинам, куда пассажирам податься? Ясное дело, на другой, пусть и не такой удобный.

Лучшими диверсантами прославилась фирма «Черный холм» - «Кромлех» - «Площадь Экзекуций» - «Имперские бани». Банда эта звалась «паукообразными обезьянами», а ее вожак носил прозвище Гиббон.

- Гиббоны - не паукообразные обезьяны, - не воздержалась Арабелла от замечания.

- Чего?

- Паукообразные обезьяны - это Новый Свет, гиббоны - Старый...

- Ах, какие мы грамотные! Может, нам и словечко «педантизм» знакомо?

Арабелла проглотила едкую отповедь.

Не время цапаться с братом. Конечно, он вредина, но больно уж

интересно, что дальше. И не только про проделки «паукообразных обезьян» и их вожака.

Ей не давали покоя случайно доставшийся электрод с таинственным прошлым и, главное, рисунок с какой-то дамочкой за рычагами аппарата - несомненно, дугового прожектора. Вдобавок это бальное платье и... Арабелла пригляделась: ну да, и впрямь шикарные туфли.

- Эндрю, ладно тебе! Ну, прости. Рассказывай...

Извиниться - дело нетрудное, а нетрудное дело почему бы и не совершить. Кто не пренебрегает этим правилом, того чаще хвалят.

Эндрю продолжил не сразу, он уже успел надуться. Но договорить ему хотелось больше, чем наказать сестру.

- Вот пример того, чем занимался Гиббон с «паукообразными обезьянами» из «Черного холма», - прервал он наконец молчанку. В правлении фирмы «Дерн» - «Скотобойни» - «Портовые службы» служил некто по имени Пардо. Обычная конторская мышь, бухгалтер или кто там... И он обслуживал строительство станции «Карцерная», благодаря которой «Дерн» сделался главной канатнодорожной фирмой на севере города. Вот только конторская работа Пардо не нравилась, он мечтал водить кабину. Может, на девчонку впечатление хотел произвести, может, еще какая причина. Все упрасивал Ханна взять его в вагоновожатые, да тот ни в какую. Наконец терпение у бедняги лопнуло, и дал он на лапу вагоновожатому из «Дерна», чтобы самому прогнать кабину маршрутом «Пожарная башня» - «Летний сад».

Напротив Арабеллы и Эндрю сидел мужчина с двумя детьми, в ногах - корзина для пикника, из которой торчали горлышко бутылки с шипучим вином и каравай. Девочка посмотрела на отца, поправила плед на его плече и примостила голову. Он гладил дочку по волосам и смотрел в окно. Мальчуган, младший в семействе, читал книжку с картинками.

- Об этой сделке прослышал Гиббон. Он про все, что случалось в городе, тотчас узнавал. У конкурента поедет вагоновожатый-любитель - ну как упустить такую возможность? И Гиббон задумал ловкий трюк. В ночь перед тем, как Пардо должен был вести кабину, «паукообразные» и их предводитель взобрались по «Гаремной лестнице», прихватив кое-какое снаряжение и инструменты. На потолке станции они смонтировали новую стрелку. Потом врезали болт в стену каменной башни - там хранилась вода, которая питала Клепсидру, старинные муниципальные водяные часы. К болту закрепили канат, провели его от водонапорной башни к станции «Гаремная лестница», только не по воздуху, а по земле, спрятав под растительностью и мусором - его под канатными дорогами всегда хватает. Рискованно, конечно, но им сошло с рук.

- Что-то я не поняла, как это работает, - сказала Арабелла.

- Доедем до станции, поймешь, - ухмыльнулся Эндрю. - Я покажу.

Тросы тянулись вверх, к собору Святого Ипполита. Славу этому

сооружению принесли статуи коней, украшавшие колокольню: головы задраны, гривы вьются по ветру, копыта вскинуты, как будто вот сейчас обрушатся на врагов. Святого Ипполита разорвали лошадьми. Арабелла не могла решить, кто больше заслуживает восхищения: мученики за свою твердость в вере или их убийцы - за безграничную изобретательность, которая вдохновляла многие поколения художников. Рядовая смерть, как известно, не служит пищей для искусства, ей и на каемке обоев места не сыщется.

Строители втиснули станцию под жерла громоздких колоколов. А верхние помещения бывшего собора теперь были отданы под приют для престарелых. Тут и вышли отец с детьми, унеся корзину с шипучкой и хлебом. Арабелле подумалось, что она тоже когда-нибудь состарится. Можно лишь надеяться, что дети и внуки, навещая ее, будут приносить игристое вино.

- Вон, гляди, - поднял руку Эндрю.

Под стропилами в разные стороны, как ветки куста, расходился пучок рельсов. С одного свисала их кабина. От собора Святого Ипполита шло несколько маршрутов. В точности как на железнодорожном вокзале, направляющие слегка изгибались и местами пересекались, что позволяло кабинам переходить с линии на линию. Каждый рельс вел к шкиву и тросам, где и начинался собственно маршрут. Там кабина соскочит на несущий канат, ухватится за тяговый и поедет прочь от станции.

- «Паукообразные обезьяны» всего-то и сделали, что добавили одну стрелку и один трос, - сказал Эндрю, когда кабина выскользнула из колокольни собора Святого Ипполита. - Подобрали их прямо там, на месте - на любой станции свалено оборудование с демонтированных маршрутов. Легко не заметить пропажу, особенно когда приходится всю ночь кочегарить топку, чтобы утром крутились шкивы.

И вот Пардо повел кабину, а на станции Гиббон с подручными отвлекли рабочих, подняли свой канат с земли, натянули - и передвинули стрелку. Пардо так захлопотался с незнакомой техникой, что и не заметил, как его перенесло на неправильный рельс. Потом сообразил, что рельс этот куда длиннее, чем должен быть, - да уж поздно. Был бы тяговый трос, машинист на станции, может, и успел бы остановить шкивы. А трос-то всего один, несущий! И помчалась кабина под уклон напрямиком на Клепсидру, и врезалась в здоровенные водяные часы, точнехонько под большущими бронзовыми цифрами. Маршрут был не из многолюдных, но кое-кому пришлось все же поплавать, пока его не выловили. Неприятно, конечно, когда тебя карпы за пятки хватают, но ничего страшного.

- Бедняжка Пардо! - хихикнула Арабелла.

- Еще бы не бедняжка. Ханн его швырнул в Карцер, старую городскую тюрьму.

- Не слишком ли сурово? - огорчилась Арабелла. - Этот Пардо всего-навсего хотел стать крутым канатчиком-высотником. Может, и стал бы, не нарвись он сразу же на других крутых.

- Ханн был вне себя от ярости, - продолжал Эндрю. - Просто рвал и метал. Потерять кабину - это ведь какой удар по репутации! Конкуренты не упустят такой возможности переманить пассажиров. Ханн и «Дерн» собирались открыть большую станцию на Карцерной площади, чтобы от нее проложить новые маршруты на север города, и другие компании ничего не могли противопоставить. Пардо как раз над этим проектом и работал, пока не выкинул свой номер. По слухам, ему специально выделили камеру с видом на новую станцию. Площадка была собрана на тюремной стене, она ведь из громадных каменных блоков и не такую тяжесть выдержит.

Покинув храм Святого Ипполита, кабина перемахнула через городской парк и теперь продвигалась над верхними рядами Арены. Когда-то это были зрительские ряды, а потом бедный люд понастроил там навесов - надо же где-то жить. Сама Арена казалась крошечным овалом; она уже давно не служила для смертоубийств, превратившись в болотце, где цапли охотились на лягушек.

Здесьнее население выращивало рыбу в старых водохранилищах: когда-то власти нуждались в постоянном запасе воды, чтобы поливать из шлангов разгоряченную чернь. Даже с верхотуры Арабелла разглядела серебристую чешую и круглые черные глаза сохнувших на сетях рыбин - на тех самых сетях, которыми раньше гладиаторы ловили своих противников. С демонтажем канатных дорог житье здесь, на отшибе, сильно изменится. Что ждет потомков старинного аренного народца? Сохранят ли они свой особый язык и обычаи, питаюсь только дождевой водой и рыбой? Или не выдержат и растворятся в городских улицах?

Здесь вышли еще двое пассажиров. В кабине Арабелла и Эндрю остались одни, не считая вагоновожатого.

- И вот однажды Гиббон повстречал на своем пути дочку Ханна, - вернулся к повествованию Эндрю. - И та в него влюбилась. Похоже, она не ладит с отцом, иначе как объяснить, что она помогла Гиббону пробраться на только-только построенную «Карцерную»?

Впрочем, ей вообще нравилось решать трудные задачи. Для «Дерна» эта станция была крайне важна, Ханн берег ее как зеницу ока. Но охрану держал внизу, на земле, поскольку «Карцерная» располагалась на тюремной территории и еще не была пущена в эксплуатацию.

Девушка придумала способ. Они с Гиббоном протянули трос от ближайшего кладбища, прямо под крылом плачущего ангела, закрепив конец на локте руки, что закрывала глаза статуи. Потом канат пошел через кроны двух деревьев на верхушку тюремной башни - там Ханн позволил дочке установить экспериментальный прожектор ее

собственного изобретения. И вот однажды ночью Гиббон приспособил свой велосипед к тросу...

- Пстой, пстой! - с Арабеллы было довольно поступков с непонятной мотивацией. - Она - дочь Ханна. Ее отец - глава «Дерна»...

- Правильно.

- Расскажи подробнее.

- То есть?

- То есть все, что знаешь. Имя хоть у нее было?

- Гм... - Брат напряг память. - Дульчи. Ее звали Дульчи.

- Сам придумал? Чтобы мне угодить?

- Да с чего бы мне придумывать?

- Эндрю...

- Нет, ее и вправду так звали. Ну, может, Дульчиня. Между собой служащие отцовской фирмы ее величали Дульчи Декорум. Им она, должно быть, казалась задавакой.

- Ну да, канатчики всегда славились классическим образованием. И эта Дульчи так невзлюбила родного папашу, что помогла конкурентам сломать самое важное звено в его транспортной сети?

- Похоже на то. Матери она лишилась, когда была совсем маленькой, а Ханн дочке времени совсем не уделял, препоручив ее нянькам и гувернерам. Потом у нее прорезались технические способности, она даже придумала кое-какие штуки, полезные для канатного дела, но Ханна это почему-то не обрадовало и даже разозлило.

Эндрю развернул газету и показал прожектор, с которым, как теперь было известно Арабелле, управлялась Дульчи Ханн.

- Вот этот дуговой светильник - тоже ее изобретение. Она вместо обычного угольного электрода применила новый, магнетито-титановый. Дольше работает, светит ярче. Для канатных дорог очень бы сгодился, но Ханн только отмахнулся. Даже не разрешал использовать для городских увеселений. Ну, дочка и затаила обиду. Гиббон ей просто вовремя подвернулся.

- Так что же, выходит, электрод, который тебе дала Джилл...

- Ага, - брат подкинул на ладони толстый черный цилиндр, - почти наверняка тот самый.

Они дружно подняли головы - разомкнулся зажим, кабина продвинулась еще немного накатом и замерла, причем вовсе даже не на станции. Она висела у самого карниза конторского здания. Двойняшки слышали тихое поскрипывание - это проскальзывал в замке тяговый трос.

Через окно Арабелла увидела контору: ряды столов и черных каталожных шкафов. Женщина в черной юбке-карандаше пыталась вытащить толстенную папку из нижнего выдвижного ящика, а над душой у нее стоял напомаженный брюнет: нет бы пособить, знай пялится и языком треплет. За деревянными столами сидели клерки

обоих полов, тархтели пишущие машинки. Хоть бы голову кто поднял, когда паренек катил мимо тележку с серебристой кофеваркой и с сонной точностью движений наполнял чашки. Порхнул по залу бумажный самолетик, приземлился на чьем-то столе.

Между тем из кабины выбрался вагоновожатый и ловко перемахнул на карниз.

- Что-то не так? - спросила Арабелла.

- Все в порядке. Вам куда нужно?

- Воздухоплавательный рынок. Неужто забыли?

- Подождите минутку, - попросил вагоновожатый и скрылся.

Арабелла заглянула в ведро, снятое парнем с крыши антикварного магазина. На дне лежали голубиные яйца: два розоватых, одно голубое и одно синевато-зеленое, все в крапинах помета. И почему, спрашивается, при виде этих яичек сразу накуксилась Джилл?

- Слушай дальше, - продолжил Эндрю. - Ночью Гиббон отправился на кладбище, вооружившись канатным велосипедом - это просто подвеска такая, со скобами для рук и педалями для ног. Канатчики на таком осматривают линии. Надел Гиббон велосипед на спрятанный трос и чуть было не свалился в свежерытую могилу. Ангел этот, чтобы ты знала, - памятник узникам, не дождавшимся освобождения, а могилка предназначалась для очередного такого покойничка. С землекопами Гиббону, прямо скажем, повезло - не заметили припрятанного в кустах каната. Ну, наш ловкач и давай крутить педалями вверх, на «Карцерную».

С собой у него был болторез, и ему не составило труда перекусить пару растяжек из тех, что удерживали станцию на стене Карцера. Площадка сразу просела и слегка накренилась. Теперь, чтобы починить, не одна неделя понадобится. Но Гиббону и этого мало: взялся срезать крепления натяжного шкива. Работенка оказалась потруднее, чем он ожидал. Кончилась эта затея плохо: тяжеленная чушка сорвалась, проломила пол и ухнула на улицу.

Грохот при этом стоял такой, что охранники «Дерна» проснулись. Надо драпать, пока кости целы, да вот незадача - между вредителем и его велосипедом образовался широченный провал. И он полез наверх, а потом горизонтально над станцией, вдоль тюремных решеток. Само собой, заключенные тоже переполошились. Пока Гиббон перебирал прутья, сидельцы норовили его сцапать и умоляли помочь с побегом. А потом он и вовсе провалился в очередную камеру - прутья решетки были перепилены. Там тоже был узник, но он, в отличие от своих товарищей по несчастью, не пытался поймать Гиббона, а просто лежал, и помалкивал. Может, силы кончились, пока он готовился к бегству, а может, условия содержания сказались - верхний ярус тюрьмы, всем ветрам открытый, тем и знаменит, что еще никому здоровья не прибавил. Бедолага стоял в одном шаге от свободы, но

сделать этот коротенький шажок ему не было суждено.

- Умер? - догадалась Арабелла. - Пустая могила под ангелом!

Эндрю ухмыльнулся.

- Еще ни от кого из наших общих знакомых не слышал, что ты туго соображаешь.

- Спасибо, братик, за семейную солидарность.

За конторским окном маячил вагоновожатый, он беседовал с женщиной в юбке-карандаше. Незнакомка уже справилась с толстой папкой, взвалив ее на стол и распахнув, а зализанный клерк нарочито подробно давал заказ снулому юнцу с кофейной тележкой, но то и дело косился: интересно же, чем занимаются сослуживица и чужак. Женщина улыбалась собеседнику и кивала, наконец подала ему телефонный аппарат. Вагоновожатый набрал номер, сказал в трубку несколько слов и возвратил аппарат на стол.

- Тело узника лежало на убогом тюфяке, дожидаясь погребения в безымянной могиле. Задержавшись в этой клетке, Гиббон дал возможность охранникам «Дерна» подобраться к себе. Еще немного, и он будет схвачен! Но тут на него снизошло вдохновение. Он размотал погребальный покров и вытолкнул мертвеца сквозь решетку. Несколькими витками шнура, который у канатчика всегда при себе, привязал труп к замку и пустил катиться вниз по тросу.

Уклон оказался подходящий, со стороны казалось, будто и впрямь живой человек управляет велосипедом. Небось живописная получилась картинка: под канатом болтается покойник, проносясь через кроны деревьев в ночную мглу. Заметившие его стражи «Дерна», понятное дело, решили, что это Гиббон спасается бегством, и припустили наперегонки - каждому хотелось поучаствовать в расправе.

Банда «паукообразных обезьян» всем скопом кинулась выручать жоака, и ребята из «Дерна» приняли бой. В конце концов прибыла полиция, но к тому времени дерущиеся успели окончательно разнести станцию.

В конторе вагоновожатый все еще любезничал с женщиной, но было видно, что ему не терпится вернуться в кабину. Вот парень шутливым приплясом двинулся к выходу. Зализанный, с блюдцем в руке, цедил кофе и провожал незваного гостя мрачным взглядом. Женщина, явно разочарованная, сцепила большие пальцы и помахала остальными - вдогонку вагоновожатому изобразила крылышки.

- Газеты тогда устроили знатную шумиху: бунтующие рабочие, безответственное управление, нездоровая конкуренция, негодная охрана тюрьмы... В итоге правительство приняло решение: независимые канатнодорожные фирмы - нонсенс, а персонал - сущие бандиты, их надлежит отдать под государственный контроль, пусть это будет часть воздушного транспорта Северной Метрополии. Большинство «обезьян» да и другие ни в чем не повинные канатчики

тут же получили расчет.

Арабелле столь крутые меры вовсе не показались неоправданными, но она предпочла оставить это соображение при себе.

- А с Гиббоном что стало? Как он выкрутился?

- Никак не выкрутился. В самом начале побоища получил по голове лопнувшей растяжкой, а когда очухался, его сразу арестовали и бросили в Карцер.

- Тебе, наверное, это кажется иронией судьбы? - спросила Арабелла.

- Пожалуй, что так. Гиббон в конце концов вышел на свободу, но найти работу уже не смог. Уехал за границу, а там нанялся на пароход.

- И все, что ли? - немного помолчав, спросила сестра. - А что случилось с Дульчи? И с прожектором?

- Не знаю. Что слышал, то рассказал.

- Раз так, нам придется выяснить остальное.

- Прошу извинить за задержку. - Вагоновожатый взлетел на свое сиденье и взялся за рычаг.

* * *

Рынок воздухоплавания размещался в бывшем бальном зале с высоченным сводом, почти сплошь застекленным; сквозь него виднелось небо. Там было всего лишь пяток шаров; даже полунадутые, они рвались с привязи, готовые к бегству. Две большущие «сигары» для дальних рейсов да три малых непоседливых дирижабля - для целей попроще, доставки ремонтников и запчастей. От былых времен сохранились арочные галереи, когда-то там собирались старики, чтобы поглазеть на танцующую молодежь. Теперь в галереях громоздились компрессоры, разобранные причальные мачты и прочее оборудование.

Миновав торговцев снедью у входа, двойняшки прошли в зал, от края и до края заполненный торговыми рядами. И сразу почувствовали себя не в своей тарелке: здесь все было для настоящих воздухоплавателей: исследователей-полярников, вахтовиков-горняков, работающих в труднодоступных районах, ну и, конечно же, для самих работников воздушных линий, этих дорог жизни, снабжающих разбросанные по гиблым землям поселения. Арабелла заметила такую воительницу, одетую по суровой моде пустынщиков: очки-консервы на кожаном шлеме, увесистые краги с наплечными лямками. Женщина рассматривала и ощупывала какие-то свисающие на цепях снасти.

- А гироскоп у тебя есть? - спросила она невысокую торговку с обведенными сурьмой глазами. - Мне компактный нужен.

Миниатюрная брюнетка не пожалела помады для своей шевелюры, и та даже не шелохнулась, когда хозяйка энергично замотала головой,

что она, похоже, делала частенько.

- Не-а. Я по освещению. Может, у него что-нибудь найдется. -
Продавщица махнула на соседнюю лавку.

Эндрю обернулся и увидел всевозможные осветительные устройства, свисающие на цепях с самого настоящего воздушного шара.

- А как у вас насчет ремонта и обслуживания?

Женщина ушам не поверила:

- Ремонт? Обслуживание? И куда же ты собрался затащить мой светильник? На Северный полюс?

- Я подарок ищу... для отца в кабинет.

- А кабинет где? В доме, да? Не на вулкане?

- Угу.

- И если любимый попугайчик твоего родителя будет день-деньской сидеть на цепочке и гадить на лампу, от меня потребуются ремонт и обслуживание? Эти вещи для реального дела. На века сработаны. Но раз в месяц масло подливать не мешает. Только не слишком много, а то еще капнет на твою красивую одежду. - Эндрю было не по себе: он не привык, чтобы женщины разговаривали с ним так неприязненно. - Короче, малыш, не будем отнимать друг у друга время. Вон там, у самой стенки, есть кое-что в твоём стиле. Проку мало, но на вид ничего... Наверняка подыщешь цацку на свой вкус. - Она углядела кого-то в толпе посетителей. - А теперь извини, у меня дела посерьезнее.

Эндрю не нашелся с ответом и позорно ретировался под козырек, где висели образцы аэростатной ткани. Сестра снова увидела пустыщицу, та приценивалась к гироскопу. На щеке у нее виднелись три расходящихся лучами шрама - знак отличия, награда за какое-то неведомое достижение.

- А какой чувствительный, словами не передать! - бурно расхваливал свой товар продавец. - Угол к ветру держит как вкопанный! Такие же машинки работали при подъеме «Аретузы», а знаешь, какие там шторма? Восемнадцать арбузовидных аппаратов с заостренными носами! Поздней осенью, в жуткие ураганы! И ни один не снесло! Все держались прямехонько против ветра!

- «Аретузу» так и не подняли, - возразила женщина.

Только сейчас Арабелла заметила, что воздухоплавательница ростом совсем невеличка. Просто кажется выше благодаря сапогам на толстенных подошвах с матерчатыми простеганными голенищами. В пустыне, где раскаленная каменистая земля, без такой обуви никак.

- Так то из-за пиратов, барышня, а не из-за штормов. Принесло чертей попутным ветром в самый неподходящий момент... Но все равно спасательная команда успела уничтожить корабль, пираты остались ни с чем.

- Как же ни с чем, если они эти «арбузы» захватили.

- А разве техника виновата?! При чем тут гироскопы?

Женщина опытным глазом осматривала навигационный прибор, дотошно проверяла, не заедает ли где.

Попробовала поднять:

- И сколько весит?

- Это надо в паспорте посмотреть...

- Тяжеловат, пожалуй. Для грузовика, может, в самый раз. А у меня работа потоньше.

- Пойдем, что ли, - сказал Эндрю. - Нет для нас тут ничего подходящего.

- Пойдем, - Арабелла неохотно вспомнила, что их ждут дома. - Дай-ка еще раз на картинку взглянуть, - попросила она.

Эндрю покосился на нее с подозрением - для него обертка электрода явно поднялась в цене, - но все же развернул газету.

Арабелла окинула взглядом бальный зал. Он несколько не отличался от нарисованного, на своих местах были даже статуи у входа: мамонт и саблезубый тигр - оба на задних лапах, злобно таращатся друг на друга. Эти звери попали на городской герб в незапамятные времена, когда здесь еще ничего не было, кроме болот, в округе водились длиннолапые медведи, они подкрадывались, всплывали и вылущивали из лодок первопроходцев, как гурман добывает из раковины сочную устрицу.

Но дата... Семнадцать лет прошло. Газета вышла на следующий день после бала Золотого Руна, главного события тогдашней общественной жизни. И состоялся этот бал здесь, вот в этом зале. Пол под ногами еще хранит отменное качество: блестит лаком, пружинит слегка, хоть всю ночь танцуй.

И на том балу была Дульчи. Арабелла всмотрелась в рисунок с нарядной толпой у окна и нашла женщину, похожую на молодую изобретательницу. Художник показал ее сзади, в платье с глубоким вырезом на спине и с тем же узором, что и на картинке с дуговым прожектором. Что общего между этой девушкой и крушением станции «Карцерная»? Определенно, Дульчи была здесь в ту самую ночь и видела, как все происходило.

Сквозь слои прозрачной воздухоплавательной ткани хлынул свет - как будто рассветное солнце пробило морской туман. Брат и сестра дружно обернулись: что за чудеса?! А это торговка осветительной снастью манит к себе.

- Цепной фонарь нужен, когда к объекту приближаться не хочется. - Женщина показывала, как спускается с блока обрешеченная колба, и держалась при этом так, будто они с двойняшками старые друзья. - Скажем, при сильном ветре под отвесной скалой или ледяной кручей. Спросите, почему бы штатный дуговой прожектор не задействовать? Да проку от него: и глаза слепит, и тени слишком резкие. Может, вас ударный бурав заинтересует? В пару к фонарю? Очень полезная вещь.

А вот дистанционные клешни разного калибра, пять штук в наборе, таких надежных поди поищи...

Не слишком-то искренняя любезность, подумала Арабелла. С чего бы вдруг менять гнев на милость и продавать фонарь непрофессионалам? Немножко стыдясь собственного упрямства, она решила испытать терпение торговки.

- Может, и куплю, только хочу на высоте проверить, - сказала девочка.

- Чего-о?

Арабелла взглянула вверх, на стреноженный обзорный шар.

- Дайте полетать и посмотреть, как работает прибор.

Глаза женщины недобро сощурились, нежелание посодействовать юным покупателям, чем бы оно ни было вызвано, оказалось стойким. Пожав плечами, она разрешила:

- Ладно, валяй, проверяй.

Когда вперед шагнул Эндрю, торговка резко мотнула головой.

- Только для одного. И гонки мне тут не устраивать! Проверяешь прибор в действии, если порядок, покупаешь. Все, не отвлекайте, у меня дел невпроворот.

Женщина распустила узел на швартовочном тросе, и Арабелла взмыла вдоль обшарпанной стены. Надеясь увидеть вблизи стеклянную крышу, задрала голову - какое там: все застило латаное-перелатаное брюхо аэростата. Только теперь она поняла, что воздухоплаватель в полете видит все, кроме неба.

Все же она поднялась достаточно высоко, чтобы углядеть черную кладку Карцера через окна в другом конце бального зала. От канатной станции и следа не осталось, но зато видна открытая лестница: она ведет на верх башни, пятиэтажной надстройки над громадой тюрьмы. Это оттуда светило изобретение Дульчи; это там был закреплен несущий канат Гиббона. А под башней - камеры, в одной из которых обнаружился мертвец и, сам того не ведая, пособил диверсанту бежать от разъяренных охранников.

В ту ночь вся сцена была бы видна сверху сквозь туман - если бы над ней висел аэростат, а в корзине кто-нибудь сидел. И уж конечно, от Дульчи, забравшейся на крышу башни, ничто не могло укрыться.

Арабелла спохватилась: надо же испытать потенциальную покупку, соблюсти, так сказать, маскировку. С нескольких попыток она обнаружила рычажки управления лучом, поводила им неровно туда-сюда. Тетка внизу небось глаза закатывает, обалдевает от такой неуклюжести. Но все же Арабелла приноровилась и опустила луч плавно.

Ну, так что же получается? В ту ночь велосипед доставил Гиббона на крышу башни, тот спустился по лестнице и принялся за свое вредительство... И похоже, у него получилось. Замеченный охранниками «Дерна», он запросто мог взбежать по ступенькам,

запрыгнуть на велосипед - и все, ищи ветра в поле.

Но вышло по-другому, если, конечно, рассказ Эндрю верен. Гиббон добрался до трупа и затащил его наверх. Там привязал и отправил в путь. После чего снова спустился, чтобы получить по голове лопнувшей растяжкой.

История с покойником-лжеканатчиком на первый взгляд выглядела правдоподобно, но Арабеллу что-то беспокоило. Не складывалась картинка. Какой-то детали не хватало или, наоборот, какая-то была лишней.

Она снова посмотрела вниз. Там, укрывшись от посторонних глаз за штабелями товаров, торговка светильниками целовалась с мужчиной. Ее рука с перстнями лежала у него на затылке, другая мяла ему тужурку. Арабелле не было видно лица мужчины, но куртку она узнала. Это же вагоновожатый! В сторонке, среди непривычных глазу воздухоплавательных якорей, стояло знакомое ведро.

Возле лавки Эндрю от нечего делать разглядывал товары; он и не подозревал, какие страсти кипят в нескольких шагах. Сестра поддалась чувству собственного превосходства: ей-то сверху все видно.

Кисть продавщицы погладила плечо канатчика... и отстранилась с застрявшим в пальцах голубиным пером. Секунду-другую женщина смотрела на него, смешно округлив насурмленные глаза, потом отвернулась.

Может, случайно, а может, и нет ее каблук задел и опрокинул ведро. Вагоновожатый кинулся поднимать. Еще разок Арабелла успела осмотреться, и шар двинулся вниз - там уже выбирали трос.

Конечно, светильник они раздобыли более чем оригинальный, и папе, надеялась Арабелла, он понравится. Правда, таким лучом сподручнее озарять мглистые щели на продуваемом ветрами леднике; он бы сгодился в поисках потерпевшего катастрофу аэростата среди черной, как полночь, тайги.

Внизу она застала бурный спор.

- Но все же в порядке, - говорил Эндрю. - Хороший фонарь.

- Для тебя даже слишком хороший, - возражала женщина. - У меня хватает своих клиентов, любому из них фонарь может понадобиться, что и случилось минуту назад. Я тебе его просто так показала, мол, есть в ассортименте и такой товар.

- Но мы же первые обратились!

- Ну и что с того? Я вам ничего не обещала.

- Что случилось? - спросила Арабелла.

- А то и случилось: пришел срочный заказ на полный комплект осветительного оборудования, - ворчливо ответила женщина. - Постоянная клиентура. Все, некогда мне ерундой заниматься. Через месяц подвезут такой же, вот тогда и заглядывайте.

Это канатчик замолвил словечко, сообразила Арабелла. Его

стараниями продавщица согласилась продать фонарь подросткам. Наверное, в ходе уговоров и поцеловать её пообещал. Да только, похоже, кончилось теперь его влияние, а все из-за голубиных ячеек. Что ж, похоже, спорить бесполезно, ничего не остается, как уйти с пустыми руками.

Брат с сестрой пробирались мимо изделий непонятного назначения, под свисающими веревками и проводами, и казалось, все вдруг повернулись к горе-покупателям спиной. Как будто они нарушили некий неписанный закон, и теперь их присутствие на рынке воздухоплавания нежелательно. Даже девицы-пустынницы больше не видать, ушла по своим загадочным делам. Эндрю задержался у лотка с бутербродами при входе, однако даже привлечь к себе внимание продавца и то оказалось непросто.

Площадку канатной дороги обдувал прохладный ветер, но солнце пригревало лица. Вдруг Арабелла поняла, что ничуть не расстроена: ей было в радость провести столько времени в компании брата, капризного, не очень общительного и все же любимого. Ведь завтра они расстанутся и очень нескоро увидятся снова. Захотелось даже за руку его взять. Нет, это уже слишком.

- Эндрю, можно вопрос?

Он развернул добытый не без усилий бутерброд с яйцом и помидором, вздохнул - тут и есть-то нечего.

- Насчет этой истории? Валяй. Все лучше, чем пялиться на меня с таким сочувствием.

Уж чем-чем, а подобным тоном ее не остановить.

- Как удалось Гиббону вынести из камеры тело и затащить на самый верх башни?

Эндрю воспринял вопрос серьезно. Повернулся к башне - странноватому готическому украшению над унылой каменной стеной. Нахмурился. Сестра поняла: перебирает версии.

- Да, - сказал он наконец, - задача непростая. Сила требуется недюжинная. Но все-таки это в пределах возможного. А у тебя какие мысли?

- Мне просто не верится, что Гиббон рушил станцию с ведома и попустительства Дульчи. Пусть даже она втрескалась по уши. Умная женщина постаралась бы найти другой выход.

- Ага, как же... Ведь это она помогла Гиббону туда пробраться. Какой еще мотив у нее был?

- Ну, давай подумаем. Например, ей потребовался Гиббон, чтобы вытащить кого-то из Карцера. Устроить побег ее настоящему любовнику. Если так, то все складывается. Она нанимает Гиббона, объясняет, что и как делать. Он идет и делает. Потому и захватил с собой болторез - перекусить решетку. Вывел ее дружка из камеры, посадил на велосипед. А потом оглянулся...

- И смекнул, что станция совершенно беззащитна. Плод созрел, срывай да ешь... По-твоему, это умная женщина? Подпустила знаменитого диверсанта к самому важному из отцовских объектов...

- Да, не слишком предусмотрительно, - кивнула Арабелла. - Но ведь она присматривала за происходящим.

- Присматривала? Это как же?

Сестра упомянула про свой полет на воздушном шаре.

- В ту самую ночь она была здесь и прекрасно все видела.

Эндрю развернул газету и ткнул пальцем в расплывчатый овал с ушибленным Гиббоном, который держался за голову и заваливался на спину.

- Кажется, теперь понятно, откуда взялось вот это. А я принял за само собой разумеющееся.

Сестра взглянула, куда он показывал. То, что она приняла за растяжку или деталь конструкции, на самом деле было тем самым болторезом, предназначенным, по гипотезе Арабеллы, для вызволения узника, а по рассказу Эндрю - для диверсии. Но болторез вовсе не падал...

- Боже мой! - ахнула Арабелла. - Кто это?

Эффект был поистине ошеломительным. Будто рассеялся клубящийся вокруг Гиббона туман и появился силуэт: кто-то, закутанный в белое, который держал болторез как дубину. Совсем не случайно диверсант-канатчик получил в ту ночь роковой удар.

Но заметить этот смутный силуэт нелегко - отвлекают детали первого плана: четкая каменная кладка, массивные болты, крепящие станцию к стене. Чуть расслабишь зрение, и белый призрак растает в тумане.

- Отлично, - со странным удовлетворением кивнул Эндрю. - А теперь вопрос: кому не терпелось треснуть Гиббона по черепушке?

- И кому же?

- Нашему старому приятелю Пардо! Кому же еще? Его ведь унизили, зашвырнув в Клепсидру. Гиббон и не догадывался, кого ему поручено вытаскивать из тюрьмы. Если и понял, то было уже слишком поздно. Как полагаешь, она и это запланировала?

Арабелла задумалась. В то, что Пардо - невинная жертва жестокого розыгрыша, ей верилось легко. Но чтобы он оказался еще и тайным возлюбленным Дульчи... Сомнительно как-то. Такая женщина и счетовод из конторы... С другой стороны, чем не объяснение непомерному гневу ее папаши: с виновником крушения кабины он расправился прямо-таки люто. И тем самым разорвал нежелательную связь...

Представилось, как Дульчи в бальном платье следит за побегом сверху. Вот ее избранник появляется из камеры, вот он бьет Гиббона по голове тем самым инструментом, что был применен для его вызволения. Неожиданный, мягко говоря, поворот событий.

- Все-таки это выглядит дико, - сказала она. - После того как Гиббон

отрубился, а Пардо или кто-то другой завладел его велосипедом и дал деру, как вышло, что о случившемся узнали «обезьяны»?

Арабелла вообразила картинку: Дульчи в бальном платье бежит по улице, застревая шпильками в брусчатке, - ей надо спешно донести весть до врагов отца...

- Версия у тебя ошибочная, но в другом отношении. Надо лучше рассмотреть сцену драки.

В овале рядом с туманным изображением загадочного незнакомца, бьющего Гиббона по голове, люди в вечерних костюмах дрались среди станционных распорок и растяжек. Вечерние костюмы? Арабелла пригляделась к бойцу, замахнувшемуся ломиком: на нем белый фартук. У другого висит на шее дегустационная ложка - стало быть, он старший официант.

- Канатчики частенько подрабатывали на раутах, - пояснил Эндрю. - Швейцарами, сервировщиками, официантами. На больших балах, бывало, собиралось до половины городских канатчиков. И уж конечно, «паукообразные обезьяны» тут первые, им вечно денег не хватает. Когда лупят их жоака, что они делают? Правильно, все бросают и бегут на выручку. Стоит ли удивляться, что станция не выдержала такую толпу.

Из-за угла здания появилась кабина, ею управлял тот самый вагоновожатый. Арабелла представила его в белом фартуке.

Точно, старый знакомый!

Она двинулась к вагоновожатому. Завидев Арабеллу, тот вышел из кабины.

- Я тебя видела раньше, - сказала она. - У нас дома. Прошлой зимой, на званом ужине. Мама это дело терпеть не может, но если никак не отвертеться, закатывает пир на весь мир. Память у меня неплохая, и все же половину гостей я до сих пор не знаю по именам. Когда я была маленькой, сидела на верху лестницы и смотрела, пока меня не прогоняли.

- Стол с напитками, - сказал парень. - Содовая. Иногда со льдом.

- Со временем тебе доверят что-нибудь поответственнее.

- Жду и надеюсь.

Тот ли самый вечер она вспомнила? Все приемы в ее памяти как будто смешались в один. Сплошной гул голосов, в него иногда вторгается громкий смех. Дым большого камина - в обычные дни его не топили из-за плохой тяги. Бархатные покрывала на креслах и диванах. Как-то раз на одном из этих покрывал Арабелла прикорнула не раздеваясь, и ее разбудил пьяный гость. Он все пытался посадить девочку к себе на плечи, пока она не убежала крича в свою комнату.

Но ей не удавалось припомнить этого канатчика возле стола с напитками. Он ей попался на глаза наверху, вернее, когда украдкой поднимался по лестнице. Тогда она предположила, что где-то там

родители выделили помещение под временный склад, но теперь возникли сомнения. Лестница очень уж крутая и узкая, таскать вниз продукты и напитки неудобно. Кого же обслуживал наверху, да еще и в обстановке секретности, этот парень?

- Нет, - уверенно возразила она. - Не у стола с напитками. И не внизу.

- Ты меня тогда напугала, - улыбнулся канатчик. - Выскочила из темноты, прямо как привидение.

Арабелла со смущением вспомнила, что на ней была тогда самая лучшая, с вышитой каймой, ночная рубашка. Да, жаль, что не нашлось времени получше подготовиться к встрече...

- И почему бы тебе не сказать «как ангел»? - спросила она.

- Да уж, слово неподходящее. Но признаюсь: ты мне тогда показалась... невесомой.

- Чем ты сейчас занимаешься? - поинтересовалась Арабелла. - Решаешь, кого из подружек бросить, когда закроются канатные дороги?

- Я уже принял решение. Давно. Только притворялся, что раздумываю. Но если бы не решил...

- То что?

Вагоновожатый глядел на Арабеллу. Еще никто из мужчин не смотрел на нее так пристально. А может быть, никто из них не замечал в этой девочке того, кем она стала, потому что такой Арабеллы, как сейчас, раньше попросту не было. Что если завтра она будет уже другой, когда сядет в поезд и махнет в горный край, где ждет новая школа, где другая жизнь поглотит ее всю без остатка? Может быть, такой, как сейчас, Арабелла останется только в памяти этого человека?

- То сейчас, пожалуй, призадумался бы.

Она отвернулась, испугавшись, что покраснела. Похоже, этот парень знал в точности, как надо с ней обращаться. И это ее слегка раздражало.

- Можно ведь и ангелом назвать, а подразумевать привидение. Смотрю, ты голубиные яйца с собой таскаешь. Трясешься над ними, как над бесценным сокровищем, и ни до чего другого тебе дела нет.

- Кое до чего есть, - нахмурился он вдруг. - Кабина идет на север. Этим путем можно добраться только до Пожарной башни, и то лишь до заката. Вам куда теперь?

- Это зависит от обстоятельств, - возник за спиной Арабеллы брат. - Нам туда, где можно поискать лампу.

Вагоновожатый протянул руку и что-то водрузил на козырек навеса.

- Есть местечко... Но не лучше ли вам здесь подождать?

- Чего ждать-то? - спросил Эндрю. Вагоновожатый покачал головой.

- Ничего. Кабина уже отправляется. - Он повысил голос: - Прошу занять свои места!

Арабелла, усевшись, развернула полученный от брата бутерброд, и кабина наполнилась крепким запахом копченой ветчины и пряных трав.

Аромат съестного отвлек Арабеллу от размышлений. Она резко наклонилась - кабина отчалила от площадки - и оглянулась на вагоновожатого.

На козырьке навеса, аккуратно положенное, осталось синеваато-зеленое яйцо.

* * *

Двойняшки оглянулись напоследок на темную глыбу Карцера, и вот они уже скользят над речным берегом, мимо газгольдеров и причалов, мимо неровных гор блестящего угля. Из разнокалиберных труб валят дым и пар.

Какое-то время Арабелла и Эндрю сидели молча. Напротив посапывали мужчина и женщина не первой молодости, в ногах у них стояли одинаковые цветастые сумки. И как же они теперь станут подремывать в пути, ведь уютно покачивающихся кабин канатки больше не будет?

Вагоновожатый снова затормозил у какого-то здания на середине перегона. Он кого-то высматривал на плоских крышах, между длинным рядом дымоходов и шеренгой надстроек над лестницами. Через пять-шесть домов показалась женщина, а с нею девочка в старомодном чепце. Перебрались через парапет - и вот они уже на один дом ближе. То ли сиделки, то ли работницы общественного присмотра: такими путями им проще добираться, ведь их подопечные - бедняки, живущие на верхних этажах. Похоже, и впрямь сиделки - при каждой была небольшая черная сумка.

Наконец обе вскарабкались в кабину, да так проворно, словно всю жизнь ничем другим не занимались. Арабелла и Эндрю подвинулись, освобождая для новых пассажиров место, и кабина плавно отошла от здания.

Женщина обернулась, как будто что-то хотела сказать вагоновожатому, и тут ей на глаза попало ведро с голубиными яйцами. Она сразу же насупилась, отодвинулась, будто усевшись на что-то по неосторожности. Затем поставила свою сумку на ведро и оправила платье.

Девочка ахнула и потянулась к сумке, но было уже поздно. Кабина дернулась, съезжая на поворотный рельс. Сумка упала в ведро.

Женщина вынула ее, с уголка стекал желток. Она в страхе посмотрела на вагоновожатого. Тот смолчал - то ли был слишком занят своей работой, то ли смирился со случившимся.

- Какая же я растяпа, - сказала женщина. - Не заметила, что тут яйца. А ну, глянь, целы ли стеклышки, - обратилась она к дочери.

Арабелле подумалось, что девочка никогда еще не видела свою мать

такой растерянной. И этот образ непременно запомнится, засядет где-то на задворках детского сознания: крупным планом ботинок, рука на кромке окна, смутно - голова, в фокусе - выдавшая виды черная сумка с яичным блеском на уголке. Щелкнув застежками, девочка раскрыла сумку и достала латунную шахтерскую лампу с большими круглыми стеклами. Повертела ее, снова посмотрела на мать. Та сидела полусмежив веки, словно решила урвать немного сна по примеру соседей.

- Простите, пожалуйста, - обратился Эндрю, - можно узнать, где вы приобрели этот фонарь?

Арабеллу подмывало заглянуть в ведро, выяснить, уцелело ли хоть одно яйцо. Но нельзя сделать это незаметно.

- На лестницах... - Девочка осеклась и оглянулась на мать; та кивнула, открыв глаза. - На лестницах почти всегда темно. Лампы-то есть, но они или побитые, или никто не платит за свет. Мы между собой не раз на это жаловались, а он слышал. - Девочка ткнула большим пальцем в сторону вагоновожатого, тот подтвердил ее слова скромным шевелением ботинка. - И однажды нашел для нас где-то в горах, в копях, шахтерские лампы. Крепкие, хоть камнями в них кидай. И даже под водой светятся! Только нагар вовремя счищать нужно.

- Они от химической реакции работают, - пояснила женщина. -И топлива мало расходуют, у нас всегда при себе запасец.

- И в холода согревают, - добавила дочь. - Я свою лампочку просто обожаю!

Она оглянулась на вагоновожатого - слышит ли?

- Да обожай на здоровье, - сказала мама, - мы уже выходим.

Эта станция располагалась на складском здании. Во все стороны разбегалась асфальтированная кровля, напоминавшая высокогорную пустыню. Рядком стояли три шезлонга, ветер трепал их завязки. Немолодая парочка пробудилась и выбралась из кабины, а за ними мать с дочкой. Остались только Арабелла и Эндрю, и куда теперь ехать, они не знали.

- Глупо, - сказала Арабелла. - Зачем папе шахтерская карбидная лампа?

Но упрямец Эндрю обернулся к вагоновожатому:

- А там, случайно, не осталось еще таких ламп?

- Съездим и посмотрим, - ответил парень. - Не отставайте.

* * *

Вагоновожатый провел их по крыше к другой линии, уходящей в сторону от главной. Там висела кабинка - совсем крошечная, даже без стекол. Но она на удивление резво побежала в направлении холмов. У

подножия гряды стояли дома покрупнее, затем мелкие, а дальше - голая земля.

Местами подъем был почти вертикальным, и пройти этим маршрутом могла лишь самая легкая кабинка.

Арабелла смотрела на гряду, которая теперь казалась не внушительной преградой, а пустяковой складочкой местности. Вдали медленно полз поезд, который только что выехал с Северного вокзала.

Рядом высунулся в окно Эндрю.

- Ты на нем еще не ездила? Взгляни-ка на локомотив. Четыре пары сцепных колес, они дают силу тяги. У такого колесика диаметр шесть футов, представляешь! И уже завтра он тебя повезет. Там, я слышал, вечером пассажиров кормят, причем очень вкусно. Льянные скатерти...

Пыхтения тяжелого локомотива отсюда не было слышно, но, судя по туче черного дыма, он выбивался из сил, таща за собой по склону вереницу красно-белых вагонов. Среди мелких зеленых складок обломком карандашного грифеля мелькал цилиндр паровозного котла.

«И к чему такие сложности? - думала Арабелла. - В тысячу раз проще добираться канатной дорогой. Вышла из школы, забралась в кабину и уже вечером дома...»

Любая мысль, связанная с завтрашним отъездом, давила, как чугунная плита.

Кругом уже давно расстился пейзаж, не стоящий даже короткой остановки. Двойняшки летели над бросовой землей, лишь редкие фермерские постройки и отары овец говорили о том, что это не совсем пустыня. Ветер окреп, налетал порывами, раскачивал кабинку.

Внизу проскочило заросшее болиголовом пятно, и вот конец пути: узкая и длинная пожарная башня встала над зубчатыми скалами. Поблизости - уютный на вид бревенчатый домик под зеленой крышей с рядом голубиных клеток во дворе. Декоративный, украшенный большущим гребнем голубь уцепился за палец женщины с длинными рыжими волосами. На ней травянисто-зеленая жакетка и песочного цвета штаны. Ни птица, ни человек интереса к вновь прибывшим не выказали.

Вагоновожатый причалил кабину, подобрал ведро и пошел к рыжей.

Так это же к ней он ехал весь день, сообразила Арабелла. Но подступиться к этой женщине без голубиных яиц, видно, не мог. Может, из этого появится голубь с полетом порезвее или с окрасом поярче: хозяйке все новое в радость. Рыжеволосая заглянула в ведро и не улыбнулась.

Арабелле представилось, как она сейчас спросит: «И это все?».

Потому что из четырех яиц до места назначения добралось только одно. Да и его, наверное, снесла самая заурядная голубка.

Эндрю дернул сестру за рукав.

- Идем. Видишь вон там, ниже по склону, отвалы? Вход в шахту где-то

рядом. Ага, вот и тропка.

- О господи... - Арабелла неохотно двинулась следом. - Ты и впрямь думаешь, что там остались эти дурацкие лампы?

- Ничего я не думаю, - буркнул он. - Придем - увидим.

Тропка через заросли кустарников привела к груде камней. Отсюда город не был виден, даже дыма не разглядеть. Кругом только холмы и леса. Внизу меж сосен поблескивало озеро. Солнце висело низко, это внушало беспокойство. Очень уж далеко от дома очутились двойняшки.

Арабелле представилось, как мама готовит торт. Да не простой - с корзинным плетением. Не любит она принимать гостей, а потому, как бы себе в наказание, отдается самой кропотливой и хлопотной возне - и не праздник уже, но сущее наказание. А нынче и помочь некому. Когда они вернуться, будет, конечно, нахлобучка. Правда, уже завтра Арабелла уедет из дома.

Несколько шагов в проделанный когда-то с помощью взрывчатки зев шахты - и перед двойняшками новая проблема: чтобы искать в этом черном жерле лампы, нужна лампа.

На Эндрю было жалко смотреть. Еще никогда он не приходил в такое отчаяние. Брату не хватало воздуха, как будто он не в шахту спускался, а погружался в глубокий омут. Шел он медленно, стараясь нащупывать обе стены. Вот остановился, дал глазам привыкнуть к потемкам и зашагал дальше.

Но вскоре мрак сделался непроглядным. Теперь Эндрю продвигался только на ощупь.

- Эндрю, ерундой занимаемся! Ты так свалишься скоро! Если хочешь карбидную лампу, давай устроим нормальную экспедицию. Мы теперь знаем это место, запасемся всем необходимым и приедем сюда еще раз.

- У него день рождения через два дня, - глухо отозвался брат. - Нельзя без подарка. Давай у смотрительницы спросим, у рыжей. Может, найдется что-нибудь подходящее для нас.

- Вот ты и спроси, - сказала Арабелла.

Эндрю замялся: он почувствовал напряжение между смотрительницей пожарной башни и вагоновожатым.

- Давай сначала тут поищем, вдруг что-нибудь подвернется...

Он все брел вперед. Арабелла задержала дыхание, она ждала вскрика и долгого падения в невидимый шурф.

- Постой, постой... Я что-то нашел.

Она слышала, как брат копошится во мраке. Вот наконец он вышел на свет, и в руке у него - походный набор посуды. Да в неплохом состоянии: и крышка на месте, и вилка с ложкой брякают на боку котелка.

Эндрю посмотрел на него с неопишуемым разочарованием, повернулся, со всей силы швырнул обратно в темноту. Пугающе долго

из шахты не доносилось ни звука, наконец прилетел одинокий слабый лязг.

Арабелла пошла вверх по склону, к отслужившей свое площадке канатной дороги; брат плелся следом. Вагоновожатый и смотрительница пожарной башни куда-то скрылись. В клетках шуршали и ворковали голуби. Возле цистерны с водой стояло пустое ведро.

Арабелла взглянула на башню. Женщина была там, наверху. Окно нараспашку, на ветру реют длинные рыжие локоны.

Длинноногий канатчик с унылым видом сидел на крыльце башни.

- Кто это? - спросил Эндрю.

Арабелла прищурилась, глядя на трос. Издалека ползло в сторону башни пятнышко. Тоже кабина-невеличка?

Нет, не кабина. Под тросом висел человек.

На канатном велосипеде.

Крутить педали не было нужды, его тянул трос. Вот уже можно различить наездника: упитанный, средних лет, с типичным лицом клерка, с проседью в каштановой козлиной бородке и усах. Несмотря на пальто с меховым воротником, он зябко съежился - да и Арабелла кукожилась бы точно так же, доведись ей болтаться на канате в сотнях футах над землей.

Незнакомец достиг площадки, разомкнул замок велосипеда, закатил его на свободный рельс... и, задышавшись, упал на четвереньки.

- А ведь я зарекался... - прохрипел он, глядя в настил. - На всю жизнь зарекался. Торжественный обет давал!..

До незнакомца вроде не сразу дошло, что он не один. Вот он сел и уставился на Арабеллу и Эндрю.

- А, вы еще здесь. - Мигом взгляд синих глаз обрел деловитую ясность, которая не вязалась с несколько разболтанными движениями.

- Здравствуйте. Вы кто?

- Я собирательный образ... Призрак канатчика, пытавшегося извлечь выгоду из этого несчастного вида транспорта.

Он медленно встал, стряхнул пыль с колен. И, посмотрев на сидевшего под башней вагоновожатого, повысил голос:

- Эй!

Парень поднял голову и сразу же вскочил на ноги, а незнакомец что-то выхватил из кармана и запустил размашистым броском.

Длинная рука вагоновожатого шустро вытянулась, поймала. И вот он держит между пальцами голубиное яйцо, бледное, синевато-зеленое.

Миг - и парень припустил по лестнице башни.

- Нам пора сматывать удочки, - сообщил двойняшкам мужчина, в котором легко угадывался управленец из канатной конторы. - На многих линиях котлы уже не топят, давление пара на исходе. Городу - экономия антрацита, а нам - риск застрять в этой дыре.

- Он специально яйцо оставил, - догадалась Арабелла. - Знак следовать за нами. А зачем?

Незнакомец вздохнул.

- Я хотел с вами встретиться еще на рынке воздухоплавания, это место лучше подходит для торга. Но прикинул, что у моего юного друга там неизбежно возникнут обычные затруднения и он не сможет задержаться. У вас, ребята, есть то, к чему я совсем не прочь прицениться.

- На газетном рисунке - вы? - Эндрю ужасно хотелось, чтобы собеседник оказался Гиббоном.

Но он, конечно, понимал, что вряд ли перед ними тот самый верхолаз-диверсант.

- Да, но не очень похож, - буркнул он. - Не первый день она меня знала, могла бы и получше изобразить...

- Так это Дульчи рисовала? - До сих пор Арабелла полагала, что автор рисунка - на редкость одаренный художник газеты.

- Ну да... - незнакомец покачал головой. - Этот рисунок мне помог, а как, вы нипочем не догадаетесь. И все-таки мне не по нраву быть смутным привидением. Слишком уж откровенно это говорит о том, какого она была мнения о моей персоне. Ребятки, газету можете оставить себе, а я хочу у вас выменять большой черный электрод. Мне не удалось заполучить прожектор малютки Дульчи, вот и пытаюсь с тех пор собрать его по частям.

Эндрю понял, кто перед ним, и проглотил разочарование.

- Пардо... Вы вернулись.

- Что значит - вернулся? Я и не уезжал никуда, пятнадцать лет кряду управлял воздушным транспортом Северной Метрополии. Уехал только наш друг Гриббинз, отправился на поиски приключений.

- Гриббинз?

- Вам он, вероятно, известен как Гиббон - сей нелепый псевдоним пристал к нему на канатном поприще. Гиббоны, чтоб вы знали, из Старого Света...

- Мы знаем, - грубовато перебил Эндрю.

Пардо, если это и впрямь был он, ничуть не рассердился.

- А если знаете, то наверняка уже поняли, что всей правды о том деле вам не отыскать. Но вы можете получить недостающие подробности от меня. Как считаете, посодействует это нашей сделке? - Он взглянул на башню: там, наверху, бок о бок стояли двое. - Сдается, последнее яичко пришлось очень даже кстати. Богиня - существо капризное, никогда не знаешь, заставит ли ее сменить гнев на милость твое подношение. И все же странно, что так мало яиц.

- Половина побилась в дороге, - объяснила Арабелла.

- Он пошел на этот риск, чтобы организовать нашу встречу, - кивнул Пардо. - Увидел в ваших руках электрод и сразу сообразил, как

действовать. Хороший он человек. Плохой не поставил бы под удар собственное счастье.

Арабелла вспомнила, как вагоновожатый в конторе звонил по телефону. Тогда-то он и связался с Пардо. Да, он оказал этому человеку услугу, одновременно сумев позаботиться и о себе.

Пардо прошел к кабинке, ухватился за нее и сдвинул с рельса на трос.

- Готовы?

Брат с сестрой переглянулись и забрались на скамейку.

- Не хочет ли кто-нибудь из вас поработать с зажимным аппаратом? - тон Пардо сделался вдруг неуверенным. - Я буду подсказывать... У меня, знаете ли, фобия: не могу управлять кабиной. Всей дорогой - пожалуйста, а как возьмусь за рычаг, сразу тошнит.

Эндрю и Арабелла, не долго думая, сыграли в камень-ножницы - бумагу. Победил, как обычно, Эндрю. Он и запрыгнул на сиденье вагоновожатого.

- Вот что необходимо запомнить: нормальное положение рычага - до отказа вперед, при этом тяговый канат зажат замком. Твоя задача - плавная сцепка. Так что двигай не спеша...

Что-то щелкнуло, и кабина рванула на полной скорости.

- Ой, простите, - сказал сверху Эндрю.

- Навык придет, а для начала неплохо. - Пардо устроился на скамье, глядя на скользящие под днищем кабины холмы. - Давайте поговорим о том, что вы уже поняли. Как думаете, почему меня посадили в Карцер?

Арабелла не ожидала, что беседа начнется с такого вопроса.

- Так авария же в Клепсидре... По вашей вине фирма лишилась кабины. Ну и еще... Ханну не нравилось, что вы с Дульчи.

Пардо улыбнулся своим мыслям.

- Каким благородным и величественным был бы мир, если бы для него такие вещи что-то значили... Сидел бы я в сырой камере и радовался - поделом вору мука.

- Так дело не в той жестокой шутке? - спросила Арабелла.

- Ну, конечно же, нет. Будь дело только в этом, Ханн разозлился бы на меня, но еще больше он разозлился бы на Гиббона. Просто подвернулся момент, и мой шеф его не упустил. Гиббон так и не узнал, какой страшной мести он избежал исключительно по воле случая. Нет, у Ханна была более серьезная причина от меня избавиться. Ведь я тогда, понимаете ли, был совсем молод. Молод и амбициозен. И привычки, которыми я себе позволил обзавестись, плохо уживались с жалованьем канатного клерка. Вот и принялся шустрить.

- Шустрить? - удивилась Арабелла.

- Ну да. Подворовывать у фирмы. И неплохо наострился. Ханн догадывался, в чей карман утекают денежки, да только прищучить меня ему не удавалось. Когда же я утопил кабину в Клепсидре, у него

появился предлог.

Линия обогнула огромный блин отражателя, и впереди трос по всей длине, до самого города, облился закатным солнцем.

- И вот томлюсь я в своем узилище и думаю думу горькую. А за решеткой виднеется станция «Карцерная». Сам к ее строительству руку приложил, когда фирма планировала расширяться на север. Гудит канатка снаружи, как будто издевается надо мной. Да только нет худа без добра: появилось у меня время, чтобы жизнь свою осмыслить да раскаяться. В тюрьме человек здорово меняется, там ему не до новых афер. В тюрьме, если на то пошло, вообще делать нечего: сиди да философствуй.

Вот я и сижу, философствую и однажды ночью слышу: «дзинь-дзинь». Выглянул наружу - Гиббон! Стоит на козырьке и высматривает что-то по ту сторону площади да постукивает болторезом по моей решетке. Неужто, думаю, совесть в человеке заговорила и затеял он меня вызволить, оправдавшись тем самым за подлое издевательство? Скажу, забегая вперед, что в этом своем раскаянии ухитрился он убедить малютку Дульчи. Не понравилось ей, что меня осудили несправедливо, а Гиббон про то прознал, ну и про ее нелады с папашей. Ей бы любимым делом заниматься, устройства всякие конструировать, управление дорожной сетью совершенствовать, а Ханну это по боку. Только и ждал от дочки, чтобы на балах в грязь лицом не ударяла.

- Так что же в этом плохого? - не поняла Арабелла. - Даже изобретательнице, если она молода, охота на балу покрасоваться.

- Уж она красовалась! - разулыбался, припоминая, Пардо. - Но при этом и времени не теряла. Устроила так, чтобы в ночь, когда Гиббону предстояло обтять дельце, сама она оказалась по другую сторону площади и смогла за ним присмотреть. Слишком самонадеянной была, недооценила Гиббона. А он похитрее. Похитрее нас обоих. На вид псих психом, но выгоду свою знал четко.

Ну так вот, Дульчи наблюдала, а Гиббон целый спектакль устроил, будто с невероятным трудом проламывается ко мне через решетку. Я сразу все понял. Вот сейчас возникнет проблема, якобы непредвиденная, и Гиббон вроде бы для ее решения ненадолго спустится к станции, где Дульчи его не увидит и где он шустро подстроит аварию. После чего он еще повозится для виду с моей решеткой да и отправится восвояси - дескать, как ни бился, ничего не вышло. А я останусь в камере.

На мое счастье, Гиббон не просто махал железякой, а делал вид, будто и впрямь ломает прутья. Видимо, все же опасался, что Дульчи заподозрит неладное. Я его умолял: не губи, освободи. А он не смеялся в ответ, не оскорблял. Ничего такого. Вообще никак не реагировал, словно я для него пустое место. Знай себе изображает

героические усилия да оглядывается на праздничное веселье. Понимает, что на балу девчонке у окна долго не простоять. И вот дождался: отошла она. Подхватил Гиббон свою снасть и двинул к станции. Да не тут-то было! Пока он высматривал Дульчи, я отодрал полосу от простыни, накинул ее на инструмент и привязал к пруту решетки. Скажете, глупость? Ничего другого мне тогда на ум не пришло. Однако же получилось! Да еще как!

Сперва Гиббон решил, что болторез зацепился, и попытался выдернуть. Потом заметил мою тряпицу. А чтобы до узла добраться, надо руку в решетку просунуть - вот тут-то я его и хватил по пальцам заостренной зубной щеткой. В Карцере развлечений нет, и я, пока там томился, освоил пару-тройку тюремных премудростей. Он сначала ругался последними словами, потом клялся не трогать станцию, а после убеждал, что Дульчи меня любит.

Ни единому слову я не поверил и к узлу Гиббона не подпустил. Сунется - а я заточкой! Долго это не могло продолжаться, время играло против него, в любой момент могла появиться охрана. Наконец, он решил рискнуть и бросился к станции. Он же не дурак, чтобы с одним-единственным инструментом пойти на такое дело. А Дульчи, наверное, все кружилась по залу: у такой девушки бальная карта всегда заполнена от и до, и отказывать всем подряд - значит давать пищу для подозрений.

Я же, не теряя ни секунды, распустил узел и затащил железяку в камеру. Кусать прутья мне было сподручнее, чем Гиббону - ему ведь приходилось балансировать на узком козырьке. Так что в общем-то он сдержал данное Дульчи обещание и помог мне освободиться. - Пардо посмотрел вверх. - А теперь, господин Эндрю, левый рычаг переведите вот сюда. Сегодня у вас первый рейс, а я ваш мастер-наставник.

Арабелла попыталась определить, куда движется кабинка.

- Мы так доберемся до дома?

- В конце концов доберетесь, - ответил Пардо. - Но сначала получите лампу. Вы разве не за ней отправились?

- За ней! - обрадовалась Арабелла. - А какая она?

- Не разочаруетесь, обещаю.

Арабеллу грызла совесть: расплата за приключения ляжет на плечи брата. Ей уезжать завтра, а он останется.

- А потом вы пролезли через дыру и оглушили его, - сказал Эндрю, когда кабинка перебралась на новую линию. - Как на рисунке.

- Верно. Ух, как я был разъярен! Проще было бы сесть на его велосипед и укатить подальше от греха. Но ведь Гиббон унизил меня и обманул Дульчи, да к тому же он стремился разрушить все, что я создавал. Он заметил мое приближение и успел изготавиться к драке. И мы сражались на станции, рискуя сорваться и расшибиться в лепешку. На моей стороне было преимущество в оружии, но и

противник мне достался не из слабаков. В конце концов я его измотал и уже был готов свалить... На я упустил тот факт, что мы деремся на виду у всего бала, а там что ни официант, то канатчик. Побросав подносы и скатерти, «паукообразные обезьяны» хлынули на выручку предводителю. А за ними устремились все остальные.

Ох, и зрелище же было, скажу я вам! Настоящая катастрофа! Обслуживать тот бал явились чуть ли не все городские канатчики, и никто не захотел пропустить потеху. Все сбежались: «Бальный зал» - «Место аутодафе», «Майдан-магистраль», даже «Тарпейская скала» - «Гора Тайгет» - «Геенна», линия, по которой живые не ездят, только пепел и кости. То был последний парад независимых маршрутов. Станция обвалилась, а вместе с ней и все предприятие Ханна, у него отняли бизнес. - Пардо откинулся на сиденье. - Ну, молодой человек, вот мы и приехали. Сцепку долой, и накатом - до стопора.

Эндрю выполнил распоряжение, на сей раз все прошло как по маслу. Они проехали через несколько ворот и очутились на большом огороженном участке, среди висящих кабин, мотков троса и котлов от паровых двигателей. Это, должно быть, центральный склад канатной дороги, здесь собираются все оставшиеся кабины, и по всей вероятности, они будут уничтожены. Внизу с прохладцей работало несколько человек, они растаскивали части кабин и укладывали в штабеля.

По лестнице Пардо провел двойняшек в башенку над депо. Крыша, которую венчала башенка, была сплошь устлана знакомой на вид тканью - уж не с рынка ли воздухоплавания? Там тоже суетились рабочие, они эту материю зачем-то расправляли.

Арабелла, пожалуй, ожидала увидеть что-то странное, может быть, даже с роскошными драпировками и произведениями искусства, а вместо этого очутилась в сугубо функциональном помещении, вроде корабельной каюты. Койка Пардо была аккуратно застелена, на одеяле ни морщинки. На кухонном столе возле крана - эмалированная кофейная кружка со сколами и тарелка. Похоже, он из тех людей, что легко проживут на рыбных консервах и сухарях, а если повезет скоротать ночь над стаканом красного вина, то это уже считается праздником. Мечты о шикарной жизни, ради которой можно и карьерой рискнуть, должно быть, давно выветрились у Пардо из головы.

Как и Арабелла, он готовился к отъезду. У окна рядом стояли коробки. По полу толстой змеей вился брезентовый шланг и пропадал где-то снаружи; оттуда доносилось урчание паровика. Временами паровик взрывался, а работяги покрикивали.

- Давайте посмотрим, что тут у вас. - Пардо указал на чертежный стол.

Там была уйма бумаг: проекты, которым уже никогда не сбыться. Мудреные шестерни планетарной передачи, самонатяжитель тросов, стойка для зонтов и миниатюрная печка, чтобы зимой у пассажиров не

зябли ноги. И повсюду вокруг чертежей - расчеты, изящные цифры, написанные твердой рукой Пардо.

Эндрю после недолгих колебаний развернул газету.

Взглянув на электрод, Пардо с облегчением вздохнул.

- Да-да, тот самый. Долгоживущий состав, находка нашей умницы. Ханн так и не узнал, какое ему досталось сокровище.

- А на что меняться будем? - спросил Эндрю. - Лампа-то где?

Пардо насупился, раздраженный нетерпеливостью подростка. Но сделав с закрытыми глазами долгий вдох-выдох, пришел в свое обычное мирное настроение.

- Хочу добавить еще одно. Я тогда собирался потихоньку смыться из города. Уйти, куда глаза глядят. Может, как Гиббон, устроился бы паровозы гонять. В горах наклонные дороги, это как раз по мне. А еще есть скоростные подземные пневмокапсулы. Да и других видов транспорта немало, опытному управленцу везде найдется местечко. Но меня разыскала Дульчи, явилась в комнатушку, где я прятался. Ваш покорный слуга подумал было, что она в любви признаться хочет, а Гиббон, получается, не соврал тогда... Смутился я, стою, как истукан, и двух слов не могу связать. А она, не дожидаясь, пока я очнусь, изложила суть дела. Дескать, у нее возникла проблема с расчетами, надо выяснить срок окупаемости транспортной сети. Вам, конечно, это не покажется серьезным искушением: стоит ли из-за каких-то цифирок отказываться от своих мечтаний? Но на самом деле финансы - очень важная сторона бизнеса. Канатные дороги с чего начинались, знаете? Со списанного оборудования. Вагоны, паровые насосы от дренажных систем, тросы и шкивы из выработанных шахт, билетные киоски закрывшихся театров. Все это быстро приходило в негодность, а чинилось кое-как. В сметах капиталовложений черт ногу сломит... Да будет вам известно, в бизнесе ни одну проблему не решить, если не просчитать ее денежное выражение.

У меня к тому времени сложилась неплохая репутация. Ведь я встретился на поле брани с Гиббоном, легендарным диверсантом. И в грязь лицом не ударил. И если бы я взялся переоборудовать линии, оживить движение, ко мне бы потянулся наш брат-канатчик. Ну, я и согласился. Вкалывал без сна и отдыха и навел порядок. И все у меня было замечательно. До сегодняшнего дня.

Вот с этого самого места раньше была видна уйма путей. Канаты затянули весь город, что твоя паутина. Кое-где они остались, но кабины больше не бегают. Скоро последние наши снасти будут убраны, а канатные дороги забыты.

- А что Дульчи? - нетерпеливо спросила Арабелла.

- Дульчи? Ну да, для тебя это самое интересное. Увы, деточка, рассказывать почти нечего. Я, конечно же, ей предложил... - С невеселой улыбкой он посмотрел на Арабеллу. - Нет, не то, о чем ты

подумала. Не руку и сердце, а должность инженера. Причем не главного. Опыта у нее было все-таки маловато. Ведь одно дело - придумывать хитроумные штуковины, и совсем другое - решать разные неотложные задачи. Но все же это был довольно важный пост. Дульчи не согласилась, ее согревали другие мечты.

Лишь потом я понял, что она с самого начала стремилась к другому. Хотела освободиться от всего, уехать из города, попутешествовать по белу свету. Так она и сделала. Отучилась за рубежом на нескольких факультетах, получила инженерное образование. От нее никто ничего не ждал, а она ни за кого не рвалась замуж. В отличие от нас, она была вольной птицей. - Пардо глянул на Эндрю, а тот раздраженно смотрел в окно и слушал вполуха. - Ты долго терпел, молодец. Вот твоя награда.

С этими словами канатчик прямо с чертежного стола взял лампу. У нее было с полдюжины шарнирных «ног» и нечто вроде противовеса. Пардо ее потряс, а потом швырнул прямо в подпиравший крышу столб. Светильник неистово размахивал «конечностями», пока не встретил препятствие, а тут уж обхватил столб - ну в точности коала, обнимающий бамбуковый стебель. Хозяин приблизился и продемонстрировал, как при помощи разнообразных стекол расширять или сужать лучи, как менять цвет и даже как проецировать образ далекого здания.

Арабелла и Эндрю не находили слов. Это была не лампа, а чудо.

Ну а как Эндрю? Согласится ли на обмен?

Арабелла покосилась на брата, но тот не смотрел на электрод. Он смотрел в газету.

- Стало быть, это нарисовано рукой Дульчи? - Брат ткнул пальцем в белый «призрак». - Просто в голове не укладывается. Вот так взять да и ринуться в драку с Гиббоном. Он был очень опасным и второго шанса вам бы не дал.

- Ну да, какой боец из конторской мыши...

- Большинство из нас не те, кем они становятся в рассказах о себе.

Если бы Пардо упорно держался за свою версию, вряд ли удалось бы доказать, что те давние события разворачивались несколько иным образом. Но в конце концов он подчинился некоему загадочному стремлению к правде.

- Да, конечно, не те. Я-то уж точно не тот. Нас разделял какой-то фут, а ведь когда-то у меня на глазах он разом свалил троих... Гриббинс, Гиббон... Вот кого вам бы порасспросить. Уж ему-то есть чем похвастать, этот эпизод - сущая мелочь по сравнению с тем, о чем никто ни сном ни духом. И ты совершенно прав: у меня был только один шанс. Поэтому я завернулся в обрывок простыни, подкрался к Гиббону, пока он увлеченно портил оборудование, и жахнул болторезом по затылку. Он и свалился - по крайней мере в тот раз я не

оплошал.

Снаружи опять кричали. Видно, здесь перебранка была нормальным явлением, поскольку Пардо лишь ухмыльнулся.

- Дульчи понимала, что для успеха в бизнесе мне надо заручиться поддержкой властей, чему вся эта история, конечно, никоим образом не могла содействовать. Поэтому она все пересказала в ином ключе, максимально меня обелив. Что же до Гиббона, то он ей и в самом деле нравился. Но Дульчи мыслила здраво, а потому сделала из меня победителя знаменитого диверсанта. Я этим почетным званием, правда, не злоупотреблял. Ну, разве что изредка напоминал о своем подвиге, если кто-то пытался совать палки в колеса.

- И чем вы теперь собираетесь заняться? - с сочувствием спросил Эндрю. - Дорог-то канатных больше не будет.

- А я уже нашел себе работенку. Слыхали про пустынные аэролинии? Управленческий опыт и там нужен. Я это дело уже не первый месяц изучаю. Там на местах не больно-то разбираются в правильной организации транспорта, так что будет интересно.

- И когда отправляетесь? - спросила Арабелла.

- Как только ударим по рукам. По мне, так поскорее бы. Время перемен настало, вот что я вам, ребята, скажу. А впрочем, если немножко присмотритесь к жизни, то поймете, что для перемен любое время подходящее.

* * *

Эндрю ухватился зажимом за трос, Арабелла оглянулась на крышу башенки, где столько лет прожил Пардо.

- Нет, ты только взгляни на это!

- На что?

Жутковатая громадина, нависшая над крышей, сперва показалась Арабелле далекой и неестественно симметричной грозовой тучей.

Это был воздушный шар. А ведь она видела расстеленную на крыше ткань, и та даже показалась знакомой; да и работа движка теперь понятна: рабочие надували шар, готовили его к полету, пока в каюте у Пардо шел душевный разговор.

На крыше мельтешили люди, они забрасывали в гондолу коробки и ящики.

Поднимался ветер, кабинка раскачивалась на канатах. Под ее днищем зажглись закатным солнцем Индиговые холмы, швартовочные тросы удерживали воздушный шар. А потом они вдруг разом отцепились, и летательный аппарат взмыл в небо.

- Ты давай, рассказывай, - потребовал Эндрю. - Мне по сторонам глазеть недосуг.

- Пардо отчалил, - сказала Арабелла. - Высоту пока не набирает, просто летит по ветру... Сюда летит! Он пристегнут к канату.

Под исполинским оплетенным сетью шаром раскачивалась маленькая гондола. Удерживавшая его на канатном маршруте стропа была туго натянута. Вот шар поравнялся с кабиной, и Арабелла инстинктивно съежилась, присела.

Но страхи, конечно, были излишни. Пролетая сверху, шар потянул их за собой, а потом был головокружительный миг: кабинка ухнула вниз и затряслась на канате. Но ролики не соскочили с несущего троса - все в порядке, можно спокойно продолжать путь.

Впереди отстегнулся уже ненужный ролик и полетел на далекую землю, а шар устремился вверх.

- И куда он дальше? - спросила Арабелла. - Это ж получается неуправляемый полет.

- Может, просто наудачу, а может, с попутным ветром к океану... Нет, погоди-ка! - Эндрю щурился, вглядываясь вдаль. - Кажется, понял. В Индиговых холмах есть старая аэролиния, с шарами на поводках. Нынче там пусто, а когда-то был карьер. Он, наверное, туда курс держит.

Было видно, как Пардо убирает стропу, а через некоторое время стравливает ее опять, уже с каким-то прыгающим грузом на конце.

- Видишь? - спросил Эндрю. - Это каретка, Пардо хочет надеть ее на трос. Ну, куда же его понесло?!

Слева налетел ветер, снес воздушный шар чуть в сторону. Пардо выбрал стропу наполовину, остаток качнул пару раз и отпустил. Мимо: каретка стукнулась о камни и потащилась за шаром. Воздухоплаватель терпеливо поднял ее, снова раскачал, сбросил... попал.

Надежно ухватившись за направляющий канат, шар поднабрал высоту и расправил «плавники», чтобы поймать ветер. Двойняшки следили, пока он не пересек холмы и не скрылся с глаз.

А миг спустя бело-фиолетовая молния пронзила небо. И хотя тучи были темны, это не походило на грозу.

Вот снова вспышка.

- Свет! - воскликнул Эндрю. - Прожектор Дульчи. Он поставил электрод. Все прочее уже было в сборе.

С неодинаковыми промежутками полыхнуло еще несколько раз, и ясно была видна пылающая дуга.

- Контакты барахлят? - предположила Арабелла.

- Контакты в порядке, - уверенно ответил Эндрю и похлопал по приобретенному светильнику. - Это азбука. Можно даже не читать, и так ясно. Старый сигнал канатчиков, его раньше по тросу отбивали: «Натяжение - максимум, давление - максимум, пива в кружке - максимум». Эх, жаль, нельзя ему тем же ответить. - И, набрав полные легкие воздуха, брат прокричал: - Прощай, Пардо! Счастливого пути!

Кабинка пошла под уклон, к близкому городу, и наступила ночь.

Перевел с английского Геннадий КОРЧАГИН

© Alexander Jablokov. The Day the Wires Came Down. 2011. Печатается с разрешения автора.

Повесть впервые опубликована в журнале «Azimov's SF» в 2011 году.

МАЙК РЕЗНИК

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

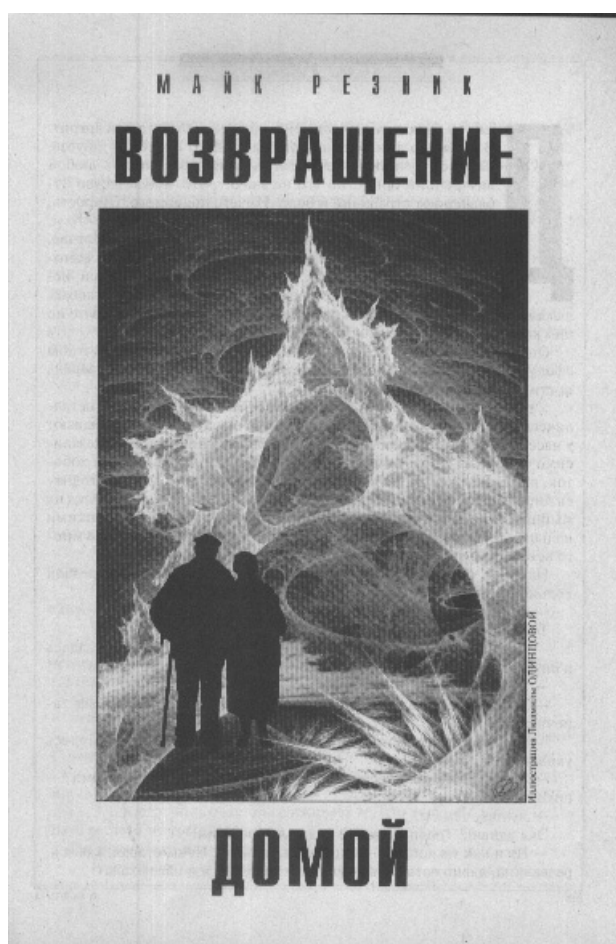

Иллюстрация Людмилы ОДИНЦОВОЙ

Даже не знаю, что мучает меня сильнее: люмбаго или артрит. В какие-то дни больше донимает одно, в иные - другое. Сейчас научились излечивать рак и пересаживать любой внутренний орган, но это не значит, что человечество избавлено от страданий и боли. Ничего подобного. Старость, скажу я вам, занятие не для слабаков.

Помнится, я видел характерный сон. Во всяком случае, для меня. Я поднимался на крыльцо своего дома: в нем всего-то четыре ступени, но как только я добирался до третьей, невесть откуда появлялось еще шесть, я преодолевал их - добавлялось еще десять, и так до бесконечности. Вероятно, я бы еще долго по ним карабкался, если бы меня не разбудила эта тварь.

Она стояла у кровати и глядела на меня. Я пару раз моргнул, чтобы сфокусировать зрение, и тоже стал ее рассматривать в полной уверенности, что вижу продолжение сна.

У твари, примерно шести футов ростом, были серебристая с металлическим отливом кожа и красные фасеточные глаза, какие бывают у насекомых. Остроконечные, как у нетопыря, уши двигались независимо от головы и друг от друга; рот трубочкой, напоминающий хоботок, выдавался вперед на пару дюймов и выглядел так, словно годился лишь для всасывания жидкости, а тощие, без малейшего намека на мышцы, руки заканчивались неправдоподобно длинными и тонкими пальцами. Тварь была точь-в-точь то жуткое существо, что я уже много лет видел в своих ночных кошмарах.

Наконец она заговорила голосом, больше похожим на перезвон колокольчиков.

- Привет, па, - сказала тварь.

Тут я понял, что давно проснулся.

- Так вот на что ты стал похож, - с досадой проворчал я, садясь и спуская ноги на пол. - Ну, и какого дьявола тебе здесь нужно?

- Я тоже рад тебе, - парировал он.

- Ты не ответил на мой вопрос, - строго сказал я, нашаривая тапочки.

- Я узнал... естественно, не от тебя... что мама... И мне захотелось увидеть ее до того...

- А ты что-нибудь способен разглядеть этими своими штуками? - показал я на его фасетки.

- Лучше, чем ты.

Эка удивил! Теперь каждый видит лучше меня.

- Ну и как ты вошел? - спросил я, вставая. Печь, старая, как и я, развалина, давно остыла; в доме было холодно, и я надел халат.

- Ты не сменил пароль входной двери. - Он огляделся. - Да и стены с тех пор не красил.

- Замок должен был сканировать рисунок твоей сетчатки, проверить ДНК и так далее...

- Он все сделал. Просто мои параметры не изменились.

Я смерил его взглядом:

- Неужели?

Он хотел что-то сказать, но, видно, передумал. Вместо этого спросил:

- Как мама?

- День плохо, день и того хуже, - ответил я. - Прежней Джулией она

становится два-три раза в неделю, да и то лишь на несколько минут. Она способна разговаривать и пока еще узнаёт меня, но... - Я помолчал. - Тебя она вряд ли узнает... Как, впрочем, и все, кто встречал тебя раньше.

- Давно она в таком состоянии?

- Примерно год.

- Ты должен был мне сообщить, - заметил он с обидой.

- С какой стати? - резко сказал я. - Ты не захотел оставаться ее сыном, вместо этого предпочел превратиться неизвестно во что.

- Я по-прежнему ее сын, и ты отлично знал, как со мной связаться.

- Замечательно, - сказал я, глядя на него в упор. - Зато мне ты больше не сын.

- Мне очень жаль, что ты так считаешь, - ответил он и принялся: - Здесь затхлый воздух.

- Старые дома похожи на своих хозяев. И те, и другие отнюдь не в прекрасной форме.

- Вы могли бы переехать в другой дом, поменьше и поновее.

- Я состарился вместе с этим домом. К тому же далеко не каждый мечтает перебраться на эту твою распрекрасную Альфу как-ее-там, что бы ты себе ни воображал.

Он снова огляделся:

- А где мама?

- В твоей бывшей комнате.

Он повернулся и вышел в коридор.

- Ты его так и не поменял? - спросил он, кивнув на старый столик под зеркалом. - Он был совсем древним, еще когда я жил здесь.

- Это всего лишь стол. Выдерживает то, что я на него кладу. Большого от него не требуется.

Он посмотрел на потолок.

- И краска отслаивается.

- Я слишком стар, чтобы красить дом самому, а малярам надо платить. Моей пенсии на это не хватит.

Ничего не ответив, он пересек коридор. Я догнал его, когда он уже взялся за дверную ручку.

- Заперто? - удивился он.

- Иногда мама выходит погулять, а потом не помнит, как попасть обратно. - Я с горечью усмехнулся. - Еще несколько месяцев я, наверное, смогу держать ее здесь; потом придется поместить в пансионат.

Я произнес пароль, и дверь открылась.

Джулия полулежала на подушках, уставившись на пустой голографический экран у противоположной стены. Длинный седой локон, выбившись из прически, упал ей на левый глаз, но она не обращала на это никакого внимания - как и на то, что вечерние

передачи давно закончились.

Я приказал ночнику включиться и осторожно поправил жене волосы. А выпрямившись, увидел, что сын с удивлением оглядывается по сторонам. На стенах висели голографические снимки, где он был запечатлен то в форме школьной баскетбольной команды, то в смокинге на выпускном балу, то с друзьями; на комодѣ стоял еще один снимок (правда, довольно пыльный), где он держал в руках кубок победителя студенческой викторины, а над комодом висел в рамочке его университетский диплом. Все стены были в его фотографиях и голографических снимках, начиная с младенчества; последний был сделан всего за месяц до того черного дня, когда он прошел через то, что Джулия называла Превращением. Я видел, как дрожит его лицо, когда он смотрел на памятные вещи своего детства и юности, и мне казалось, что я читаю его мысли: «Да они же превратили комнату в чертово святилище!». Что ж, он не ошибся, только эта комната была памятником нашему сыну, каким он когда-то был, а не тому жуткому существу, каким он стал. Да и Джулию я переселил сюда потому, что вещи из прошлого немного утешали ее, пусть этого прошлого она почти не помнила.

- Привет, Джордан, - улыбнулась она. - Как дела?

- Все в порядке, Джулия. Ты не возражаешь, если я выключу визор?

- Мне понравились передачи, - сказала она. - Как дела?

Я приказал экрану отключиться.

- Что, уже август?

- Нет, Джулия. Сегодня, как и вчера, февраль, - терпеливо пояснил я.

- Вот как... - Она задумчиво сдвинула брови. - А я решила, что август...

- И снова приветливо улыбнулась. - Как дела?

Неожиданно наш сын шагнул вперед:

- Привет, мам.

Она внимательно посмотрела на него и улыбнулась:

- Ты великолепно выглядишь.

Он потянулся к ней - я не успел его остановить - и взял за руку своими пальцами-прутиками.

- Я скучал по тебе, мам...

Казалось, он задыхается от волнения, хотя мне трудно было судить: музыкальный тон звонких трелей не изменился. Его речь была так непохожа на человеческую (я до сих пор не знаю, как мы ее понимали).

- Сегодня Хэллоуин? - спросила Джулия. - Ты нарядился на вечеринку?

- Нет, мама. Теперь я так выгляжу.

- Ну что ж, ты выглядишь очень хорошо. Красиво. - Она замолчала и нахмурилась. - Разве мы знакомы?

Он улыбнулся. Печально, как мне показалось.

- Когда-то были. Я твой сын.

Она с минуту молчала, мучительно пытаюсь вспомнить.

- Кажется, у меня когда-то был мальчик, только я забыла его имя.

- Меня зовут Филип.

- Филип... Филип... - повторила она несколько раз, потом решительно покачала головой. - Нет, мне кажется, его звали Джордан.

- Джордан - это твой муж. А я твой сын.

- Ну да, когда-то у меня был мальчик...

С минуту на лице Джулии ничего не отражалось. Потом она спросила:

- Значит, сегодня Хэллоуин?

- Нет, - мягко сказал он. - Тебе нужно поспать. Мы поговорим утром.

- Хорошо, - согласилась она. - А мы знакомы?

- Я твой сын.

- Когда-то давно у меня, кажется, был сын, но... - Она помолчала. - Как дела?

Я видел, как по его серебристой щеке поползла прозрачная слеза. Он осторожно опустил ее руку поверх одеяла и отступил назад. Я включил визор, нашел круглосуточный канал, отрегулировал звук и, оставив Джулию бессмысленно тарашиться на экран, вышел за Филипом в коридор и запер дверь.

Мы прошли в захлавленную кухню с древней бытовой техникой и тремя треснувшими плитками на полу (в свое время каждый из нас кокнул по одной). Мне здесь было удобно и уютно, но, увидев, как Филип смотрит на обугленный край кухонного стола, который он нечаянно поджег еще ребенком, я на мгновение почувствовал себя неловко за то, что так и не удосужился его отремонтировать.

- Ты должен был мне сообщить, - сказал он, когда немного успокоился.

- А ты не должен был ни уезжать, ни становиться тем, чем ты стал.

- Но, черт подери, она же моя мать! - Его трели стали громче и резче, из чего я заключил, что он чуть ли не вопит.

- Ты все равно не сумел бы помочь.

Я приказал холодильнику открыться и достал пиво.

- Выпьешь, перед тем как вернуться в то проклятое место, откуда ты прибыл? - Подумав, что сказал, я нахмурился: - Или ты не пьешь человеческие напитки?

Не ответив, он молча подошел и взял пиво. Таким ртом вряд ли можно пить из банки, поэтому я ждал, что он попросит стакан или миску. Филип видел, что я за ним слежу, но его это, похоже, ничуть не трогало. Не воспользовавшись ничем - ни соломинкой, ни даже языком, - он просто стал выдвигать свой рот-трубочку, и когда хоботок вытянулся на несколько дюймов, просунул его в отверстие банки. Через пару секунд он сглотнул, и я понял, что пиво каким-то образом все-таки попало по назначению.

Поставив банку, он увидел старый вымпел, который я повесил на

стену, когда сын был еще мальчишкой.

- Ты по-прежнему болеешь за «Питонов»?

- Несмотря ни на что.

- Как у них успехи?

Когда-то это его действительно интересовало, но давно, много лет назад.

- Они уже бог знает сколько времени не могут найти нормального куортербека, - ответил я.

- А ты все равно за них болеешь.

- Нельзя бросать свою команду только потому, что у нее наступили трудные времена.

- Ни команду, ни родителей.

Я не нашелся, что сказать, а через минуту он произнес:

- Насколько я знаю, есть неплохие лекарства, которые помогают от болезни Альцгеймера. Полагаю, ты их уже пробовал?

- Существует много разновидностей старческого слабоумия. Их обычно называют болезнью Альцгеймера, но это неправильно. В мамином случае способ лечения пока не найден.

- На других мирах тоже есть специалисты. Возможно, кто-то из них сумел бы...

- Эх ты, покоритель Вселенной! - сказал я с горечью. - Где ты был, когда ее еще можно было вылечить?

Он уставился на меня, а я на него, твердо решив не отводить взгляда первым.

- Почему ты так злишься? Я знаю, что когда-то ты меня любил, да и я не сделал тебе ничего плохого. Я не попросил у тебя ни пенни, с тех пор как окончил университет, и ни разу...

- Ты отрекся от нас, - ответил я. - Отрекся от матери, от меня, бросил свою планету. Ты даже отказался от своего биологического вида. Несчастливая женщина там, в комнате, не может вспомнить имени сына, но прекрасно знает, что люди могут выглядеть, как ты, только в канун Дня всех святых.

- Но, черт возьми, это моя работа!

- Да на Земле тысячи экзобиологов! - выкрикнул я. - Но только один, насколько мне известно, согласился стать чудовищем с серебристой кожей и красными глазами.

- Меня выбрали из десятков тысяч других мужчин и женщин. Это уникальная возможность, и я ею воспользовался. - Даже эти странные трели не смогли скрыть обиду, звеневшую в его голосе. - Другие отцы на твоём месте гордились бы своим сыном.

С минуту я внимательно смотрел на него, пораженный тем, что он так ничего и не понял.

- Ты хочешь сказать: я должен гордиться тем, что мой сын превратился в существо, в котором нет ничего от человека? -

проговорил я наконец.

Теперь уже он уставился на меня своими жуткими глазами насекомого.

- Ты всерьез считаешь, что во мне не осталось ничего человеческого?
- с интересом спросил он.

- Взгляни на себя в зеркало, - предложил я.

- Ты помнишь, как в детстве учил меня не судить о книге по обложке?

- Да.

- Ну и что? - настаивал он.

- Я заглянул под обложку и увидел, как один лист этой книги свернулся трубочкой и всосал пиво. Мне хватило.

Он вздохнул так глубоко, что раздался тихий переливчатый звон.

- А стал бы ты счастливее, если бы я не сумел его выпить?

С минуту я обдумывал его слова.

- Нет, я не стал бы от этого счастливее, - сказал я, когда смог сформулировать свою мысль так, чтобы даже ему было понятно. - Знаешь, что сделало бы меня счастливым? Внуки. Сын, который приезжал бы к нам на Рождество. Сын, кому я смог бы оставить дом, за который я наконец полностью расплатился. Я никогда не требовал от тебя идти по моим стопам, учиться в том же университете, зарабатывать на жизнь, занимаясь тем же, чем и я. Я даже не настаивал, чтобы ты оставался в нашем городе. Что же плохого в моем желании видеть своего сына нормальным человеком?

- Ничего, разумеется, - согласился он и добавил: - Хорошо ли, плохо, но ты жил своей жизнью. А я имею право жить своей.

Я покачал головой:

- Твоя жизнь закончилась одиннадцать лет назад. Теперь у тебя существование какого-то кошмарного внеземного существа.

Склонив голову набок, он с интересом посмотрел на меня. Прямо как птица на червяка.

- Что тебя бесит больше: то, что я покинул Землю, или стал тем, кем ты меня видишь?

- Пятьдесят на пятьдесят. Ты прекрасно знал, что был для матери смыслом ее жизни, и тем не менее бросил ее и отправился на край Вселенной.

- Ну, не совсем на край, - возразил он. Из-за этих его трелей я так и не понял, были в его словах издевка или сарказм либо он просто констатировал факт. - К тому же мама вряд ли захотела бы, чтобы я торчал возле нее, если стремился туда.

- Ты разбил ей сердце! - вырвалось у меня.

- Если так, мне искренне жаль.

- Все эти годы... то есть пока она еще что-то понимала... Джулия задавала себе только один вопрос - почему? - Я перевел дыхание. - Как и я. Ты подавал большие надежды, у тебя было столько

возможностей! Под этим небом ты мог стать, кем только захочешь!

- Я и стал, кем хотел, - как можно мягче сказал он. - Просто мне не нужно небо, меня манили звезды.

- Черт возьми, Филип! - выкрикнул я, хотя давно зарекся называть его человеческим именем. - Даже если прожить на нашей Земле целую жизнь, не успеешь увидеть и тысячной доли ее чудес!

- Это так. Все дело в том, что их видели другие. - Он помолчал, потом совсем по-человечески развел руками и добавил: - А мне хотелось отыскать чудеса, которые до меня еще никто не видел.

- Не знаю, что там может быть такого особенного? Почему наши горы, леса и пустыни кажутся тебе скучными и неинтересными?

Он снова вздохнул так, что послышались тихие трели.

- Я пытался объяснить тебе это одиннадцать лет назад, - сказал он наконец. - Ты не понял тогда, не понимаешь и сейчас. Возможно, ты просто не в состоянии понять.

- Наверное.

Я подошел к аптечному шкафчику без ручки и открыл его, поддев дверцу ногтем.

- Ты так и не поставил новую ручку, - заметил он. - Я помню тот день, когда ее отломал. Меня должны были наказать, но ты только рассмеялся, будто я сделал что-то очень остроумное.

- Видел бы ты свое лицо, когда ручка осталась у тебя в руке. Похоже, ты решил, что я прямо сейчас отправлю тебя в тюрьму. - Я подавил желание улыбнуться. - Открывается, и ладно...

Достав из аптечки два пузырька, я сунул их в карман.

- Машины лекарства?

- Она принимает четыре разные таблетки утром и две ночью. Я дам их ей позже.

Я достал еще один пузырек.

- По-моему, ты сказал, что ночью нужно только две таблетки.

- Так и есть. Это, - я показал ему третий пузырек, - просто сахароза в таблетках. Я оставляю их на туалетном столике.

- Сахароза? - повторил он, сопроводив свои слова гримасой, которая, по-видимому, означала озадаченность и непонимание.

- Она считает, что способна самостоятельно принимать лекарства. Это, конечно, не так, но эти таблетки создают у нее иллюзию, будто она еще что-то может. Поэтому, если сегодня она проглотит этих таблеток с полдюжину, а завтра вовсе про них забудет, хуже от этого не станет.

- Ты относишься к ней очень заботливо.

- Я люблю ее уже без малого полвека, - сказал я. - Я мог бы поместить ее в приют и навещать только раз в день... А то и раз в десять дней - она, скорее всего, не заметила бы разницы. Но я люблю ее. Пусть она этого не понимает, но ей лучше здесь, в своем доме, среди своих

старых вещей. Именно поэтому я поселил ее в твоей комнате, а не в гостиной. Фотографии, призы, твоя старая бейсбольная перчатка в шкафу - это все, что осталось у нее от тебя... И я не исчезал из ее жизни на одиннадцать лет... и не возвращался, когда она меня уже не помнит.

Он взглянул на меня, но ничего не ответил.

- Черт возьми! - резко сказал я. - Разве трудно было соврать, что ты получил секретное задание правительства?

- Ты бы тут же понял, что я лгу.

- Ну и что?! Зато мы с мамой гордились бы, что ты служишь своей стране, своей планете...

- Ах, вот как? - Он внезапно разозлился. - Значит, ты готов был отправить сына на другой мир, даже если ему это не нравится, но только при условии, что там его могли убить?!

- Я этого не говорил, - возразил я.

- Именно это ты сказал. - Долгую томительную минуту он сверлил меня глазами насекомого. - Нет, ты бы меня не понял. Никогда! Мама смогла бы, ты - нет.

- Тогда почему ты ей не объяснил?

- Я пытался.

- В таком случае, ты не преуспел, - сказал я с горечью. - Ну, а теперь уже и пытаться поздно.

- Мама не стала бы меня ненавидеть, - возразил он. - Когда у меня появился этот шанс, я уже исчез и жил отдельно. Ты преподносишь дело так, будто я был вашей единственной опорой, но на самом деле я давно был самостоятельным человеком и жил за шесть штатов от вас.

- Он помолчал. - Никак не возьму в толк, что бесит тебя больше: что я согласился навсегда покинуть планету или что дал согласие на трансформацию внешности?

- Когда-то ты был членом нашей семьи. А потом перестал быть даже представителем человеческой расы.

- Я по-прежнему им остаюсь, - настаивал он.

- Посмотри в зеркало.

Он постучал по голове двенадцатидюймовым указательным пальцем.

- Главное то, что находится здесь!

- Говорят, что глаза - зеркало души, - парировал я. - А у тебя глаза насекомого.

- Да чего, черт возьми, ты от меня ждал? Чтобы я занимался тем же, чем и ты?

- Нет. Конечно же, нет.

- Или, может быть, ты отрекся бы от меня, если б я вдруг оказался бесплодным и не смог подарить тебе внуков?

- Не говори глупостей!

- А если бы я вдруг перебрался в другое полушарие и навещал вас не

чаще одного раза в десять лет? Ты бы точно так же отказался от меня, как сделал это одиннадцать лет назад?

- Никто от тебя не отказывался. Это ты отрекся от нас.

Он тяжело вздохнул. То есть это я решил, что он вздохнул. Из-за этих трелей я не мог быть полностью уверен.

- Тебе никогда не хотелось спросить меня - почему? - произнес он наконец.

- Нет.

- Но раз это тебя так бесит, почему же «нет»?

- Потому что это твой выбор.

По-моему, он насупился. Впрочем, по его лицу нельзя ни о чем судить.

- Я не понимаю.

- Будь это необходимо, например, для того чтобы спасти твою жизнь, я бы спросил. Но поскольку ты сам принял решение, причины меня не интересовали. Для меня был важен сам факт.

Он долго смотрел на меня тяжелым взглядом.

- Все время, что я здесь жил, и даже после того, как покинул этот дом, мне казалось, что ты меня любишь.

- Я любил Филипа, - ответил я. И добавил, скривившись: - А тебя я не знаю.

Тут я услышал, что Джулия слабо стучит в дверь своей комнаты, и пошел к ней по замызганному коридору. Я не замечал ни протертого ковролина, ни растрескавшейся штукатурки, но, увидев, как Филип с недоумением озирается, тотчас решил заняться домом в самое ближайшее время.

Я произнес пароль как можно тише, чтобы она не услышала его со своей стороны, и дверь распахнулась. Джулия, слегка озадаченная, стояла босиком, в ночной рубашке, тоненькая и хрупкая, руки и ноги - как зубочистки, одетые иссохшей плотью.

- Что случилось, дорогая? - спросил я.

- Мне показалось, что ты с кем-то споришь. - Ее взгляд остановился на Филипе. - Привет, - сказала она ему. - Мы встречались?

Он ласково взял ее за руку и одарил чем-то вроде печальной улыбки.

- Очень давно, - ответил Филип.

- Джулия. - Она протянула ему иссохшую руку в старческих пигментных пятнах.

- Филип.

Хмурое, озадаченное выражение скользнуло по ее некогда красивому лицу.

- Кажется, я когда-то знала человека по имени Филип. - Она помолчала и улыбнулась: - У тебя замечательный костюм.

- Спасибо.

- И мне очень нравится твой голос, - продолжала она. - Он звучит, как колокольчики у нас на веранде, когда дует летний бриз.

- Я рад, что тебе нравится, - сказала создание, которое когда-то было нашим сыном.

- Ты умеешь петь?

Он пожал плечами, и по всему его телу пробежали блики отраженного света ламп.

- Даже не знаю, - признался он. - Никогда не пробовал.

- Ты, наверное, проголодался, - сказала она. - Хочешь, я приготовлю тебе поесть?

Я толкнул его локтем и коротко качнул головой: «Нет». Джулия уже дважды устраивала на кухне пожар, после чего я стал заказывать еду на дом.

Он понял.

- Нет, спасибо. Я уже поужинал.

- Как жаль! Я хорошо готовлю.

- Готов поклясться, у тебя замечательный денверский пудинг.

Когда-то это был его любимый десерт.

- Самый лучший, - подтвердила она, сияя от гордости. - Вы мне нравитесь, молодой человек. - Затем озадаченно сдвинула брови. - Ты ведь человек, не так ли?

- Да, я человек.

- Сегодня Хэллоуин?

- Еще нет.

- Почему же ты в маскарадном костюме?

- Тебе, правда, интересно?

- Очень, очень интересно. - Внезапно она вздрогнула. - Холодно стоять в дверях босиком. Ты не против, если я залезу под одеяло и тогда мы поболтаем? Ты можешь сесть возле кровати, нам будет хорошо и уютно. Джордан, не приготовишь ли мне горячего шоколада? И предложи также... Я забыла твое имя.

- Филип.

- Филип... - повторила она, хмурясь. - Я уверена, что когда-то очень давно знала человека по имени Филип.

- Я тоже в этом уверен, - тихо сказал он.

- Ну что, идем?

Джулия вернулась в комнату и забралась на кровать, которая когда-то принадлежала Филипу, подложила под спину подушки и укрылась шерстяным одеялом и вязаным пледом.

Он вошел следом и встал у кровати.

- В ногах правды нет, молодой человек, - сказала ему Джулия. - Возьми стул.

- Благодарю.

Он взялся за спинку стула, на котором сидел много лет назад за компьютером, когда писал свою диссертацию, подкатил к кровати и сел.

- Джордан, мы, пожалуй, выпили бы горячего шоколада.
- Я не знаю, захочет ли наш гость, - ответил я.
- С большим удовольствием, - сказал Филип.
- Вот и отлично! Джордан, принеси на подносе две чашечки: одну мне, вторую для... Простите, как вас по имени?

- Филип.

- А ты можешь звать меня просто Джулия.

- А можно мне называть тебя мамой? - спросил он.

Она озадаченно сдвинула брови.

- Зачем это?

Он дотянулся и нежно взял ее за руку.

- Просто так, Джулия.

- Джордан, - сказала она, - сделай мне, пожалуйста, горячего шоколада. - Затем повернулась к Филипу. - А вы не хотите, молодой человек? Вы ведь человек, не так ли?

- Человек. И всегда им останусь.

Я отправился готовить шоколад, не дожидаясь, пока Джулия начнет все заново. На кухне я смешал в кастрюле очень большую порцию - сам не знаю зачем: им-то надо всего ничего, а сам я шоколад не пью. И уже собрался налить две чашки, но представил себе его руки и пальцы и решил, что из кружки ему будет удобнее. Поэтому взял старую сколотую кружку с логотипом «Питонов», которую сын подарил мне на день рождения, когда ему было то ли девять, то ли десять. Думаю, он целый месяц копил на нее карманные деньги. С минуту я с любовью смотрел на эту кружку, гадая, узнает он ее или нет. Затем вдруг вспомнил, кто, точнее «что», будет из нее пить, и решил заняться делом. Весь процесс, от начала до конца, занял у меня три, от силы четыре минуты. Я поставил чашку и кружку на поднос, положил ложку для Джулии (с некоторых пор она стала размешивать все подряд) и добавил пару свернутых салфеток. Затем взял поднос и пошел в спальню.

- Будь добр, поставь на стол, Джордан, - попросила Джулия, и я пристроил поднос на тумбочку.

Она живо повернулась к Филипу.

- И какие же они?

До сих пор не знаю, как должна отражаться мечтательность на таком лице, как у него, но тогда оно было именно таким.

- Это самые прекрасные существа, какие я когда-либо видел, - сказал Филип звенящим голосом. - Я бы сказал, что они прозрачные, но это не совсем верно. Их тела разлагают солнечный свет, как призма, и когда они летят, то отбрасывают вниз, на землю сотни разноцветных, радужных лучей.

- Как они, должно быть, прекрасны! - воскликнула Джулия. Такого оживления я не видел уже много месяцев.

- Они собираются в стаи, состоящие из десятков тысяч особей. Словно в небо взмыл огромный калейдоскоп; отбрасываемые ими яркие, все время меняющиеся блики сплошь покрывают пространство, равное по площади небольшому городу.

- Замечательно! А что они едят?

- Этого никто не знает.

- Никто-никто?

- На всей планете нас не больше сорока человек, и ни один до сих пор не забирался в хрустальные горы, где гнездятся эти существа.

- Хрустальные горы! - повторила она. - Какая чудная картина!

- Ты не представляешь, насколько это удивительный и прекрасный мир, - продолжал Филип. - Там такие растения и животные, которых не увидишь даже в самых фантастических снах.

- Растения? - переспросила она. - Что необычного может быть в растениях?

- В гостиной рядом со старым фортепьяно... которое, думаю, все так же фальшивит... я видел комнатные растения, - сказал он. - Ты никогда с ними не разговаривала?

- Разговаривала, - ответила Джулия, одаряя его улыбкой. - Только они не отвечают.

Он улыбнулся:

- А мои отвечают.

Она сжала его кисть обеими руками, словно боялась, что он может уйти.

- О чем они говорят? Готова спорить: о погоде!

Он покачал головой.

- В основном они обсуждают вопросы математики или философские проблемы.

- Когда-то я слышала о подобных вещах, - сказала она и добавила чуть растерянно: - Во всяком случае, мне так кажется.

- У них нет чувства самосохранения, поэтому их не волнуют ни опыление, ни дожди, - продолжал Филип. - Свой интеллект они используют для решения абстрактных проблем, потому что, с их точки зрения, все проблемы абстрактны.

Я не удержался и громко спросил:

- Они действительно существуют?

- Да, они существуют.

- А как они выглядят?

- Они не похожи ни на одно земное растение. У большинства из них полупрозрачные цветы, и почти у всех есть протрузии - жесткие выбухания, своего рода мельчайшие веточки, которые трутся друг о друга. Таким способом растения общаются.

- Значит, ты разговариваешь звонкими трелями, а они легкими щелчками? - уточнила Джулия. - Как же тогда вы друг друга понимаете?

- Первые исследователи потратили полвека, чтобы понять значение их щелчков. Теперь мы общаемся через компьютер, который принимает сообщения, переводит их и воспроизводит на нужном языке.

- Что же можно рассказать растению?

- Пообщавшись с ними сколько-нибудь продолжительное время, начинаешь понимать, почему человечество так упорно борется за выживание. Для растений ничто не имеет решающего значения. Они ни к чему не стремятся, ничто их не заботит - даже любимая математика. У них нет ни надежд, ни мечтаний, ни целей. - Он помолчал. - Тем не менее они живут.

- Хорошо бы... - начал я и осекся. У меня чуть не сорвалось с языка, что я тоже хотел бы увидеть такое растение.

В этот момент Джулия потянулась к чашке, но то ли зрение у нее затуманилось, то ли рука дрогнула (в последнее время глаза и руки частенько ее подводили): чашка зашаталась и едва не опрокинулась. Я и глазом не успел моргнуть, как длиннющие пальцы Филипа метнулись вперед и удержали чашку; на поднос упала лишь пара капель.

- Спасибо, молодой человек, - поблагодарила Джулия.

- Не за что. - Он бросил на меня красноречивый взгляд: «Что бы ты ни думал, но двенадцать лет назад подобный фокус мне ни за что бы не удался».

На короткое время наступила тишина, которую нарушила Джулия:

- Разве сегодня Хэллоуин?

- Нет, Хэллоуин еще не скоро.

- А, верно! Ты носил этот костюм в том, другом мире. Расскажи мне еще о тамошних обитателях. Какие там звери?

- Одни очень красивы, другие огромны и ужасны; есть еще мелкие и очень изящные существа, но все они совершенно непохожи на тех, что ты видела. Ты даже представить себе не можешь, какие они.

- А там есть... - она задумалась, - не могу вспомнить название...

- Не торопись. - Он нежно похлопал ее по руке, успокаивая. - Я здесь до утра.

- Не могу вспомнить, - пожаловалась Джулия, чуть не плача. Она напряглась всем телом, будто пыталась задержать ускользавшее от нее слово. - Большое, - произнесла она наконец. - Оно было большое.

- Слово? - спросил Филип.

- Нет, - покачала она головой. - Животное.

Он задумался.

- Ты имеешь в виду динозавров?

- Да! - На ее лице отразилось облегчение: наконец-то пропавшее слово нашлось.

- Там нет динозавров, это земные создания. Зато у нас есть зверь, который больше любого динозавра. Он настолько велик, что на всей

планете у него нет естественных врагов. А раз некого бояться, то и скрываться ему нет нужды, поэтому он светится в темноте.

- Всю ночь? - захихикала она, как девчонка. - Но раз зверь не может выключить свет, как же он тогда спит?

- А ему и не надо выключать... - Филип разговаривал с ней, как с ребенком; впрочем, в какой-то степени она им и была. - Поскольку он светится на протяжении всей своей жизни, то это его несколько не беспокоит и не мешает спать.

- А какого он цвета? - спросила Джулия.

- Когда он голоден, то светится темно-красным. Когда разъярен - ярко-синим. А когда ухаживает за своей дамой, - Филип улыбнулся, - то ослепительно желтого цвета и бешено пульсирует, как огромная, высотой в пятьдесят футов, лампа-вспышка.

- Ах, как бы мне хотелось его увидеть! Это, должно быть, прекрасное место - мир, где ты живешь!

- Пожалуй, да. - Он внимательно посмотрел на меня. - Впрочем, так считают не все.

- Я бы отдала все, чтобы там побывать!

- Все не требуется, - сказал Филип, а я попытался представить, каким бы тоном он это сказал, если бы был человеком. - Только самое дорогое.

Она взглянула на него с интересом.

- Ты там родился?

- Нет, Джулия, не там. - На его лице отразилась безграничная боль, оттого что ему приходилось называть ее по имени. - Я родился здесь, в этом самом доме.

- Должно быть, это было еще до того, как мы сюда переехали. - Она передернула узенькими плечами, словно отгоняя смутные сомнения. - Но если ты здесь родился, почему тогда ходишь в маскарадном костюме?

- Именно так люди выглядят там, где я живу.

- Значит, это где-то в пригороде, - уверенно заключила она. - Мне не приходилось видеть таких, как ты, ни в супермаркете, ни у врача.

- Это очень удаленный пригород, - пояснил Филип.

- Я так и думала. А тебя зовут?..

- Филип, - подсказал он.

Второй раз за ночь я увидел, как по его щеке катится слеза.

- Филип, - повторила она. - Красивое имя.

- Я рад, что тебе нравится.

- Я уверена, что когда-то знала одного Филипа. - Она вдруг зевнула. -

Прости, я немного устала.

- Наверное, мне лучше уйти? - заботливо спросил он.

- Можно тебя кое о чем попросить?

- Конечно. Все, что угодно!

- Мой отец всегда рассказывал мне на ночь сказки, - доверительно сообщила Джулия. - Может быть, и ты тоже что-нибудь мне расскажешь?

- Меня ты никогда ни о чем таком не просила, - выпалил я.

- Но ведь ты не знаешь ни одной сказки!

Пришлось признать, что она права.

- С удовольствием, - согласился Филип. - Давай только убавим свет, чтобы тебе лучше спалось.

Она кивнула, вынула из-под спины лишние подушки и легла.

Филип потянулся к висящему над тумбочкой бра - единственной вещи, которую я добавил в комнату после его отъезда. Не найдя выключателя, он вспомнил про голосовые команды и отдал приказ приглушить свет. И вот в комнате, где Филип каждый вечер слушал мамини сказки, он начал рассказывать историю ей самой.

- Жил на свете один юноша... - начал он.

- Нет, не так, - перебила его Джулия.

Филип запнулся и удивленно посмотрел на нее.

- Раз это сказка, то юноша должен быть принцем.

- Ты права. Жил-был принц...

Она одобрительно кивнула:

- Так лучше. А как его звали?

- Отгадай.

- Принц Филип, - не задумываясь сказала Джулия.

- Правильно, - подтвердил он. - Жил на свете принц, и звали его Филип. Он был очень послушным юношей и старался все делать так, как велели ему король с королевой. Он старательно учился верховой езде, рыцарскому боевому искусству и другим королевским премудростям. Но когда занятия заканчивались, а оружие было вычищено и убрано, он шел в свою комнату и читал про сказочные места, такие как Страна Оз или Зазеркалье. Он понимал, что волшебные страны бывают только в сказках, но ему очень, очень хотелось, чтобы они существовали на самом деле. Каждый раз, когда Филип читал новую книгу или рассматривал голограмму, он мечтал, что когда-нибудь попадет в такую волшебную страну.

- Я знаю, что он чувствовал! - воскликнула Джулия со счастливой улыбкой на морщинистом лице, которое я по-прежнему любил. - Разве не замечательно было бы шагать по дороге из желтого кирпича со Страшилой и Железным Дровосеком, беседовать с Чеширским Котом или гулять по берегу в компании Моржа и Плотника?

- Вот и принц Филип так считал, - согласился сын и, эффектно подавшись вперед, продолжил: - И вот однажды принц сделал чудесное открытие...

Она села на постели и возбужденно захлопала в ладоши.

- Он узнал, как попасть в Страну Оз!

- Нет, в королевство, которое намного прекраснее.
Внезапно устав от эмоций, Джулия откинулась на подушку.

- Я так рада! Это конец сказки?

Он покачал головой.

- Еще нет. Видишь ли, все люди там были не такие, как принц и его родители. Он не понимал жителей этой страны, а они не понимали его. И они очень боялись всех, кто выглядел или говорил не так, как они.

- Как и большинство людей, - пробормотала она сонным голосом, закрыв глаза. - Он тоже надел маскарадный костюм, как на Хэллоуин?

- Да, - подтвердил Филип. - Только это был не простой костюм.

- Да-а? - Она открыла глаза. - А какой?

- Тот, кто этот костюм надевал, уже никогда не мог его снять, - пояснил Филип.

- Волшебный костюм! - ахнула Джулия. - Как здорово!

- Да, но это означало, что он никогда не сможет править своей страной, и старый король ужасно на него разгневался. Однако юный принц понимал, что у него не будет другого шанса попасть в удивительную страну. И тогда он все же надел этот костюм, покинул отцовский дворец и навсегда остался в волшебном королевстве.

- А ему было очень... трудно надевать этот костюм? - В ее голосе проскользнули тревожные нотки.

- Очень.

В этом слове я вдруг услышал нечто такое, о чем до сей поры не задумывался.

- Но принц не жаловался, - продолжал Филип, - потому что нисколько не сомневался, что дело того стоит. Он отправился в путешествие по волшебной стране и увидел тысячу невиданных и прекрасных творений природы. Каждый день - новое чудо, каждую ночь - новое видение.

- И с тех пор он жил счастливо? - спросила Джулия.

- И до сих пор живет.

- А он женился на прекрасной принцессе?

- Пока нет, - вздохнул Филип. - Но не теряет надежды.

- Я думаю, это замечательная сказка.

- Спасибо, Джулия.

- Можешь называть меня мамой, - сказала она неожиданно внятным и сильным голосом. - Ты правильно сделал, что уехал.

Она повернулась ко мне, и я увидел перед собой прежнюю Джулию.

- А тебе, Джордан, лучше помириться с нашим сыном.

Едва прозвучали эти слова, прежняя Джулия исчезла, как часто бывало в последнее время. Опустив на подушку голову, она еще раз взглянула на нашего сына.

- Что-то я позабыла, как тебя зовут, - сконфуженно проговорила она.

- Филип.

- Филип... - повторила она. - Какое чудесное имя... Сегодня Хэллоуин?

Не успел он ответить, как она уже спала. Сын нагнулся, поцеловал ее в щеку своими жуткими губами и направился к двери.

- Я уезжаю, - сказал он, когда я вышел за ним в коридор.

- Подожди, - попросил я.

Он смотрел на меня выжидающе.

- Пойдем на кухню, - позвал я.

Он двинулся за мной по истертому полу. Когда мы оказались на кухне, я достал пару банок пива, открыл и наполнил стаканы.

- Это было очень больно? - спросил я.

- Дело прошлое. - Он пожал плечами.

- А там, где ты... там действительно есть хрустальные горы?

Он кивнул.

- И говорящие цветы?

- Да.

- Давай-ка лучше перейдем в гостиную, - предложил я.

В гостиной я сел в глубокое кресло, а ему указал на диван.

- Что ты хочешь узнать? - спросил Филип.

- Это дело действительно было такое особенное? - поинтересовался я. - И почетное?

- На одно место претендовали 28 тысяч человек, - сказал он. - Я оказался лучшим.

- Должно быть, правительству пришлось изрядно потратиться, чтобы сделать тебя таким, как сейчас.

- Еще бы! Ты даже представить не можешь, во сколько обходится каждая трансформация.

Я глотнул пива и предложил:

- Давай поговорим.

- О чем? О маме мы поговорили. Остались только «Питоны», но мне не хочется тратить на них время.

- Есть еще кое-что.

- В самом деле?

- Расскажи мне о Волшебной стране, - попросил я.

* * *

Он задержался на три дня, спал в старой гостевой комнате, но потом ему настала пора возвращаться. Он пригласил меня к себе, и я обещал, что приеду. Естественно, сейчас я не оставляю Джулию, а к тому времени, когда ее не станет, я, скорее всего, буду уже слишком старым и дряхлым для такого далекого, тяжелого и отнюдь не дешевого путешествия.

И все же мне приятно думать, что если я когда-нибудь туда попаду, меня будет ждать любящий сын, который покажет престарелому отцу

все чудеса своей Волшебной страны.

Перевел с английского Андрей МЯСНИКОВ

© Mike Resnick. The Homecoming. 2011. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Azimov's» в 2011 году.

ВАНДАНА СИНГХ

СУТРА МЛЕЧНОГО ПУТИ

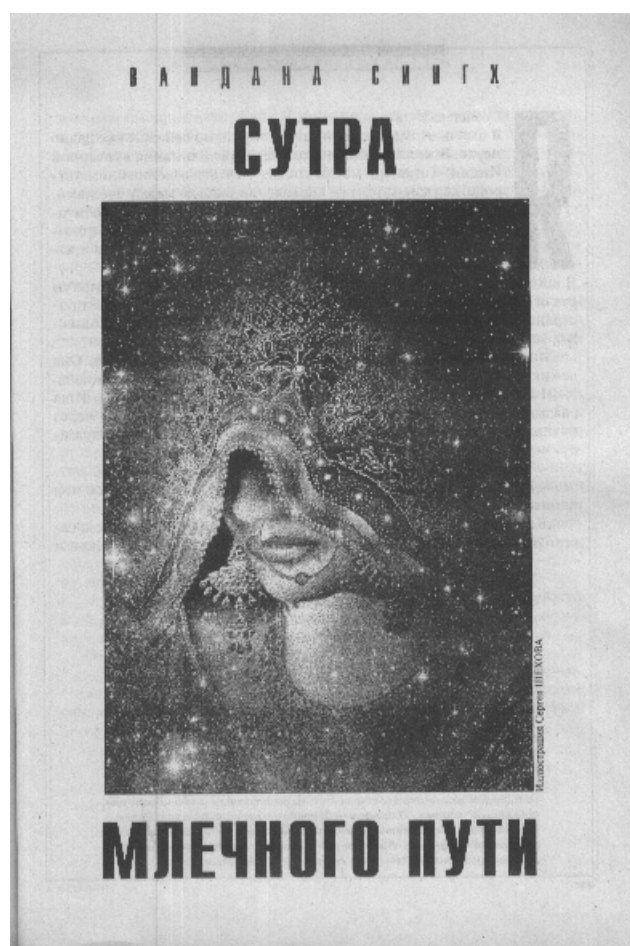

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Я Сомадева^{*23}.

---

²³ * Сомадева - писавший на санскрите кашмирский поэт XI века. Сведений о его жизни практически не сохранилось; биография Сомадевы реконструируется по косвенным данным. Известно, что

Я был поэтом, рассказчиком историй, но сейчас я уже давно мертв. Я жил в одиннадцатом веке эры Единения в северной Индии. Тогда мы могли только мечтать о волшебном устройстве удан-хатола - корабле, летающем между звездами.

Тогда небесные видьядхары**²⁴ считались сказочными обитателями иных миров. И единственными крыльями, с помощью которых я мог совершать свои странствия, были крылья воображения...

В кого или во что я превратился сейчас, когда полеты между мирами стали обычным делом? Кто заточил меня в это маленькое, тесное пространство с гладкими металлическими стенами и круглыми окошками, за которыми нет ничего, кроме бесконечных звездных полей?

Мне понадобилось несколько мгновений, чтобы узнать Ишу. Она лежит на койке, ее волосы разметались по подушке, она смотрит на меня. И я вспоминаю первое свое пробуждение и замешательство. Иша сказала, что она воссоздала меня. Что она влюбилась в меня через пятнадцать веков после моей смерти, когда прочла «Катхасаритсагару» - «Океан сказаний».

- Ты помнишь? - тревожно спросила она.

- Конечно, помню, - ответил я, ибо в это же мгновение вся моя память вернулась ко мне.

«Катхасаритсагара» - главное дело моей жизни. Я исходил всю северную Индию, вылавливая слухи о потерянных рукописях, рисковал жизнью, выпрашивая убийц и демонов, вытягивал истории из старух и принцев, торговцев и нянек. Я собрал все эти рассказы и сложил из них самый сложный лабиринт. Повествования в моей книге многоступенчаты: главный рассказчик представляет историю, персонажи которой, в свою

он происходил из касты брахманов, придерживался шиваизма и был придворным поэтом кашмирского царя Ананты, правившего в 1029-1064 годах. Для развлечения его жены Сурьявати (ум. 1081) Сомадева, по его собственным словам, составил прославившее его сочинение «Катхасаритсагара» («Океан сказаний»), которое представляет собой собрание индийских легенд, волшебных и народных сказок, состоящее из 18 томов, 124 частей и 21000 стихов, помимо прозаических частей. (Здесь и далее прим. перев.)

²⁴ ** Видьядхары (санскр. vidyadhara, «держатель знания») - в индийской мифологии класс существ-полубогов. Видьядхары являются добрыми духами воздуха и в совершенстве владеют искусством магии. Они могут изменить свою внешность по желанию и обладают способностью летать. Они наслаждаются музыкой и громким смехом. В древности и средневековье видьядхары часто изображались в виде полулюдей-полуптиц. Бывают как мужского, так и женского пола. Первые известны мудростью, вторые - красотой.

очередь, рассказывают собственные истории и так далее. Одни ссылаются на рассказы других, и таким образом каждый становится не только повествователем, но и участником событий. А переплетающиеся нити, любая из которых многократно связана с другими, образуют сложно вытканый гобелен. Рассказ же о создании самого «Катхасаритсагары» - это исходная история для всех них.

Все началось из-за некоей моей тайны и стало для меня самым главным делом. Я ткал паутину историй, чтобы спасти женщину, которую любил. Я и подумать не мог, что спустя пятнадцать столетий после моей смерти другая женщина, совсем не похожая на мою возлюбленную, прочтет мои слова и влюбится в меня.

Тогда, при моем пробуждении, Иша сказала, что воссоздала меня затем, чтобы я составил ей компанию в межзвездном путешествии. Она желала стать Сомадевой своего времени и собирала истории, перелетая от планеты к планете в Галактике, которую мы называем Млечным Путем. Каково было мне узнать, что существуют другие миры, населенные людьми и иными существами, и каждый из этих миров кишит своими легендами и преданиями! Иша поведала мне, что мой дух заключен в кристаллическую шкатулку, вроде тех, в которых хранят драгоценности. Шкатулка снабжена длинными отростками, подобными усикам насекомых, так что я могу видеть, слышать и обонять - образно говоря, ощутить на вкус любую из посещаемых нами планет.

- И как же ты вырвала меня из объятий смерти? Восстановила мою душу по историческим хроникам? Или эта волшебная шкатулка - просто моя очередная реинкарнация?

Она покачала головой.

- Это не магия, Сомадева. Боюсь, я не смогу этого объяснить. Но скажи... мне просто необходимо это знать. Почему ты не вписал самого себя в «Катхасаритсагару»? И кто он на самом деле, этот твой рассказчик, Гунадхья?^{*25} Я чувствую - здесь какая-то загадка...

---

²⁵ * *Гунадхья - автор классического произведения индийской литературы, собрания сказок, легенд и преданий, написанного на диалекте пракрита пишачи, именуемого «Брхат-катха» («Великое сказание»). «Брхат-катха» состоит из 700000 строк, описывающих наш мир с момента его сотворения. Считается, что эти легенды были нашептаны во время сна в ухо Гунадхье некими первобытными существами, которые хотели таким образом сохранить древнюю мудрость. Заключительную же часть, повествующую о современных ему событиях, Гунадхья сочинил самостоятельно. Согласно традиции, Гунадхья представил свой труд царю Сатавахане, который отверг это творение, поскольку оно было написано на плебейском языке пишачи. Тогда Гунадхья взобрался на вершину холма и при свете костра вслух прочел свое сочинение. По мере*

Она все время задавала мне вопросы. Когда она наедине со мной, то часто бывает взволнована. Мое сердце тянется к ней, к этому потерянному ребенку отдаленной эпохи.

Гунадхья - главный рассказчик «Катхасаритсагары», создание, в чем-то схожее с европейскими гоблинами. Согласно легенде, он был любимцем самого Шивы, а на Земле родился из-за некоего проклятия. Его предназначением было поведать миру великую историю, называемую «Брхат-катха», ничтожной частью которой является «Катхасарит-сагара». Но ему запрещено было говорить или писать на санскрите и на любом другом человеческом языке. Странствуя однажды по лесу, Гунадхья наткнулся на стаю пожирателей плоти пищачей**²⁶. Гунадхья затаился и, слушая их разговоры, выучил этот странный язык. Со временем он создал великую книгу «Брхат-катха» на языке пищачей. Написана она была на древесной коре его собственной кровью.

Говорят, что его принудили сжечь рукопись и только в самый последний миг некий ученик Гунадхьи успел выхватить из огня одну часть. Я годами прослеживал судьбу этой уцелевшей части, но смог найти лишь несколько разрозненных страниц и записать обрывочные воспоминания тех, кто видел подлинник или кому рассказывали связанные с ним истории. Из этого немногого я и воссоздал то, что назвал «Катхасаритсагара». В своей работе я следовал нашей древней традиции, по которой автор составляет, соединяет и приукрашивает разные истории - как записанные, так и устные. Он наделяет своим сознанием множество персонажей-рассказчиков, чтобы направлять их повествование.

В наиболее древних работах автор идет еще дальше: он сам включается в действие, уподобляясь выходящему на сцену актеру.

В этом единственном пункте я отошел от традиции. Я не участвую ни в одной из историй «Катхасаритсагары». И вот Иша хочет знать почему.

Временами я ощущаю своего рассказчика Гунадхью, как человек может ощутить стоящее рядом привидение. Гунадхья имеет со мной какую-то связь, природа которой мне не ясна. Все эти годы он являлся мне во снах, заполнял пробелы в моих повествованиях, отвергая и опровергая уже записанное. Он шепот в моих ушах; мой язык то и дело повинуется его приказам. Он постоянно что-то утаивает, терзает меня

декламации небо затянули тучи, земля сотряслась, божества наполнили воздушное пространство, деревья склонили к нему свои кроны. Прочитав очередную часть, Гунадхья бросал ее в огонь.

²⁶ ** Пишачи - персонажи древнеиндийской мифологии, что-то вроде зомби. Их название схоже с названием южноиндийского диалекта, на котором легендарный Гунадхья написал свой труд «Брхат-катха».

тишиной между словами. Возможно, он ждет подходящего момента.

- Я не знаю, - отвечаю я Ише. - Мне неизвестно, почему я не вставил самого себя в повествование. Понимаешь, я думал этого будет достаточно: сплести паутину из слов, чтобы поймать в нее свою царицу. Чтобы спасти ее от смерти...

- Расскажи мне про нее, - просит Иша. Она знает все про Сурьявати, но хочет услышать это от меня. Снова и снова.

Я вспоминаю...

Высокий балкон, открытый, незарешеченный. Горный воздух пьянит как вино. Во внутреннем дворе под нами сушатся на солнце большие оранжевые кучи абрикосов. За стенами двора слышатся голоса и лязг оружия - солдаты упражняются в своем смертоносном ремесле. Царь готовится к сражению с собственным сыном, не желающим терпеливо дожидаться его смерти и жаждущим захватить трон. Но я здесь не из-за этого, а ради царицы. Она стоит на балконе у огромной каменной вазы, поливая священный базилик - тулси. На ней длинная юбка глубокого красного цвета и зеленая шаль поверх изысканно расшитой туники. Ее тонкие пальцы дрожат, ее взгляд, когда она поднимает на меня глаза, полон боли. Служанки суетятся вокруг, но они не в силах облегчить ее терзания. Наконец она садится, натягивая на лицо край тонкой шелковой вуали. Легкий жест кистью руки. Знак, что я должен начать рассказ, который на какое-то время сумеет прогнать тревожные складки с прекрасного чела.

Именно ради нее я сплетаю паутину повествований. Каждый раз это помогает царице забыть про свое отчаяние и прожить еще один день. Всякий раз она оказывается пойманной в мою паутину и очаровывается ею все больше и больше. Но бывают дни, когда сжигающая ее тревога пересиливает и разбивает заклятие повествования, и тогда я нужен царице для другого дела. Ради любви к ней я должен принимать участие в древнем и опасном ритуале. Но сегодня, этим днем, о котором я рассказываю Ише, Сурьявати просто хочет послушать историю.

Думаю, я допустил ошибку - тогда, пятнадцать веков назад. Если бы я вписал самого себя в «Катхасаритсагару», возможно, Сурьявати поняла бы, как сильно я хотел, чтобы она осталась в живых. В конце концов, Вьяса, записавший бессмертную «Махабхарату», в той же степени был участником событий, как и их летописцем. Да и Вальмики, сочинивший «Рамаяну», тоже стал одним из ее персонажей.

Что ж, впишу-ка я самого себя вот в это повествование. Может, в этом спрятан секрет, как управлять событиями. И я сам, в конце концов, постигну смысл происходящего.

Призрак Гунадхьи рядом со мной молчаливо кивает в знак согласия.

Иша сидит в отсеке корабля, пальцами тербит волосы, ее взгляд озабочен. Она всегда выглядит обеспокоенной. Она уже много поведала мне о себе, но я могу только гадать, чего же она на самом деле добивается, составляя своды легенд и мифов обитаемых миров. Когда я странствую по лабиринту историй, созданному мной же, я, в конце концов, надеюсь найти свою Ишу, свою Сурьявати.

Ишу, насколько я успел понять, особенно занимают истории о происхождении, отыскании предков. Думаю, это потому, что она ничего не знает о собственной семье, о своем прошлом. В молодости она стала жертвой похитителей прошлого. Налетчики забрали всю ее память. И теперь ее воспоминания разбросаны по представлениям балаганных актеров, беседам чужаков, фальшивой памяти людей, пожирающих чужие личности и чужие жизни. Ее самосознание было уничтожено полностью, начисто, так что теперь она не признает эти воспоминания за свои, даже если когда-нибудь на них натолкнется. Что за ужасная и поразительная эпоха, в которой возможны такие вещи!

В своих странствиях Иша до сих пор так и не смогла узнать, к какому народу принадлежала. Единственная зацепка, ниточка, связывающая ее с прошлым, - это почти два десятка потрепанных древних книг. 18 томов «Катхасаритсагары». Видимо, они принадлежали ее семье, и это все, что у нее осталось после того налета. Страницы пожелтели и стали ломкими, текст выцвел. В юности Иша провела много времени, заново осваивая утраченное искусство чтения, изучая утерянные рукописи, написанные на мертвых языках. Под обложкой первого тома можно различить бледную надпись: имя - Вандана. На полях в разных местах текста есть замечания, сделанные той же рукой. «Это какой-то мой предок», - думает Иша.

Вот почему Ишу так захватывают истории о происхождении. Она надеется, внимая рассказам, откуда кто родом, когда-нибудь отыскать что-нибудь и о самой себе.

Все это я узнал во время нашего первого путешествия. После того как она вернула меня к жизни (если это можно так назвать), мы отправились на планету, именуемую Джесанли, на поверхности которой располагалось всего несколько городов-государств, и все они были с нами неприветливы. Никто не захотел нас принять, кроме племени пустынных кочевников киха, имевших давние обычаи гостеприимства. Жители этой планеты не продвинулись хоть сколько-нибудь значительно в искусствах, инженерном деле или науке. Но у киха имелись странные поэтические предания. Вот первое из них.

Некогда наши предки жили в горячем и перенаселенном месте почти в полной темноте. Они были не похожи на нас. Не мужчины и женщины, а какие-то другие сущности. Полуслепые предки жили в постоянном страхе, и если случалось, что один из них оказывался слишком близко

к другому, они тут же в ужасе отпрыгивали друг от друга, как будто боялись напороться на чужака, а то и врага, стремящегося ворваться в их личное пространство. Представьте себе множество людей, лишенных дара речи и вынужденных жить в тесной и темной пещере, где ужасно каждое случайное столкновение во мраке - вот каков был образ жизни наших предков. Всегдашний страх стал их сущностью, стал чем-то вроде тяжелого груза в душе.

Но время от времени двое из них, а то и больше, сходились достаточно тесно, чтобы суметь смутно разглядеть друг друга своими почти бесполезными глазами. И тогда они получали возможность узнать самих себя в других, они могли коснуться другого, привлечь его к себе. Со временем у них появились небольшие, но прочные семьи. И теперь им уже не было нужды таскать в себе бремя своего страха, который, будучи отпущен на волю, превращался в свет.

Да-да. Вы правильно услышали. Хотя они и продолжали жить в своем похожем на топку мире, все в той же чудовищной тесноте, но то, что от них вопреки всему исходило, было светом.

Когда Иша услышала это предание, ее глаза засверкали. Она сказала людям киха, что у этой легенды есть скрытый смысл, в ней содержится секрет того, как горят звезды. Киха вежливо выслушали объяснение и поблагодарили Ишу. Она хотела узнать, где они впервые услышали эту сказку, но вопрос казался им бессмысленным. Позже Иша сказала мне, что, несмотря на свой образ жизни, киха наверняка когда-то были обитателями неба.

Эту историю киха рассказали Ише в благодарность за принесенные дары. Поэтому, когда она объяснила суть и смысл их собственного предания, им пришлось рассказать еще одну легенду, чтобы сравнить счет. Делали они это с явной неохотой, поскольку древнее предание не тот подарок, которым легко одаривают чужака.

Вот эта вторая история.

В начале всего было лишь одно-единственное существо по имени Тот-У-Которого-Нет-Имени. Безымянный был громаден, бесформен и неразличим, он покоился в неподвижности и ждал. В месте его обитания не было тьмы, потому что не было и света.

Постепенно Безымянный устал от такого существования. Он спросил, обращаясь в никуда: «Кто я такой?». Но ответа не последовало, поскольку не было никого другого, кроме него самого. Тогда он сказал самому себе: «Одиночество - тяжелое бремя. Я разделюсь на части и создам себе товарищей».

И тогда Безымянный собрался с силами, сжался, а потом яростно распростерся по всем направлениям, истончаясь по мере растяжения. Это был самый великий взрыв из всех известных: из разлетевшихся в разные стороны осколков зародились люди, и животные, и звезды.

И теперь, когда свет падает на гладь вод, или когда человек пускает

стрелу в другого человека, или мать поднимает на руки ребенка, это Тот-Кто-Был-Некогда-Безымянным задает мелкую частичку своего великого вопроса: «Кто я такой?».

Тем не менее Некогда-Безымянный продолжает расширяться, стремясь за горизонты того, что мы знаем, и того, чего не знаем, дробя себя на все более мелкие части, подобно тому, как разлетаются брызги от волн, разбивающихся о прибрежные скалы. Чего он ищет? Куда стремится? Кто скажет?

И от этой истории Иша тоже пришла в восторг. Она хотела рассказать киха, что на самом деле это второе предание повествует о рождении Вселенной, но я ее отговорил. Для киха совершенно не важно, что реально, а что нет. Для них существуют лишь легенды и предания, а во Вселенной достаточно места, чтобы вместить их все.

Позже Иша спросила меня:

- Как могло случиться, что киха забыли о том, как некогда они странствовали среди звезд? Эти два предания содержат суть всех наук, это такие замаскированные виджьян-шастры^{*27}. Неужели память так ненадежна и недолговечна?

Она прикусила губу, и я понял, что она думает о своем собственном утраченном прошлом. В истории моей жизни тоже есть провалы, которые мне нечем заполнить.

Истории, из которых составлена «Катхасаритсагара», не похожи на сказки киха. У царицы Сурьявати всегда было серьезное выражение лица, она проводила много времени в размышлениях о природе Господа Шивы. Чтобы хоть как-то облегчить ее участь, я собирал рассказы об обычных, несовершенных смертных и о высших существах: о сплетничающих женах, об обитающих в небе видьядхарах, способных менять свое обличье, об опасных и добрых зверях, населяющих великие леса. Предание гласит, что впервые их поведал миру сам Шива. Они совершенно не похожи на сказки киха.

Ише еще предстояло многому научиться! Как и Сурьявати, она скрытная женщина. Она изо всех сил скрывает от мира свою боль. Ее отношения с киха безличны, она соблюдает дистанцию, чтобы не сказать - держится отстраненно. На ее месте я бы погостил в их жилищах, пожил бы с ними одной жизнью, послушал бы их разговоры и сплетни. Выяснил бы, кто кого любит, какие радости и горести принес очередной сезон, есть ли вражда между кланами. Меня мало занимали

---

²⁷ * Виджьян (санскр.) - наука; шастра (санскр. «призыв, гимн», также «меч, нож, оружие») - вид пояснительного текста, использующийся в индийских религиях, в частности в буддизме; комментарий к сутре. В более широком смысле шастра - знание о каком-либо предмете или узкой области науки, например обозначение умения владения каким-либо типом оружия.

космические драмы о богах и героях.

Однако третье предание киха не похоже на два первых. И мне непонятен его смысл.

Однажды во мраке брел человек и вышел на берег, где горел огонь. Он подошел поближе и увидел другого - весь как будто из света, он вертелся вокруг себя, как пьяный. Первый, согревшись возле огненного человека, хотел заговорить с ним, но огненный его не замечал. Он продолжал вертеться на месте, а первый, чтобы видеть его лицо, вынужден был, выкрикивая свои вопросы, бегать вокруг огненного. А еще там были три маленькие кусачие мошки, которые не осмеливались потревожить огненного человека, но зато хотели покусать щеки другого, и поэтому они кружили вокруг его головы, а он все отмахивался от них, но они от него не отставали и следовали за ним, пока человек не забыл про них, и тогда они смогли его ужалить.

Что дальше?

А дальше ничего. Все они, все пятеро, по-прежнему еще находятся на темном берегу и продолжают свой танец.

Иша считает это довольно поздней историей о происхождении племени. Она полагает, что предки народа киха явились с планеты, у которой было три луны. То был мир, долгое время летевший в одиночестве сквозь космический мрак, пока не попал в объятия какой-то звезды. Я слышал истории про такие миры - бродячие планеты, у которых нет своего светила-пастыря. Вполне возможно, одна из них прибилась к какому-то солнцу. Эту сказку Ише по секрету рассказала какая-то девочка, когда мы уже готовились к отлету. Она хотела сделать нам какой-нибудь подарок, а это все, что у нее было.

Если Иша права, то киха рассказали нам эти истории не в том порядке. Надо их так расположить: рождение Вселенной, возникновение их солнца и появление около него их собственной планеты.

Однако все эти старые истории имеют столько же значений и смыслов, сколько звезд на небе. Пришпиливать к любой из них единственное объяснение - значит, совершать ошибку. Возьмем второе сказание. С тем же успехом можно рассудить, что в нем под видом космологической теории передаются некоторые философские идеи из древних индийских книг, называемых «Упанишадами». В другой своей жизни я был знатоком санскрита.

А еще важно то, что мы извлекаем из этих историй - какой смысл мы там видим, какое значение. Мы похожи на бродяг на морском берегу, которые находят здесь одну раковину, там - другую, дальше еще и еще и в конечном счете создают из них цепочку собственного изготовления.

Вот завязка истории, которую я сложил, объединив все три предания киха.

В начале Иша создала мир. Желая познать саму себя, она разорвала

себя на части. Одна из таких частей - это я, Сомадева, поэт и бродяга. И мы вечно кружимся подле - создатель и создание...

Иногда я думаю, что я сам создал ее, точно в той же мере, в какой она слепила меня. И спрашиваю себя: не являемся ли мы письменными произведениями друг друга, не придаем ли материальность, всего лишь сочиняя сюжеты, каждый из которых ссылается на сюжет другого?

Возможно, киха правы: истории создают наш мир.

Я просыпаюсь и обнаруживаю себя на знакомом высоком каменном балконе. Царица глядит на меня. Между нами в глиняном сосуде горит небольшой костерок - ангити. Над ним на железной подвеске болтается черный котелок с парящим зельем.

- Не слишком ли далеко тебя занесло, мой поэт? - озабоченно спрашивает царица. - Ты говорил мне о далеких мирах и невозможных вещах. Ты произносил слова, которых я не могла понять. Это все, конечно, очень любопытно, но я всего лишь хотела узнать, что произойдет в ближайшие дни, а не то, что будет спустя целые эпохи. Я хотела...

Я в замешательстве. Открыв глаза, я подумал, что вижу Ишу. Я полагал, что нахожусь на космическом корабле и рассказываю Ише про Сурьявати. Иша любила слушать старинные сказания. Сама при этом лежала на койке и рассеянно поглаживала лоб пальцами. Я мог только жалеть, что это не мои пальцы.

Так каким же образом я оказался здесь и вдыхаю насыщенный запахом сосен воздух Гималаев? И почему ощущаю во рту сложное послевкусие, относительно которого не могу точно сказать, чем оно вызвано. Но, кажется, оно имеет какое-то отношение к травяному отвару, дымящемуся в котелке. Мой язык слегка онемел - это действие содержащегося в зелье яда.

А может, рассказывая Ише историю своей жизни, я настолько глубоко погрузился в повествование, что оно стало для меня реальным?

Темные глаза царицы полны слез.

- Могу ли я попросить тебя сделать еще одну попытку, мой поэт? Не рискнешь ли ты жизнью и здравым рассудком еще раз, чтобы рассказать мне, что ты увидишь? Нужно просто перешагнуть границы этого мига и перенестись на несколько дней вперед. Кто победит в этой войне?..

Не могу же я ей сообщить, будто действительно видел то, что она хочет узнать. Я знаю, что написано в исторических хрониках про это сражение. Принц, ее сын, отберет у отца трон, а самого обречет на гибель. А царица...

Я не могу этого вынести.

И пытаюсь рассказать ей историю, героем которой являюсь сам. Если

у меня будет возможность влиять на последовательность событий, возможно, я смогу спасти ее. Я не способен воздействовать на царя или его сына, они для меня недосягаемы. Но Сурьявати? Она восприимчива к словам. А что если в любви Сомадевы - героя повествования - к Ише она распознает невысказанную, мучительную любовь настоящего Сомадевы... и, быть может, еще сумеет отступить от края пропасти, вырваться из плена писаной истории...

Я ужасаюсь тому, что если события пойдут, как описано в хрониках, я потеряю мою Сурьявати. Не окажусь ли я тогда в компании Иши, странствующей меж звезд в поисках преданий? Или просто умру здесь, на Земле, в тени дворцовых стен, в эпоху, когда ночное небо было лишь покровом сновидений? Кто выживет - реальный Сомадева или его литературное воплощение? И кто есть кто из этих двоих?

Все, что я могу сделать, это отвлекать Сурьявати и удерживать ее при жизни своими невероятными историями... и надеяться.

- Не знаю, как далеко в будущее забросит меня зелье, - говорю я царице. - Но ради своей повелительницы я выпью еще.

Я делаю глоточек.

И снова на корабле. Иша спит, спутанные волосы закрывают лицо. Во сне ее лицо расслаблено и безмятежно, если не считать привычной морщинки между бровями. Когда она хмурится, то больше похожа на ребенка, чем на взрослую женщину. Я гадаю - может, во сне к ней возвращается утраченная память?

Итак, я начинаю очередную историю, хотя пребываю в некотором недоумении - кто ее слушает: Иша или Сурьявати?

Я расскажу историю про Иниш. Это место на далекой планете, едва ли не самое странное из всех, которые мы посетили.

Я бы не решился назвать Иниш городом, потому что это не вполне так. Просто скопление людей и строений, животных и растений, но по заверениям аборигенов оно обладает собственным сознанием. А еще у него нет четко очерченной границы, потому что окраинные поселения имеют обыкновение совершенно непредсказуемым образом пускаться в странствие прочь от Иниша, чтобы потом так же неожиданно вернуться.

Кроме всего прочего, обитателей Иниша отличает очень странная система самосознания. Вот, например, у кого-то есть имя, скажем Мана. Но когда Мана находится в обществе своего приятеля Айо, вместе они образуют единое существо с именем Тукрит. Если вы их повстречаете и спросите, как их зовут, они ответят: «Тукрит», а не «Айо и Мана». Иша как-то спросила их, являются ли Айо и Мана частями Тукрита, и оба только рассмеялись.

- Тукрит ни в коем случае не является тем или этим, - ответил Мана.

- Тогда кто мне только что отвечал: Мана или Тукрит? - спросила Иша.

- Тукрит, конечно, - заявили они, снисходительно посмеиваясь.
- Я Иша, - сказала им Иша. - Но кто я такая, когда я с вами?
- Мы - тесо, - ответили они, переглянувшись.

Иша знала, что это значит. Словом «тесо» в их языке называлось все недообразовавшееся, еще не проявившееся, несуществующее в действительности, но имеющее возможность осуществиться - скорее вероятность, нежели достоверность.

Пришельцу со стороны трудно понять, есть ли у обитателей Иниша семьи. В одном жилище могут селиться несколько человек, но поскольку все жилища соединены меж собой коридорчиками и туннелями, трудно сказать, где заканчивается одно и начинается другое. В одном жилище могут проживать четыре пожилые женщины, одна молодая, один юноша и пять детей. Спроси их имена, и в зависимости от того, кто сейчас дома, ты услышишь всякий раз другое общее имя. Если присутствуют, скажем, Байджо, Акар и Инха, то они скажут: «Мы Гархо». Если кроме них в жилище окажутся еще и Сами, Кинджо и Виф, то имя этому сообществу будет Парак. И так далее, и тому подобное.

Как они сами во всем этом не запутываются, выше нашего с Ишей понимания.

- Послушай, - обратился я к ней как-то. - Ты и я... а кто мы, когда вместе?

Она посмотрела на меня печально.

- Иша и Сомадева, - таков был ее ответ. Но в голосе слышался слабый оттенок неуверенности, вопроса. - А сам ты как полагаешь?

- Тесо, - ответил я.

Вот история из Иниша.

Жила-была Икла. Затем она уже как Бако ушла от того, что без нее стало Самишем. И вдруг обнаружила, что она является частью чего-то становящегося, наступающего, но она не могла понять, кем или чем является это становящееся. «Ну как же, - подумала она, - это ведь горо, существо, которое выдает свое присутствие лишь вздохами, исключительно для внутреннего слуха». Она ощутила, как медленно разрастается тесо, почувствовала, что сама становится текучей, превращается в небо, в дождь. А затем не было уже ни тесо, ни горо, ни Бако, а только лишь зрелая полнота и целостность, и таким образом в бытие вошел Чиули.

И этот Чиули помчался с громкими криками по летним тропам, разбрасывая в стороны камни и комья грязи и приговаривая: «Буря приближается! Буря!». И Чиули взбежал на холм, и опустил на землю перед священными камнями, и умер. И там осталась только Бако, которая глядела в небо расширенными глазами и ощущала внутри себя пустоту, возникшую после того, как ее оставило существо, именуемое горо.

Бако гадала: почему существо горо выбрало ее для такого события? Может, потому что она всегда ощущала тесо с бурями? Ведь бури в здешних краях - явление редкое, и о них следовало предупреждать людей. А внутри Бако имелась некая пустота, пригодная для той разновидности существа горо, которая живет ради бурь и предупреждения о них. И таким образом правильный вид пустоты призвал к жизни Чиули.

Вокруг Бако собирались стайки разных существ, но она сопротивлялась попыткам затянуть себя в какое-нибудь объединение. Все потому, что надвигалась буря и она ощущала тесо с нею. А никто другой этого не мог. Другие могли чувствовать тесо по отношению к иным людям и зверям, к существам, чьи глаза ярко светятся во мраке, а временами даже к медленным деревьям, но только внутри Бако имелась пустота в форме бури. И она ощущала тесо с бурей, как ощущала его с существом горо.

Воздух напитался электричеством, темные тучи заволокли небо подобно потолку, готовому обрушиться вниз. Куда ни глянь, все было серым: серая вода, серые существа, глядящие в небо удивленно и напуганно. Только Бако по мере нарастания тесо чувствовала возбуждение, восторг, предвкушение. Такое бывает, когда человек находит сообщество близких себе существ. Чувство созревания, вхождения в полноту бытия. Томительно-сладкое безумие. Сейчас Бако ощущала что-то подобное, но во много, много раз сильнее.

Самиш примчались на вершушку холма, где она стояла, и пытались увести ее с собой, чтобы она снова стала Иклой и чтобы тесо с бурей бесследно исчезло. Но Бако сопротивлялась, и Самиш вынуждены были уйти. То, что с ней происходило, было сильнее известных им любовных уз.

Разразилась буря. Великолепная буря, с ливнем и громом, и молнии плясали вокруг Бако. Реки вздулись и вышли из берегов, вода хлестала через сушу, яростно врывалась в жилища людей, снося все на своем пути. Холмы пришли в движение, и живые создания бежали из своих нор и жилищ. Только Бако стояла под дождем на самом высоком холме, а буря, плясала для нее.

Тесо превратилось в нечто. Мы называем это Т'фан. Т'фан играла с миром, распростерлась на полпланеты, охватила своими влажными ладонями холмы и деревья. Буря продолжалась так долго, что все существа решили: больше никогда уже не будет ни солнца, ни сухой земли. Но в один прекрасный день все закончилось.

Самиш собрались все вместе и устало побрели на вершушку холма, чтобы отыскать Бако или оплакать смерть Иклы.

Бако там не было. То, что там находилось, стояло в той же позе, в какой они оставили Бако, - с руками, протянутыми к небу. Она не замечала их устремленными в неведомые дали глазами, а они

увидели, что, хотя небо и очистилось, буря все еще была в ней. Крохотные искорки-молнии срывались с кончиков ее пальцев. Ее волосы были опалены.

Они узрели: буря так плотно заполнила ее пустоты, что Бако уже никогда не сможет снова стать Иклой. Они даже не ощущали тесно. Они оставили ее и приготовились к обряду оплакивания.

Т'фан все еще стоит там, ее глаза полны бурями, ее пальцы играют с молниями. Ее волосы сгорели почти начисто. Ей не нужны ни пища, ни вода, и она выглядит - по меркам бури - вполне довольной. Когда обрушивается гроза, люди собираются вокруг нее - и она оживает и пляшет среди них, как будто к ней издалека приехали родственники. А потом Т'фан исчезает, а вместо нее появляется нечто гораздо более великое и более сложное, чему мы не в силах дать имя.

- Ну, и что означает эта история, хотела бы я знать, - выразила недоумение Иша.

- Временами это просто истории, ничего больше, - ответил я.

- Ты так и не рассказал мне, что случилось с Сурьявати после того, как ты сделал еще один глоток зелья и рассказал ей очередную сказку, - сказала Иша, не утруждая себя обдумыванием смысла моего замечания. Она еще не готова согласиться с тем, что не из каждой истории можно извлечь смысл, как не с каждого дерева можно сорвать плод. И не готова признать, что смысл заложен не столько в самой истории, сколько в том, что в повествование вкладывает слушатель. Она так нетерпелива, моя Иша!

Я напрягся.

- Царица была вне себя от горя после того, как ее сын захватил царство и уничтожил своего отца, - сказал я. - Она бросилась в погребальный костер царя. Я не смог спасти ее.

И в этот самый миг я совершенно ясно вижу царицу, ее темные глаза, исполненные тоски и горя. Ее руки с длинными пальцами - поблекшие рисунки хной на ладонях, заживший порез на указательном пальце, вот она поднимает тонкую кисть, чтобы смахнуть с ресниц слезу. И все же в ее взгляде пробивается еще какой-то интерес к жизни. Ее разум вслед за моими рассказами простирается в дальние уголки Вселенной. И в этом огоньке в ее глазах заключена вся моя надежда. Возможно, все, что я нашел, это постоянно повторяющийся отрезок времени - выпавшая из главного потока временная петля, в которую я пойман вместе с Ишей и Сурьявати. Здесь мои истории никогда не закончатся; я никогда не достигну того мгновения, которого с ужасом ждет Сурьявати, а Иша никогда не поймет, кто она такая. Гунадхья останется шепотом у меня в голове, а его связь со мной - все той же тайной.

Вот мы мчимся сквозь небесные просторы - Иша и я, видьядхары иной эпохи, а Сурьявати провожает нас взглядом. Кто здесь рассказчик, а кто слушатель? Мы попались в паутину, которую сами же и сплели. И если ты, слушатель из другого времени и другого пространства, на лицо которого, подобно пене океанского прибоя, легли нити этой паутины, ты, кто подслушал принесенные ветром обрывки чьего-то разговора, если ты сам войдешь в эту историю и заберешь ее в свой мир с его печальями и маленькими откровениями, что тогда станется с тобою? Войдешь ли ты сам в этот круг? Поведаешь ли мне свою собственную историю? Будем ли мы сидеть все вместе - ты, Сурьявати, Иша и я, ощущая внутри себя тесо и свивая смыслы из сюжетных линий повествования?

Я - Сомадева. Я поэт и рассказчик.

Перевел с английского Евгений ДРОЗД

© Vandana Singh. Samadeva: A Sky River Sutra. 2011. Публикуется с разрешения автора.

ГИГАНТСКАЯ КНИГА О ГИГАНТАХ

**Альфред ДЭБЛИН. ГОРЫ МОРЯ И ГИГАНТЫ. СПб.: Издательство
Ивана Лимбаха**

Автору этой книги так и не присудили Нобелевскую премию. Несмотря на то что он заслуживал ее побольше иных лауреатов... Современному российскому читателю Альфред Дёблин, классик немецкой литературы XX века, известен по экранизированному реалистическому роману «Берлин. Александерплац». Большая часть наследия Дёблина расположена в рамках так называемого критического реализма. И, как отдельная скала в море, высится

среди его книг фантастический роман «Горы моря и гиганты».

Именно так, без знаков препинания, пишется название этой книги. «Горы моря» для Дёблина были символом единства природных сил, а «гиганты» обозначали человечество, одержимое стремлением природу победить и преодолеть.

Создававшаяся в 1921-1923 годах и опубликованная в июне 1924-го книга стала творческим экспериментом Дёблина, который пытался доказать и себе, и читателям, что способен создать художественный текст, опираясь исключительно на собственную фантазию, не взяв на вооружение ни исторические источники, ни наблюдения над действительностью, ни личный опыт.

Семисотстраничный фолиант, разделенный на девять книг, не вмещается ни в какие видовые рамки. Специалисты по НФ по сей день спорят, пытаюсь «вычислить» жанр книги. Антиутопическая фантастика? Или описание цепи глобальных катастроф, природных и социальных? Или, может быть, просто набор хаотических видений, которые автор стремился превратить в некий связный и обширный текст?

Многое из того, что описал Дёблин в первых книгах, выглядит сбывшимся пророчеством. Например, он повествует о постепенном сокращении рождаемости в европейских странах, деградации и уменьшении численности белой расы. Ярко и без оглядки на несуществовавшую в те годы политкорректность рассказывает о грядущем засилье мигрантов в Европе. Пишет он и о торжестве феминизма. Впрочем, прозорливость писателя кажется менее удивительной, если вспомнить, что на первые книги романа огромное влияние оказал двухтомный трактат О.Шпенглера «Закат Европы», в котором великий немецкий философ все эти напасти уже предвидел и даже посчитал явными симптомами «Падения стран Запада» (как на самом деле нужно бы переводить название его книги).

Как ни странно, впечатление от книги портит ее излишняя литературность. Автор словно никак не может избавиться от канонов прозы XIX века. На фоне колоссальных событий, охватывающих столетия, судьбы каких-нибудь Джустиниани и Мелиз, Марудка и Ионатана, Цимбо и Бу Джелуда кажутся факультативными дополнениями, которые мешают следить за мощным потоком исторических событий. Позже от такого подхода отказались и О.Степлдон в «Последних и первых людях», и Д.Андреев в «Розе мира». В итоге их книги производят более цельное впечатление при гораздо меньшем объеме.

Большую часть эпопеи автор повествует о мире XXVI века, хотя кратко уделено внимание и предшествующим эпохам. Мир будущего в романе - это мир, разделенный на два доминирующих культурных центра:

американо-европейский («Круг народов») и азиатский (куда попадает, по мнению автора, и Россия). При этом жители «Круга народов» давным-давно представляют собой не классических обитателей Европы, а этническую смесь африканцев, латиноамериканцев и европейцев. Успехи науки позволили им создать обширные предприятия по производству синтетической пищи («фабрики Меки»). А это дало возможность обособиться отдельным крупным городам, которые создали новые микросообщества, так называемым «градшафты».

Текст Дёблина в значительной степени отражает психологическую травму европейцев в ходе Первой мировой войны. Люди, пережившие всемирную бойню, остались с четким подсознательным убеждением: человек - существо, живущее психопатическими инстинктами и неконтролируемыми эмоциями, мало приспособленное к рациональному мышлению. Таких людей и рисует писатель в качестве обитателей градшафтов будущего. Никакой логики в их поступках нет. Они подчиняются каким-то внезапным импульсам, не обращая внимание на то, что ломают чужие жизни и вызывают гибель сотен и тысяч.

Дёблин убежден: духовное и психологическое противостояние между Европой и Азией в будущем не исчезнет, а приведет к кровопролитной войне, которую опять же породят причины не экономические и не политические, а, скорее, психопатологические. Непонятные страхи и фобии, неконтролируемые предубеждения и необъяснимое отвращение вызовут чудовищное противостояние между «Кругом народов» и Азией - великую Уральскую войну, где иррационализм правит бал: европейцы зачем-то набросились на азиатов, азиаты же не придумали ничего лучше, как пустить по своей собственной территории огненный шквал с Уральских гор. Шквал, уничтожающий всех - и врагов, и мирных жителей, и животных, и даже саму почву... И соответствующий финал бойни: «Не произошло ничего. Война просто сдохла, как животное, которому перерубили топором шейный позвонок».

Мир торжествующего иррационализма - такое грядущее пророчит немецкий писатель.

Лучшие, наиболее яркие книги этой эпопеи - самые последние. Тяжелейшие усилия правителей градшафтов, пытающихся найти, хоть какое-то общее дело для деградирующего человечества, порождают «проект Гренландия». Духовные лидеры людей решают создать новый фронт для человечества, освободив от тысячелетних ледников самый большой остров Земли.

Для этого сначала взрывают все вулканы Исландии, а накопленная взрывами энергия переправляется на кораблях к гренландскому побережью. Гренландия освобождается ото льдов и превращается в

материк с тропическим климатом. Но одновременно к жизни пробуждаются ужасные чудовища, полуживотные-полурастения, нападающие на европейские градшафты. Для борьбы с ними отдельных людей превращают в человекоподобные башни, лишь наполовину органические. Постепенно появляется целая раса таких гигантов, легко меняющих форму, безжалостных и к обычным людям, и к природе. Но этот «венец» человеческой эволюции также ждет гибель. Описание медленного угасания живых гор по-настоящему завораживает. Природа нашла способ победить их. Укротить не ненавистью, а любовью, которую они не смогли перенести. Горы моря одолели гигантов. А простые люди пережили страшную катастрофу.

Местами невнятная, сумбурная и очень странная книга Альфреда Дёблина тем не менее обладает удивительным обаянием. Очень верно написал в предисловии к ее немецкому изданию 1977 года германский литературовед Ф.Клотц: «Тот, кто готов, читая, вобрать в себя больше, чем может дать обычная книжка о приключениях в технизированном будущем, для того этот роман может стать научной фантастикой какого-то иного, более высокого уровня... И может превратить сам процесс чтения - если, конечно, читатель решится на такое - в отчаянно-дерзкую авантюру. Читатель, как и действующие лица романа, окажется вовлеченным в ситуации, дающие экстремальный жизненный опыт, который он, читатель, нигде больше не приобретет: ни в своем внутреннем, ни в окружающем мире».

Глеб ЕЛИСЕЕВ

Рецензии

Рецензии

Дэн СИММОНС
ЧЁРНЫЕ ХОЛМЫ

Москва: Эксмо-Домино, 2011. - 544 с.

Пер. с англ. Г. Крылова.

(Серия «Проект «Бестселлер»).

3100 экз.

В центре сюжета - две равновеликие вершины. Первая - индеец из племени Лакота Паха Сапы, что означает «Черные холмы» (роман охватывает почти всю жизнь героя - период, на который пришлись наиболее драматические события в истории индейских племен). Вторая - вершина, и в буквальном смысле слова. Черные холмы -

сакральное место для всех индейцев Великих равнин, где амбициозный скульптор Гутцон Борглум планирует увековечить в камне американских президентов. Замысел Симмонса не менее амбициозен: описать почти полвека американской истории глазами индейца.

За вычетом фантастических элементов роман подчеркнуто историчен. И тому, что автор рассказывает о создании мемориала на горе Рашмор или строительстве Бруклинского моста, можно доверять. Писатель реконструирует прошлое старательно и досконально. Симмонс вспоминал, например, сколько времени он потратил на то, чтобы установить, в какую сторону вращалось колесо обозрения на Чикагской Всемирной выставке. При том, что в сюжете это не имело принципиального значения... Пока одна сюжетная линия хаотически прыгает из воспоминаний Паха Сапы в его настоящее, Черные холмы оказываются центром событий куда больших временных масштабов: от появления человека на северо-американском континенте до наступления цивилизации «пожирателей жирных кусков» и далее в будущее.

Пантеизм Симмонса проявляется едва ли не с большей силой, чем в финальных томах «гиперионовского» цикла. Обнаруживаются здесь и отсылки к другим книгам Симмонса, в том числе еще не изданному произведению о приключениях Генри Адамса и Шерлока Холмса.

Увы, лоскутность романа, стремление автора объять необъятное несколько портят впечатление от книги. На поверку затертый среди льдов «Террор» оказывается намного более эпичной историей.

Сергей Шикарев

ФОРМУЛА КРОВИ. Сборник

Киев: Медиа Максимум, 2011. - 384 с.

2000 экз.

В сборник вошло пять повестей: «Сердце мрака» поляка Яцека Дукая, «То, что в его крови» Владимира Аренева, «Отродье» Анны Китаевой, «Летчик и девушка» Ольги Онойко, «И сверкнула молния» Павла Амнуэля. Повести очень разные: «твердая» НФ у Амнуэля, социальная - у Аренева, нечто среднее между первым и вторым у Дукая, чистая беспримесная фэнтези у Китаевой и почти мейнстрим у Онойко. Формально тексты объединены темой необычных свойств крови. Но и эта тематическая «скрепа» очень условна. У повестей есть лишь одна общая черта: все они - умный неформат. Притом выполненный на художественном уровне, стоящем намного выше, нежели 90% современной русскоязычной фантастической продукции. Таким

образом, «Формулой крови» в первую очередь должны заинтересоваться любители фантастических текстов, построенных на качественной литературной основе.

В этом смысле, безусловно, лидируют два автора.

Во-первых, Анна Китаева, которой удалось построить «стратегическую фэнтези» на бешеном драйве. Повесть объемом в четыре-пять листов прочитывается на одном дыхании. Такого эффекта когда-то добился Степан Вартанов со своей «Белой дорогой» (кстати, в творческой манере Китаевой и Вартанова есть нечто общее). Во-вторых, Ольга Онойко. Ее повесть «Летчик и девушка» - еще один (после повести «Время Бармаглота» Дмитрия Колодана) ремейк классического романа «Мост» Иэна Бэнкса. Онойко не только построила еще один причудливый мир коматозника. Она к тому же внесла новый ход в развитие темы. В сущности, и Бэнкс, и Колодан, и иные авторы, говоря о выходе из комы, размышляют о том, какая сила может дать современному человеку смысл, позволяющий жить, вернуться к полноценной жизни? Традиционный ответ: любовь. Ольга Онойко поправляет: одной любви мало, нужно еще очень много сострадания.

Дмитрий Володихин

Лариса БОРТНИКОВА

ОХОТНИКИ. ПОГОНЯ ЗА ЖУЖЕЛИЦЕЙ

Москва: Этногенез, 2011. - 256 с.

30 000 экз.

Металлические фигурки зверей, птиц и насекомых. Фигурки, которые дают власть и воруют душу. Это «Этногенез», популярный фантастический проект, за счет разнообразия привлеченных авторов охватывающий самую широкую аудиторию.

Новая книга проекта вышла из-под пера автора, работавшего исключительно в малой форме. Автора, состоявшегося как в фантастическом цехе, так и в «толстожурнальной» среде.

«Погоня за жужелицей» - книга неоднозначная. В центре сюжета божья коровка, которая предлагает варианты развития событий общим числом семь, и жужелица, которая из предложенных вариантов выбирает оптимальный. Это так называемая «султанская пара», дающая своему обладателю почти безграничные возможности.

В отличие от большинства предметов «Этногенеза», султанская пара не дает видимых сверхспособностей. Она лишь влияет на решения, принимаемые владельцем.

С одной стороны, это делает роман более «литературным», с другой - превращает героев в марионеток. Впрочем, многим ли отличается

марионетка, за которую принимает решение жужелица, от той, что готова сознательно пойти на любое преступление ради вечной молодости?

Сюжет спасает превосходное описание турецких реалий, где разворачивается большая часть действия. Автор прекрасно знает, о чем пишет: в течение нескольких лет Л.Бортникова прожила в Турции, досконально изучила быт и культуру этой страны.

Все герои Бортниковой мотивированы, автор рассказывает нам истории, в которых сразу понятно, почему персонажи действуют именно так, а не иначе. И в тот момент, когда мотивация людей отступает на второй план, покоряясь предметам, становится по-настоящему жутко.

Финал, по традиции проекта, прерван на самом интересном месте. Продолжение следует.

Дэн Шорин

Алексей МАВРИН

ПСОГЛАВЦЫ

СПб.: Азбука, 2011. - 352 с.

15 000 экз.

Трое столичных парней приезжают в затерянную в лесу деревню - снять со стены заброшенной церкви странную фреску, изображающую собакоголового святого Христофора. Вроде бы и не слишком тяжелое задание, однако вокруг москвичей начинают твориться загадочные и необъяснимые дела. Сгущается атмосфера неприязни со стороны местных жителей, да и сами приезжие что-то никак не поладят между собой. Кто виноват? Кто рыщет окрест, медленно, но верно сужая петлю и отрезая путь к отступлению?

Дебютная книга А.Маврина написана в необычном для отечественной фантастики жанре дэнжерологии, суть которого в описании охоты людей за смертельно опасными памятниками культуры. Отчасти напоминает приключения Индианы Джонса и межавторский цикл «Этногенез»: таинственные предметы и их влияние на судьбы человечества. Но это, так сказать, внешняя, фантастическая составляющая сюжета.

В остальном - реалистическая психологическая проза. Здесь исследуются всевозможные фобии, главной из которых становится ужас урбанизированного человека перед глухой провинцией. Контраст двух миров хорошо передан автором. Между ними лежит глубокая и непреодолимая пропасть. Главный герой предпринимает попытки преодолеть ее и выламывается за грани привычного мира, лишь чуть-

чуть приблизившись к пониманию мира неведомого. Реальность начинает мгновенно трансформироваться, приобретая иррациональную окраску.

В самом начале романист выставляет маячки, заявляя, что прежде всего ориентировался на сочинения Стивена Кинга. В общем, вышло довольно удачное подражание великому мастеру. Автор «Псоглавцев» еще не совсем тверд в пользовании словесной палитрой, слог его беден и прост (если это опрощение не намеренный художественный прием), однако «сюжетосложением» он овладел, да и психологические, пейзажные и бытовые зарисовки выходят неплохо.

Игорь Чёрный

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА - 2011.

Сборник

Москва: Эксмо, 2011. - 832 с.

5000 экз.

Сборник составлен по итогам мастер-классов крымского фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг - 2010». Вместе с рассказами лауреатов сюда вошли тексты популярных писателей, давно снискавших любовь поклонников жанра. «Созвездие Аю-Даг» называют оплотом НФ-возрожденцев, поэтому и сборник получился в лучших традициях НФ. Преобладание научной идеи, динамичный сюжет и неожиданный финал - характерные черты большинства вошедших в него произведений. «Проклятый» вопрос - «Что же такое НАУЧНАЯ фантастика?» - витает над страницами текстов. Составители разумно поделили сборник на тематические сектора. Открывают книгу произведения, объединенные темой «НФ - это очень грустно», а продолжают, конечно же, «НФ - это очень весело», и далее: «Научно», «Фантастично» и даже «Поэтично».

Самый заметный текст сборника - «Бобугаби» Александра Громова, уже известный читателям «Если» рассказ о проблеме долголетия, неожиданно постигшей сначала расу лимуроподобных существ, а затем и землян. Ученые, заинтересованные тем, что же такое «бобугаби», выдвигают разные предположения, но разгадка настигает их уже на Земле. А в финале литературной части сборника читателей ждет рассказ Дмитрия Володихина «Анна Харфагра» - сказочная история о всепобеждающей силе любви.

Сборник «Настоящая фантастика - 2011» делится на две части: литературно-художественную и критико-публицистическую. Во вторую вошли биографические очерки о классиках и современниках, публицистика и традиционные мастер-классы (или лекции, если хотите)

от Г.Л.Олди. Такие материалы, конечно же, особенно интересны молодым авторам. Рецензента же более всего привлекли историко-критические статьи Артёма Гуларяна «Его называли «Советским Жюлем Верном» и Сергея Чебаненко «Созвездие Георгия Мартынова», посвященные творчеству классиков советской НФ Александру Беляеву и Георгию Мартынову.

Светлана Кузнецова

Роберт МАККАММОН

МИСТЕР СЛОТЕР

Москва: АСТ, 2011. - 477 с.

Пер. с англ. М.Б.Левина.

4000 экз.

В третьем романе о приключениях Мэтью Корбетта Маккаммон продолжает разыгрывать стандартные детективные схемы, и на сей раз основой сюжета становится не преступление, а преследование. Поймать серийного убийцу мистера Слотера - вот задача, которую должен решить главный герой. В сравнении с предыдущими книгами цикла темп повествования взят куда более высокий. Едва расставив фигуры на шахматной доске и напомнив читателям содержание предыдущих книг, автор организует побег Тирануса Слотера и отправляет его незадачливых конвоиров по горячему следу.

Для произведений Маккаммона характерно отсутствие морального релятивизма. Добро и зло здесь всегда разведены по разным углам ринга.

И совсем не случайно писатель обратился к эпохе североамериканских колоний. Помимо очевидного реверанса в сторону читательской аудитории, эти времена - надежное прибежище для авторских позиций по поводу природы добра и зла: не то чтобы несвоевременных, но определенно старомодных. Расследования Корбетта вызывают в памяти детективы Конана Дойля и Эдгара Уоллеса не только построением интриги, но и inferнальной фигурой главного злодея - профессора Фелла, такого Мориарти XVIII века. Маккаммон традиционно хорош в описании своих героев и не скупится на краски даже для персонажей второго плана.

«Мистер Слотер» иллюстрирует авторскую тягу к сериальности, в которой Маккаммон раньше не был замечен. Автор неуклонно ведет сюжет ретронуара к столкновению Корбетта и профессора Фелла в «самой главной схватке», умело прививая к основной интриге ростки новых загадок. И хотя Фелл появляется лишь на последних страницах, можно предположить, что до развязки и финального противостояния

еще далеко. Отраднo при этом, что автор не снижает ни сюжетной динамики, ни привлекательности повествования, удачно избегая штампов и самоповторов.

Сергей Шикарев

Вл. ГАКОВ

СЛЕЗНАЯ МОЛИТВА УОЛТЕРА МИЛЛЕРА

Американский писатель, которому в этом месяце исполнилось бы 90 лет, прожил жизнь странную, даже трагическую. Такой же странной оказалась и книга Уолтера Миллера-младшего, благодаря которой его имя вошло в анналы англоязычной Science Fiction, да и вся его литературная судьба: один роман и четыре десятка рассказов и повестей, выпущенных за неполные десять лет, две статуэтки «Хьюго», а после - добровольный обет молчания и затворничество.

Есть книги, несомненные достоинства которых еще более усиливают разного рода привходящие обстоятельства - такие, например, как издательская судьба произведения. Или личность автора. Каких-то особенно сенсационных фактов биография Уолтера Миллера не содержит, хотя и в ней можно отыскать любопытные подробности, без знания коих чтение его произведений может оказаться делом малоперспективным.

Уолтер Майкл Миллер-младший родился 23 января 1922 года в городке Нью-Смирна-Бич во Флориде. Казалось бы, не детство, а сплошные каникулы: песчаные пляжи, солнце круглый год (если не считать регулярно обрушивавшихся на берега Флориды тайфунов), пальмы, теплое море... Однако в полной мере насладиться всеми этими радостями мальчик не смог - родители были ревностными протестантами и воспитали сына в строгой вере. Так что все его

«курортное» детство свелось по сути к сурово-аскетичной, если не сказать унылой, реальности закрытой частной школы-пансиона.

Стать писателем, как позже признавался Миллер, он мечтал с детства. Однако отец, искренне желая сыну добра, посоветовал ему получить хоть какое-то техническое образование, дабы «не оставаться всю жизнь свободным художником, умирающим с голоду». Вняв отцовскому совету, Миллер сразу по окончании школы поступил на инженерный факультет Университета штата Теннесси. Было это в 1940 году. Но не проучившись и полутора лет, студент Миллер получил призывную повестку. Его страна, испытав национальное унижение в Перл-Харборе, вступила в войну...

Бортовой радист и хвостовой стрелок бомбардировщика, Миллер принял участие в 53 боевых вылетах, был ранен и награжден боевой медалью. Бомбы с его самолета падали не только на позиции и военные объекты противника, но и на мирные города Италии и Югославии. Однажды ему, человеку глубоко верующему, судьба подготовила особое испытание - он участвовал в налете союзной авиации на монастырь бенедиктинцев в Монте-Кассино, превращенный войсками дуче в укрепленную крепость. Молодой летчик еще не обратился в католичество, но монастырь - он монастырь для любого верующего, независимо от конфессии.

В год окончания войны, за неделю до дня победы Миллер женился, а спустя два года поступил на инженерный факультет Техасского университета в Остине. Но, проучившись четыре года, плюнул на диплом и устроился на временную работу линейным механиком на железной дороге. Во всяком случае, на пенсию он вышел с карточкой социального обеспечения, расходы по которой покрывал профсоюз железнодорожников.

Остается добавить, что в возрасте 25 лет Уолтер Миллер самостоятельно сделал свой главный выбор в жизни - обратился в католичество.

О личной жизни писателя известно немного. Парадоксально, но еще меньше могут рассказать о нем родные и близкие - а у него, между прочим, было четверо детей! Всю жизнь преследовавшие писателя странности (которые специалисты уклончиво назовут «синдромом антисоциального поведения») в последние годы вылились в настоящую манию, приведшую к фактическому добровольному затворничеству. Почти 20 лет Миллер прожил анахоретом, редко общаясь даже с родными. Время от времени он писал рассказы, однако деловые контакты с издателями и литагентом ограничил общением по телефону или посредством переписки.

У меня есть две фотографии писателя. Первая снята, видимо, еще до начала кризиса. Жгучий брюнет с энергичным лицом и «марк-твенновскими» густыми усами - красавец-мачо, ковбой, супермен! И

другое фото, опубликованное в журнале Locus вместе с некрологом. Заметно обрюзгшее лицо человека с поредевшими курчавыми волосами и приветливой широкой улыбкой. Выражение глаз разглядеть трудно, они скрыты очками, но, во всяком случае, ничего «безумного» в этом человеке на первый взгляд нет.

Однако чем ближе к концу, тем больше душу Миллера заполнял какой-то непонятный мрак. Сейчас врачи поставили бы ему диагноз «посттравматический синдром», под травмой подразумевая трагический военный опыт. В передние годы жизни он и писать перестал. Скорее всего, писатель просто тихо сходил с ума. И этот «непрофессиональный» диагноз, ходивший в среде его коллег, только подтвердила странная и нелепая смерть писателя.

Так распорядилась судьба, что жизнь автора «Песни по Лейбовицу» оборвалась там же, где он появился на свет. Во Флориде, но на сей раз в другом курортном городке - Дейтона-Бич. Трагедия произошла таким же солнечным январским днем 1996 года. Как-то поутру соседи услышали выстрел в доме, где постоянно проживал странный, явно чокнутый старик, после смерти жены несколько месяцев не выходивший на улицу и ни с кем не общавшийся. Прибывшие полицейские констатировали «смерть в результате раны, вызванной неосторожным обращением с ружьем». Так это было на самом деле или Уолтер Миллер совершил осознанное самоубийство, мы уже, вероятно, никогда не узнаем. Как тайной останется и то, что толкнуло его, набожного католика, на этот смертный грех.

О его редкой - по краткости и стремительности - литературной карьере сведений тоже кот наплакал.

Долгое время это имя было практически неизвестно у нас в стране. Если не считать дежурной фразы, которую советские критики (с легкой руки большого «знатока» западной фантастики Александра Казанцева) без устали переписывали друг у друга, как своего рода мантру: «у американца Уолтера Миллера (роман «Песнь по Лейбовицу») на испепеленной атомной катастрофой Земле первой возрождается апостольская римско-католическая церковь». И все - как ярлычок привесили: реакционер, мракобес...

Признаюсь, я и сам за неимением иной информации, какое-то время полагался на оценку Казанцева. Все «продвинутые» фэны той поры, увы, знакомились с забугорной фантастикой в основном по статьям и предисловиям критиков... Но мое заблуждение длилось до того момента, как был раскрыт истрепанный «пейпер-бек» издательства Bantam Books. А затем залпом проглочен - от корки до корки!

Позже, в «Энциклопедии научной фантастики» под редакцией Питера Николлса (первом издании 1993 года) я прочитал резюме, с которым трудно не согласиться: «Влияние Уолтера Миллера-младшего на

современную американскую научно-фантастическую литературу обратно пропорционально незначительному количеству выпущенных им книг». Их было всего три - роман и два сборника. По стандартам американского книжного рынка - ничто, исчезающе малая величина. Как согласно закивают головами издатели, критики, литературные агенты, при подобной «продуктивности» имя себе в Америке не сделаешь. По крайней мере в НФ, где даже маститые авторы не могут себе позволить почивать на лаврах и постоянно и целеустремленно вынуждены напоминать о своем существовании.

А Уолтер Миллер сделал. Наперекор всем законам рынка. И сделал себе имя всего за шесть лет! В 1950 году писатель дебютировал реалистическим рассказом в мейнстримовском журнале «American Mercury». Спустя год в «Amazing Stories» появился и первый НФ-рассказ Миллера «Секрет храма Смерти». А после 1957-го, когда в журнале «The Magazine of Fantasy & Science Fiction» была напечатана третья, заключительная часть единственного романа (в принципе, для того чтобы сделать имя, хватило бы его одного), писатель надолго замолчал. За это время вышли лишь два сборника, составленных из ранее опубликованного: «Условно человек» (1962) и «Взгляд со звезд» (1965). И отдельной книгой - роман «Песнь по Лейбовицу» (1959), через год получивший высшую жанровую награду - премию «Хьюго».

Не сомневаюсь, появившись альтернативная премия профессионалов «Небьюла» лет на десять раньше (она была основана в 1965 году) - и роман Миллера сделал бы заветный «дубль»!

Кроме романа на счету Уолтера Миллера еще около четырех десятков рассказов и коротких повестей, одна из которых - «Мастер сцены» - также была награждена премией «Хьюго» (1955). Герой ее - безработный театральный актер, подвизавшийся для заработка в должности мастера сцены. Решив самовольно изменить «роли» театральных автоматов-манекенов, он в результате сам оказался подвешен «на ниточку». История не новая, но не потерявшая актуальности - кукловод, превратившийся в куклу-марионетку...

Вообще-то, две высшие премии на столь незначительное количество опубликованного - своего рода рекорд. Произведения Миллера прились ко двору в американской фантастике конца 1950-х, потому что в это время фокус читательского интереса сместился с галактических приключений, путешествий во времени и моральных терзаний роботов на человека. А Уолтер Миллер никогда ни о чем другом и не писал.

И все-таки он неизбежно затерялся бы, утонул в водопаде новейшей фантастики, если бы не «Песнь по Лейбовицу». Первая треть романа - сначала в виде короткой и законченной повести - была опубликована в 1955 году журналом «The Magazine of Fantasy & Science Fiction». Неизвестно, виделось ли самому автору в ту пору какое-то

продолжение, однако оно последовало - и не одно, а целых два. И в итоге все три повести стали тремя частями («Fiat Homo», «Fiat Lux» и «Fiat Voluntas Tua») большого романа, занявшего достойное место среди классики научной фантастики XX века.

Эта книга может восхитить, а может и оттолкнуть своей жестокой и одновременно сострадательной правдой о нас с вами, обо всем человечестве. Но представить себе сегодня эту литературу без романа Миллера просто невозможно. Известно, что в последние годы жизни Миллер работал над романом-продолжением, но, видимо, понимал (или знал?), что не успеет. Поэтому и попросил своего литагента подыскать «литературного негра» (в Америке их называют политкорректнее - ghost writer, писатель-призрак), чтобы тот завершил работу, не претендуя на появление собственного имени на обложке. А в результате роман «Святой Лейбовиц и всадница на необъезженном скакуне» (вышел посмертно, в 1997 году) завершил автор известный и состоявшийся - Терри Биссон. Гордо отказавшийся даже от «соавторства», поскольку посчитал доставшуюся ему рукопись «практически вылизанной».

Осознать пафос главного произведения Уолтера Миллера без сообщенных выше минимальных биографических сведений будет нелегко. Особенно без знания о том авиарейде на монастырь Монте-Кассини, оставившем в душе писателя незажившую психологическую рану. Весь роман - сдавленный предсмертный вопль, исступленная молитва, боль и отчаяние! И едва прорывающаяся сквозь них надежда.

Под занавес книги бомбы тоже начнут падать на монастырь - на сей раз обитель Ордена святого Лейбовица. А в самом финале стены ее - где братство на протяжении веков, следовавших после опустошительной атомной войны, хранило и лелеяло культурные артефакты погибшей цивилизации - обрушатся, как гнев Божий, на последнего настоятеля и убьют его. Но перед этим свет, падающий с небес, Люциферов огонь (ибо Люцифер - не только имя павшего ангела, ставшего врагом рода человеческого, но в переводе с греческого - Светоносец) еще даст, по прихотливой фантазии романиста, рождение новой непорочной девы, внезапно прозревшей от спящего атомного пламени. Ее взор впервые откроется миру - невинный и любопытный взор ребенка. (Я пишу привычные «она», «ее», хотя речь идет о внезапно проснувшейся, ожившей... второй голове женщины-мутанта!) Цивилизация на Земле рухнет в очередной раз, вероятно, окончательно и бесповоротно. А последний звездолет с монахами Ордена отправится в далекую звездную колонию, чтобы там попытаться возродить эту цивилизацию заново.

Это, безусловно, произведение религиозное. После знакомства с ним вопрос о конфессии отпадет сам собой - кажется, во время оно Святой

престол благодарно приобщал к лику святых и за меньшее! Говоря так, я имею в виду вовсе не католический монастырь - основное место действия и не образы братьев Ордена святого Лейбовица. Но, скорее, внутреннее чувство, настроение и неистребимую веру автора в некие высшие ценности. Вера эта слепа и инстинктивна, несмотря ни на что и вопреки всему, что подсказывают разум, опыт и здравый смысл. Вопреки даже ужасной, обескураживающей правде о том, как человечество на деле следует этим проповедуемым ценностям.

Как верующий человек Миллер не желает видеть эту правду. Однако художник Миллер не может просто отбросить ее как дьявольское наваждение. И это столкновение, конфликт религиозной веры и объективного знания (а НФ по-прежнему остается для автора этих строк литературой беспощадно трезвой и по сути иконоборческой), на мой взгляд, как раз самое интересное в этом романе.

Можно, конечно, при желании прочитать роман как апологию религии - единственного оплота знания и культуры в темные времена. Но почему же тогда, несмотря на все тщание и бескорыстное служение Знанию (как они его понимают), дело монахов с самого начала безнадежно проиграно? Почему у Святого престола не вышло и на этот раз?

Во всяком случае, каков бы ни был ответ (а если бы те, кто не разделяет веру автора романа, знали его, то им оставалось, вероятно, только умереть от счастья!), «Песнь по Лейбовицу» заставит задуматься над очередными «проклятыми вопросами». Или, как минимум, отрешиться еще от одной иллюзии, химеры, столь модной в наши заметно «темнеющие» времена.

Католическая зауспокойная месса - Requiem - состоит из нескольких канонических функциональных частей. Обычно где-то в середине мессы композитор помещает самую пронзительную и щемящую часть - Lacrimosa («Слезную»), следующую после отзвучавшей мощной Dies Irae («Судного дня») и в преддверии финальной Lux Eterna («Вечный свет»). Lacrimosa американского писателя - это плач по падшему человечеству в обоих смыслах (физическая гибель и грех). Это слезная молитва о прощении согрешившего, выражение сострадания к нему и робко высказанная надежда на пришествие света. Но одновременно это еще и трагическое осознание того, что все в нашем мире взаимосвязано и свет может явиться в образе Люцифера.

Если закрывать глаза на эту взаимосвязь - обязательно явится.

Курсор

Курсор

☞ **Евгений Лукин** был награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени. Это одна из высших наград России, указ о награждении подписывает Президент. Официальное обоснование: «За заслуги в развитии отечественной культуры и искусства, многолетнюю плодотворную деятельность». «Если» поздравляет своего постоянного автора и друга редакции с заслуженной наградой и желает, чтобы и в дальнейшем жизненные успехи не отставали от творческих.

☞ **Объявлены лауреаты** канадской премии Aurora Awards, вручаемой за англоязычные тексты. Лучшим романом назван «WWW: Дозор» Роберта Сойера, рассказом - «Бремя огня» Хейдена Тернхольма.

☞ **Режиссер-мультипликатор** Александр Люткевич, создавший «Незнайку на Луне», вновь обратился к классике советской фантастики для детей: в 2012 году ожидается выход многосерийного анимационного фильма «Необыкновенные приключения Карика и Вали» по знаменитой повести Яна Ларри. Роль профессора Енотова блестяще озвучил ведущий популярной телепередачи «В мире животных» Николай Дроздов. «В нагрузку» к мультфильму аниматор, уже на пару с художником Андреем Рубецким, осуществил еще один проект: в основу документально-биографического фильма «Ларри» легла статья сотрудника журнала «Если» Евгения Харитонов (который, помимо прочего, предстал сценаристом, композитором и ведущим картины). Оба фильма без телевизионных «купюр» выйдут на DVD, а саундтрек к «Ларри» уже сейчас можно услышать на сайте музыкального проекта сценариста: <http://eugenekha.blogspot.com/>

☞ **«Поехали!»** С 3 по 5 ноября 2011 года в «колыбели космонавтики» Калуге прошел первый Межрегиональный открытый фестиваль фантастики, названный по космическому призыву Гагарина. На конвенте собрались известные писатели-фантасты: Сергей Лукьяненко, Александр Громов, Александр Зорич, Владимир Васильев, Сергей Слюсаренко, Антон Первушин и другие, которые с удовольствием пообщались с читателями, а также посетили музей космонавтики и иные космические достопримечательности города. Кроме писателей, здесь побывали режиссеры Владимир Тарасов и Александр Майоров, представившие калужанам свои знаменитые фильмы. В рамках фестиваля прошел конкурс детских рисунков, стихов и рассказов «Хочу в космос!». Примечательно, что на этом конвенте не

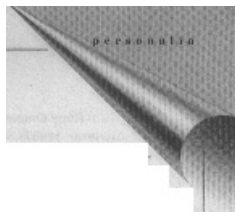
вручались традиционные для мероприятий такого рода призы - за исключением наград участникам конкурса детского рисунка.

☞ **«Вечные паруса»** - это новое фантастическое мероприятие (и тоже без призов!) прошло в ином конце Земли. Фестиваль фантастики состоялся 22-23 ноября в Красноярске. Организовали его местные библиотеки, поэтому гостям фестиваля предстояло множество встреч с читателями не только в городе, но и в окрестных поселках. Фестиваль посетили как бывшие красноярцы Андрей Лазарчук и Леонид Кудрявцев, так и популярные отечественные авторы: Владимир Васильев, Василий Головачев и другие. С публичными лекциями выступил знаменитый уфолог, руководитель проекта «Космопоиск» Вадим Чернобров.

☞ **«Астронавты»** Станислава Лема празднуют шестидесятилетие. Юбилей выхода в свет первого романа писателя своеобразно отметил популярный интернет-поисковик Google. На главной странице прямо над строкой поиска был размещен так называемый «дудл» - модифицированный логотип. Он представляет собой интерактивный мультфильм-квест. Просматривая этот ролик, сделанный на основе знаменитых графических иллюстраций художника Даниэля Мроза к «Кибериаде», нужно выполнить ряд заданий.

In memoriam 21 ноября в Ирландии от инсульта на 86-м году жизни скончалась знаменитая американская писательница Энн Айнес Маккефри. Она родилась в 1926 году в Кембридже, штат Массачусетс, в 1947-м получила степень бакалавра (с отличием, славянские языки и литература), профессионально занималась музыкой - пела оперные партии и дирижировала оркестром. В фантастике Маккефри дебютировала в 1953 году рассказом «Свобода соревноваться» и после этого посвятила свою жизнь литературе. В начале 1970-х покинула США и переселилась в Ирландию. Известна циклами произведений: самый знаменитый из них - Пернский цикл (с 1968 года - 22 романа, два сборника, снимается сериал), также популярны сериалы «Корабль, который пел» и «Дьюна». Маккефри стала первой женщиной-фантастом, которая завоевала премии «Хьюго» (1968) и «Небьюла» (1969). Всего Энн Маккефри подарила читателям более 100 фантастических книг.

Агентство F-пресс

personalia

БЁРНС Стивен (BURNS, Stephen L.)

Американский писатель Стивен Бернс родился в 1953 году, а первый свой фантастический рассказ «Следующий» опубликовал в 1984-м. С тех пор предложил читателям два романа, «Плоть и серебро» (1999) и «Звонок с далекого берега» (2000), а также около полусотни рассказов и повестей в разных жанрах - от приключенческой фэнтези до «твердой» НФ в духе журнала «Analog», где писатель регулярно печатается последние годы.

Два рассказа фантаста, «Прикосновение извне» (1985) и «Белая комната» (1993), завоевали премию, присуждаемую ежегодно читателями этого журнала, а роман-дебют «Плоть и серебро» принес автору Премию Комптона Крука (Compton Crook Award), присуждаемую за лучшие произведения в жанре фэнтези. Кроме того, еще четыре рассказа были номинированы на премию «Хьюго», по одному - на «Небьюлу» и Премию имени Филипа Дика.

МАКДЕВИТТ Джек (McDEVITT, Jack)

Джон Чарлз Макдевитт, выступающий под псевдонимом Джек Макдевитт, родился в 1935 году в Филадельфии, штат Пенсильвания. Первая жанровая публикация датирована 1981 годом - это был рассказ «Эффект Эмерсона». С тех пор автор опубликовал 18 романов (в том числе два цикла) и около семи десятков рассказов и повестей. Лучшие из них составили сборники «Стандартные свечи» (1996), «Корабли в небе» (2005), «Вовне» (2006) и «Латентный» (2009).

Роман «Омега» (2003) принес автору Премию имени Джона Кэмпбелла, а книга «Искатель» (2005) - премию «Небьюла». Произведения писателя еще 17 раз номинировались на «Небьюлу», шесть раз - на «Хьюго», четырежды - на Премию имени Джона Кэмпбелла, по одному разу - на Британскую премию по научной

фантастике и на Премию имени Филипа Дика.

ОЛШЕН Джерри (OLTION, Jerry)

Американский прозаик Джерри Брайан Олшен родился в 1957 году и в 1982-м дебютировал в научной фантастике «шекспировским» рассказом «Много шума из ничего». В последующие годы опубликовал около полутора сотен рассказов и повестей (многие - в соавторстве), лучшие из которых составили сборники «Любовные песни безумного ученого» (1993) и «Двадцать вопросов» (2003). Его повесть «Не демонтировать» (1996, перевод был опубликован в журнале «Если») номинировалась на все высшие жанровые премии и в результате завоевала одну из них - «Небьюлу». Кроме того, произведения Олшена еще четыре раза выдвигались на ту же премию, четыре раза - на «Хьюго» и один - на Британскую премию научной фантастики.

Перу Олшена также принадлежат шесть романов - «Система отсчета» (1987), «Жесткое столкновение» (1998, под псевдонимом Райан Хьюз) и другие, а также несколько романов в различных «чужих» сериях. В цикле «Город роботов Айзека Азимова» Олшен участвовал романами «Союз» (1990) и «Человечность» (1990), в серии «Звездный путь» - книгами «Конец заката» (1996) и «Грязь в глаза» (1996), а в эпопее «Мир Реки» - романом «Просто потому, что это есть» (1993).

РАШ Кристин Кэтрин (RUSCH, Kristine Kathryn)

Известная американская писательница и редактор родилась в 1960 году и дебютировала рассказом «Песня» (1987). С тех пор опубликовала более шести десятков научно-фантастических и фэнтезийных романов (не считая книг других жанров), а также около двух сотен рассказов и повестей. Многие произведения написаны в соавторстве с мужем - писателем-фантастом Дином Уэсли Смитом (часто под общим псевдонимом Сэнди Шофилд), а также с Кевином Андерсоном, Ниной Кирики Хоффман и Джерри Олшеном. В 1989-м Раш была номинирована, а в следующем году удостоена Премии имени Джона Кэмпбелла. В ее коллекции литературных трофеев также премия «Хьюго» - за короткую повесть «Младенцы Миллениума» (2001). Произведения Раш неоднократно номинировались на высшие премии: шесть раз - на премию «Хьюго», пять раз - на премию «Небьюла», трижды - на Всемирную премию фэнтези и по одному разу - на Премию имени Артура Кларка и Премию имени Теодора

Старджона. В прошлом году рассказ «День красных писем» (перевод опубликован в «Если») по итогам читательского голосования был признан лучшим рассказом журнала «Analog» из опубликованных в 2010 году.

В 1991-1997 годах Раш занимала пост главного редактора журнала «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», получив премию «Хьюго». А вместе с мужем основала небольшое жанровое издательство «Pulphouse Press», что принесло супругам Всемирную премию фэнтези в 1989 году.

РЕЗНИК Майк (RESNICK, Mike)

Один из видных представителей американской фантастики последних десятилетий Майкл Даймонд Резник родился в 1942 году в Чикаго. Предки его были выходцами из России. Окончив университет, Резник работал клерком в управлении железных дорог, кинологом, редактором в издательстве. Активный поклонник творчества Эдгара Райса Берроуза, Резник дебютировал в литературе романом «Забывтое море Марса» (1965), представлявшим собой откровенное подражание кумиру. Начав затем писать коммерческую героическую фэнтези в духе того же Берроуза, писатель неожиданно на полтора десятка лет оставил фантастическую литературу, переключившись на иные жанры и успев написать под множеством псевдонимов более 200 книг.

Возвращение Резника в научную фантастику состоялось в середине 1980-х. Сейчас на счету писателя около 190 рассказов и повестей и около 80 романов, многие из которых объединены в серии - такие, как «История будущего», «Рассказы о галактическом Мидуэе», «Хроники дальних миров», «Оракул», «Кириньяга», эротическая тетралогия «Истории бархатной кометы».

Резник девять раз становился лауреатом премии «Хьюго» и по одному разу завоевывал премии «Небьюла» и Skylark (имени Эдуарда «Дока» Смита), а также два десятка наград рангом ниже. Только на премии «Хьюго» и «Небьюла» произведения Резника номинировались 50 раз!

Кроме того, известность Резнику принесла серия составленных им оригинальных антологий на темы альтернативной истории: «Альтернативные президенты», «Альтернативные полководцы», «Альтернативные преступники», «Альтернативные тираны», наконец, «Альтернативные всемирные конвенции». Всего же на счету Резника более двух десятков антологий.

САИНО Эдуарде Дельгадо

(ZAHINO, Eduardo Delgado)

Испанский фантаст Э.Д.Саино родился в 1971 году в Мадриде. Первый рассказ «Наконец-то он оказался на Марсе» опубликовал в 2007 году. С тех пор его работы не раз номинировались на Международную премию электронных издательств, а в 2010 году рассказ «Надежда на спасение» получил вторую премию. Среди увлечений писателя почетное место занимает астрономия, и по его словам, этой страстью он обязан прежде всего книгам Карла Сагана.

СИНГХ Вандана (SINGH, Vandana)

Индийская писательница Вандана Сингх родилась в Нью-Дели, где закончила один из местных университетов с дипломом экономиста. В дальнейшем перебралась в Нидерланды, а потом - в США и защитила магистерскую (в Чикагском университете) и докторскую (в Университете Урбана-Шампань) диссертации в области информатики. В настоящее время преподает физику и информатику в колледже штата Массачусетс в Фреймингеме, проживая вместе с семьей в окрестностях Бостона. Пишет книги для детей и статьи, посвященные социальным проблемам ее родины.

Дебютом В.Сингх в фантастике стал рассказ «Комната на крыше» (2002). Впоследствии она опубликовала около полутора десятков рассказов и повестей, лучшие из которых составили сборник «Женщина, воображавшая себя планетой» (2008). Один из рассказов писательницы был номинирован на Британскую премию по научной фантастике.

СПИНРАД Норман (SPINRAD, Norman)

Один из ярких представителей американской «Новой волны» Норман Ричард Спинрад родился в 1940 году в Нью-Йорке и там же закончил городской колледж с дипломом юриста. Затем жил в Сан-Франциско, Лос-Анджелесе, а в последние годы обосновался в Париже. Его дебют в научной фантастике состоялся в 1963 году (рассказ «Последний римлянин»), с тех пор Спинрад опубликовал 17 романов - «Люди в джунглях» (1967), «Чокнутый Джек Барон» (1969, номинирован на премии «Хьюго» и «Небьюла»), «Мир между» (1979, номинирован на Британскую премию по научной фантастике), «Песни со звезд» (1980), «Русская весна» (1991) и другие, а также более шести десятков

рассказов и повестей, которые позже вошли в состав сборников «Последнее «ура» Золотой Орды» (1970), «Нет направления домой» (1975) и еще шести книг. Произведения Спинрада неоднократно номинировались на премии «Хьюго» и «Небьюла».

Выход в свет ряда произведений этого автора (по его собственной аттестации, «анархиста и синдикалиста») сопровождался скандалом и даже редкими в западном обществе цензурными ограничениями. Так, нашумевший роман «Железная мечта» (в этой «альтернативной истории» небесталанный художник Адольф Гитлер отказался от карьеры политика, эмигрировав в США и там сделав себе карьеру творческую) был временно запрещен в ФРГ (хотя на родине писателя номинирован на премию «Небьюла», а во Франции завоевал высшую премию в жанре - Prix Apollo).

Кроме того, Спинрад является автором трех книг non-fiction: «Опасный эксперимент» (1976, в соавторстве с Марион Зиммер Брэдли и Альфредом Бестером), пособие для начинающих писателей «Как выжить» (1983) и «Научная фантастика в реальном мире» (1990). Дважды, в 1980-1982 и 2001-2002 годах, исполнял обязанности президента Американской ассоциации писателей-фантастов.

ЯБЛОКОВ Александр (JABLOKOV, Alexander)

Александр Яблоков родился в 1956 году в Чикаго (штат Иллинойс) в семье эмигрантов из России. После окончания университета проработал некоторое время инженером по средствам связи в Бостоне, после чего в 1988 году окончательно переключился на литературную деятельность (однако, по его собственному признанию, «для денег» продолжает работать главой отдела маркетинга одной из фирм).

В фантастике писатель дебютировал рассказом «В тени ее улыбки» (1985) и с тех пор опубликовал шесть романов - «Вырежь небо» (1991), «Глубокое море» (1992) и другие - и около 40 рассказов и повестей; лучшие из них составили сборник «Остановка дыхания» (1994). Короткая повесть Яблокова «Лето и лед» (1995) была номинирована на премию «Хьюго».

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Владимир ИЛЬИН

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

ООО «Культснаб» предлагает вам подписку на шесть номеров журнала «Если» по цене 90 рублей за номер, **ВКЛЮЧАЯ СТОИМОСТЬ** почтовых услуг.

Цена действительна на номера 2012 года.

Номера будут высылаться подписчикам ежемесячно.

Обязательно укажите, с какого месяца по какой вы осуществляете подписку.

Процедура проста: вы можете обратиться в отделение банка, оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и отправить вместе с данными о себе в издательство.

Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по которому высылать журнал.

Извещение	ООО «Культснаб» (наименование получателя платежа)	Форма № ПД-4
	ИНН 7714757529 № р/с 40702810038260012548 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)	
Кассир	ОАО Сбербанк России, г. Москва (наименование банка получателя платежа)	
	БИК 044525225 № к/с 30101810400000000225 (номер кор.сч. банка получателя платежа)	
	КПП 771401001	
	Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. (наименование платежа)	
	Сумма платежа 540 руб. 00 коп.	
	Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.	
	Итого _____ руб. _____ коп.	
Квитанция Кассир	ООО «Культснаб» (наименование получателя платежа)	
	ИНН 7714757529 № р/с 40702810038260012548 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)	
	ОАО Сбербанк России, г. Москва (наименование банка получателя платежа)	
	БИК 044525225 № к/с 30101810400000000225 (номер кор.сч. банка получателя платежа)	
	КПП 771401001	
	Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. (наименование платежа)	
	Сумма платежа 540 руб. 00 коп.	
	Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.	
	Итого _____ руб. _____ коп.	

Извещение

ООО «Культснаб»

_____
(наименование получателя платежа)

ИНН 7714757529

_____
(ИНН получателя платежа)

р/с 40702810038260012548

№ _____

_____
(номер счета получателя платежа)

ОАО Сбербанк России, г.Москва

В _____
(наименование банка получателя платежа)
044525225 **к/с 30101810400000000225**

БИК _____ № _____
(Номер кор./счета банка получателя платежа)

КПП 771301001; код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на 6 месяцев

_____ (наименование платежа)
540 **00**
Сумма платежа: _____ руб. _____ коп.
Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.
Итого _____ руб. _____ коп

Кассир
Квитанция

ООО «Культснаб»

_____ (наименование получателя платежа)

ИНН 7714757529 **р/с 40702810038260012548**

_____ № _____
(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)

ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

В _____
(наименование банка получателя платежа)
044525225 **к/с 30101810400000000225**

БИК _____ № _____
(Номер кор./счета банка получателя платежа)

КПП 771401001

Подписка на журнал «Если» на 6 месяцев

_____ (наименование платежа)
540 **00**
Сумма платежа: _____ руб. _____ коп.
Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.
Итого _____ руб. _____ коп

Кассир

ВНИМАНИЕ!

ВНИМАНИЕ!

Издательская подписка: шесть номеров журнала с любого месяца. Отправьте сведения о себе (фамилия, имя, отчество, адрес с почтовым индексом) и приложите копию квитанции об оплате. Условия подписки опубликованы на предыдущей странице.

**Адрес: 119435, г. Москва, Большой Саввинский пер., д. 9.
ООО «Культснаб», отдел распространения.
Тел./факс: (499) 248-08-90 (доб. 177) e-mail: sales@lubkniga.ru**

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.	
« ____ » _____ 20__ г.	_____ (подпись плательщика)
Информация о плательщике	
_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)	
_____ (ИНН)	
№ _____	_____ (номер лицевого счета (код) плательщика)
С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.	
« ____ » _____ 20__ г.	_____ (подпись плательщика)
Информация о плательщике	
_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)	
_____ (ИНН)	
№ _____	_____ (номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____
(Ф.И.О., адрес плательщика)

_____
(ИНН)

№ _____

(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____

(подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____
(Ф.И.О., адрес плательщика)

_____
(ИНН)

№ _____

(номер лицевого счета (код) плательщика)

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТИ

Раджнара ВАДЖРЫ
«ПЯТЬ КОРОБОК ДЛЯ ДОКТОРА»
Адама-Троя КАСТРО
«УБЕЖИЩЕ»

РАССКАЗЫ

Джо ХОЛДЕМАНА, Леонида КУДРЯВЦЕВА,
Дмитрия ФЕДОТОВА, Павла АМНУЭЛЯ

ОЧЕРК

Вл. ГАКОВА о творчестве Пьера БУЛЯ

СТАТЬЯ

Глеба ЕЛИСЕЕВА:
Три в одном. Кто больше?

ЧИТАЙТЕ ФЕВРАЛЬСКИЙ
ВЫПУСК ЖУРНАЛА

ТЕКУЩАЯ ПОДПИСКА

Наш журнал вы найдете в каталогах
«Пресса России» и «Роспечать» (газеты, журналы).
Индекс 73118.
Подписаться можно с любого месяца на любой срок.
Стоимость одного номера — 87 рублей,
включая почтовые услуги.
Подписка ведется во всех отделениях связи.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТИ

Раджнара ВАДЖРЫ
«ПЯТЬ КОРОБОК ДЛЯ ДОКТОРА»
Адама-Троя КАСТРО
«УБЕЖИЩЕ»

РАССКАЗЫ

Джо ХОЛДЕМАНА, Леонида КУДРЯВЦЕВА, Дмитрия ФЕДОТОВА,
Павла АМНУЭЛЯ

ОЧЕРК **Вл. ГАКОВА** о творчестве Пьера БУЛЯ

СТАТЬЯ

Глеба ЕЛИСЕЕВА:
Три в одном. Кто больше?

ЧИТАЙТЕ ФЕВРАЛЬСКИЙ ВЫПУСК ЖУРНАЛА
Наш журнал вы найдете в каталогах «Пресса России» и

